
ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Юность древнего города.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 21 (2342)

Основан 1 апреля 1923 года

20 МАЯ 1972

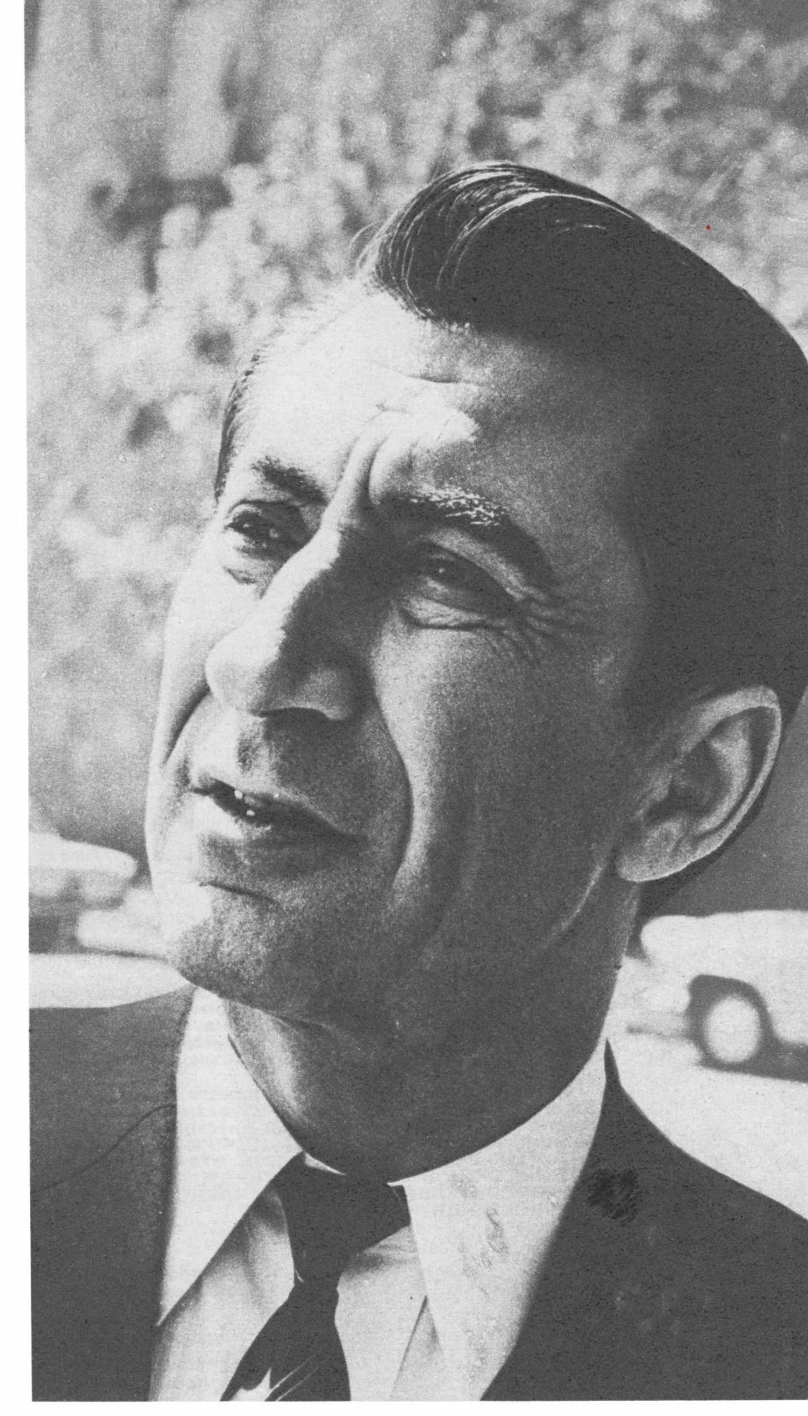
ЭНЕРГИЧ

Анаид Багдасарян, монтажница электронно-вычислительных машин «Наири».

Вечерний Ереван.

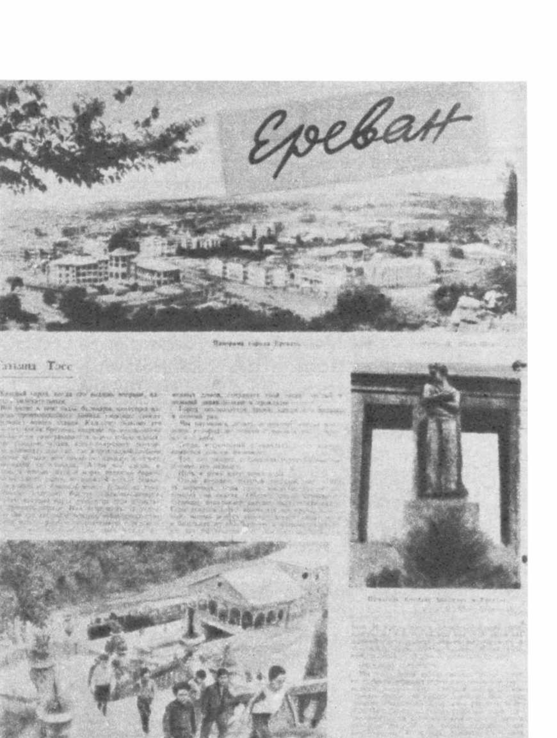

Председатель горисполкома Григорий Иванович Асратян.

НЫЙ ГОРОД

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

Ереван

1938 ГОД... «Огонек» публикует очерк с коротким и выразительным заголовком «Ереван». Есть в нем такие строки: «Ереван — столица Армянской ССР — оделся очень нарядно. Эта нарядность настолько естественна и органична, настолько вытекает из самой природы Еревана, что становится поистине больно, когда вспомнишь, сколько лет этот город находился в нищете и грязи...»

И вот снова корреспондент «Огонька» рассказывает о столице Советской Армении.

Ия МЕСХИ **Фото К. КАСПИЕВА.**

КТО ПЕРЕД КЕМ В ДОЛГУ!

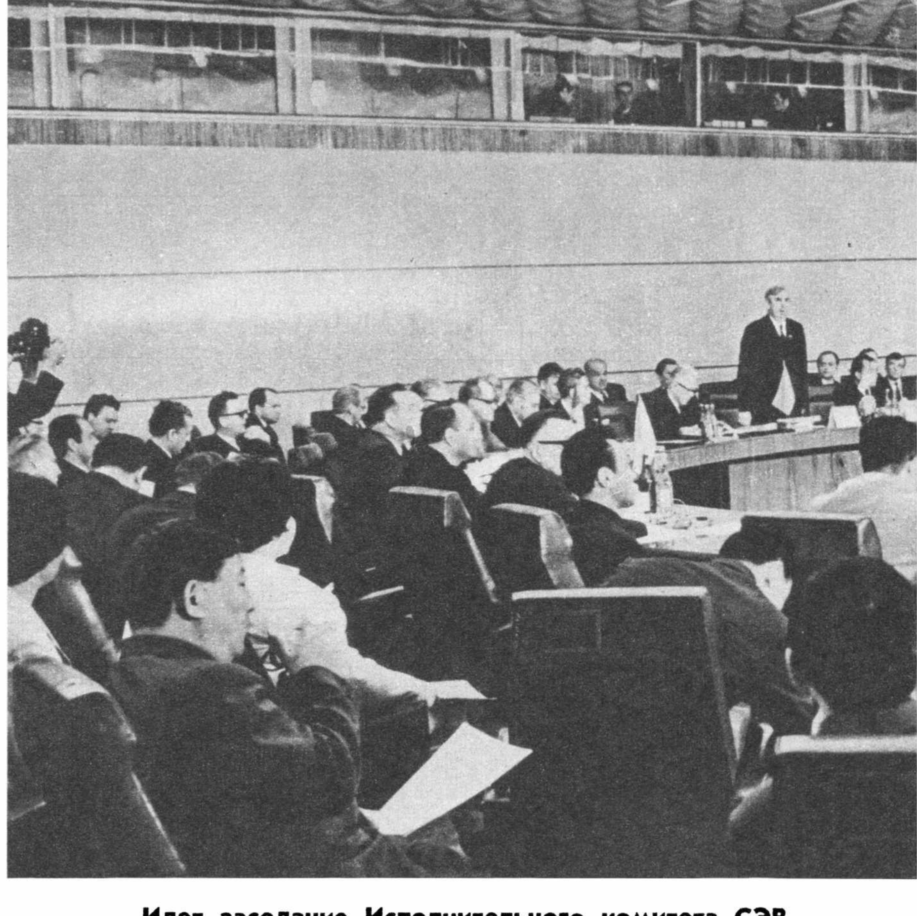
Лет двадцать назад я сидела в гостях у молодой поэтессы Сильвы Капутикян в ее маленьком старом домике, буквально вбитом в землю, как гвоздь. По улице за окном шаркали прохожие, стучали по асфальту каблуками резвые девицы. В окно были видны ноги, только одни ноги. И еще был виден на той стороне улицы Амиряна кусок фасада только что отстроенного пяти- или шестиэтажного дома, на балконах которого уже кипела жизнь.

Именно этому дому, людям, которые поселились в этом доме, посвятила Сильва свое незатейливое, прозрачное, очень искреннее стихотворение «Сосед». Она радовалась, что сосед уже сломал свою халупу и перешел в новый, хороший дом, приличествующий хоро-

Продолжение на стр. 20—21.

СЭВ В ДЕЙСТВИИ

Идет заседание Исполнительного комитета СЭВ.
Фото А. БОЧИНИНА.

КУРС —

23 года назад впервые в истории человечества была создана социалистическая международная, межгосударственная экономическая организация — Совет Экономической Взаимопомощи. Она олицетворяет собой новый тип экономических отношений между народами, основанных на принципах пролетарского, социалистического интернационализма.

Говоря о перспективах развития социалистических государств, В. И. Ленин еще в 1918 году отмечал: «...все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся... Сейчас нужно одно, чтобы только было единодушное стремление идти с открытой душой в этот единый мировой кооператив».

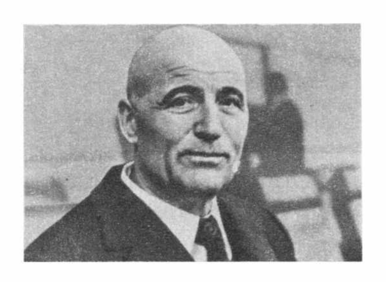
Именно в этом направлении развивается все эти годы экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ.

Экономическое сотрудничество социалистических стран в корне отличается от отношений, существующих в капиталистическом мире, который разъедают противоречия между различными блоками, конкуренция, борьба за прибыли.

СЭВ — самая демократическая международная экономическая организация. Все вопросы в Совете решаются только с согласия заинтересованных стран. В этом сотрудничестве гармонично сочетаются интересы каждой страны и всех стран в целом.

Ныне одной из важнейших задач социалистического строительства в странах — участницах СЭВ стала экономическая интеграция. В отличие от капиталистической интеграции она представляет собой планомерное регулирование международного социалистического разделения труда, которое осуществляется правительствами стран — участниц СЭВ под руководством партий.

Год назад XXV сессия СЭВ приняла Комплексную программу дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции. Как претворяется в жизнь этот исторический документ? НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ОГОНЬКА» Г. СЕРГЕЕВА И Н. ЦВЕТКОВОЙ ОТВЕЧАЮТ ПОСТОЯННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ СТРАН В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ КОМИТЕТЕ СЭВ, ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВ ПРАВИТЕЛЬСТВ СТРАН — ЧЛЕНОВ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ.

«ОГОНЕК». Болгария вступила во второй год шестой пятилетки. Какое влияние окажет социалистическая экономическая интеграция на эффективность и рентабельность производства страны?

Т. ЦОЛОВ, первый заместитель Председателя Совета Министров НРБ. Болгарская коммунистическая партия придает большое значение экономическому сотрудничеству социалистических стран. В принятой на Десятом съезде БКП программе и в выступлениях Первого секретаря ЦК БКП тов. Т. Живкова подчеркивается, что социалистическая экономическая интеграция нашей страны с другими социалистическими странами, и прежде всего с Советским Союзом, является краеугольным камнем внешнеэкономической политики Болгарии.

Для быстрого развития производительных сил и достижения высокой общественной производительности труда необходимо развернуть огромные по масштабам и объему научно-исследовательские работы, быстрее внедрять достижения научно-технической революции и организовать строительство оптимальных мощностей, которые обеспечивают высокоэффективную продукцию. Этого можно достичь только на базе объединения усилий стран — членов СЭВ.

Наш опыт показывает, что благодаря социалистической экономической интеграции и главным образом интеграции с СССР, благодаря братской помощи советского народа и сотрудничеству на взаимовыгодных условиях мы достигли быстрого развития нашего народного хозяйства.

Ускоренными темпами растут такие важные отрасли, как машиностроение и, в частности, электронно-вычислительная техника, производство подъемно - транспортных машин, судостроение.

В результате социалистической экономической интеграции у нас выросла нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность, мы построили значительные металлургические мощности, а также самый крупный в Европе завод для кальцинированной соды и ряд других крупных современных предприятий.

На базе социалистической экономической интеграции наша страна достигла высоких темпов роста национального дохода. В этой пятилетке намечается среднегодовой темп увеличения его на девять процентов.

Быстро растет также наш внешнеторговый товарооборот. В нынешней пятилетке он увеличится больше чем на шестьдесят процентов. Только экспорт машин и оборудования возрастет больше чем в 2 раза. Основную часть нашего товарооборота мы осуществляем с социалистическими странами и главным образом со странами — членами СЭВ.

Мы убеждены, что выполнение Комплексной программы принесет новые всесторонние успехи, будет содействовать дальнейшему повышению эффективности и рентабельности нашей экономики.

«ОГОНЕК». Какова, по вашему мнению, связь между социалистической экономической интеграцией и повышением жизненного уровня в странах — членах СЭВ?

П. ВАЙИ, заместитель Председателя Совета Министров ВНР. Повышение жизненного уровня тесно связано с темпами развития народного хозяйства. Цель социалистической экономической интеграции — как можно быстрее увеличить экономический потенциал каждой из стран социалистического содружества в отдельности и всех их, вместе взятых. Социалистическая интеграция благодаря расширению сотрудничества повышает эффективность труда и способствует росту производительности его, а следовательно, это непосредственный фактор повышения жизненного уровня.

Например, для Венгрии внешнеэкономические связи имеют очень большое значение. Ведь две пятых национального дохода нашей страны реализуется через внешнеторговый товарооборот, и значительная часть его приходится на социалистические страны. Поэтому без преувеличения можно сказать: экономическая интеграция с социалистическими странами для народного хозяйства Венгрии означает качественно новый этап развития, так как она открывает большие перспективы для повышения производительности труда.

За последние годы в нашей стране увеличение объема производства в промышленности и в сельском хозяйстве было достигнуто за счет роста производительности труда без увеличения численности занятых в этих отраслях.

Венгрия — небольшая страна, она не располагает значительными сырьевыми ресурсами. В успешном развитии нашей экономики большую роль играет социалистическая интеграция. За счет этого и особенно благодаря развитию наших экономических связей с Советским Союзом мы получаем важнейшие виды сырья для промышленности и для сельского хозяйства, а также машины и оборудование. С другой стороны, страны — члены СЭВ — крупный и надежный рынок для Венгрии. Он позволяет нам выпускать совре-

ИНТЕГРАЦИЯ

менную продукцию крупными сериями.

В свою очередь, венгерский экспорт играет определенную роль в удовлетворении потребностей дружественных стран в товарах широкого потребления. Можно, например, упомянуть о популярности венгерских продовольственных товаров. Мы с удовлетворением видим их на витринах советских магазинов. Изделия нашей консервной промышленности также пользуются хорошим спросом в братских странах. Экспорт модных изделий венгерской швейной промышленности способствует расширению ассортимента этих товаров. Немалую роль в экспорте в социалистические страны играют наши высококачественные вина. Кроме того, наша страна является одним из крупнейших в мире экспортером медикаментов.

Вместе с тем Венгрия расширяет импорт потребительских товаров из социалистических стран. По отдельным товарам этот импорт — главный источник снабжения населения. Я имею в виду импорт часов из Советского Союза, а также импорт советских легковых автомобилей, который мы дополняем импортом из Чехословакии, ГДР, Польши и Югославии.

Трудящиеся Венгрии, как и других стран — членов СЭВ, имеют все больше возможностей для участия в международном туризме. Мы хотели бы создать самые благоприятные условия для путешествия по Венгрии наших друзей из социалистических стран, в том числе из Советского Союза. Социалистическая экономическая интеграция предоставляет для этого широкие возможности.

«ОГОНЕК». Научно-техническое сотрудничество занимает все большее место в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи. В Комплексной программе намечены многочисленные мероприятия по интеграции в области науки.

Каким образом в ГДР решается эта задача?

Г. ВАЙС, заместитель Председателя Совета Министров ГДР. Пожалуй, нет ни одной отрасли в нашем народном хозяйстве, где бы сотрудничество между странами — членами СЭВ в науке и технике не играло бы первостепенную роль. Сейчас едва ли можно найти соглашение о сотрудничестве в области производства, которому бы не предшествовало тесное кооперирование в области исследований.

Социалистические страны располагают огромным и квалифицированным научным потенциалом. Каждая страна заинтересована в том, чтобы более эффективно и быстрее использовать существующие предпосылки для ускорения научно-технического прогресса. Это необходимо для решения поставленной нашими партиями основной задачи — повысить материальный и культурный уровень жизни наших народов.

ГДР заключила многочисленные соглашения со странами — членами СЭВ о научно-техническом сотрудничестве. Так, например, в СССР и в ГДР большое число ученых ведущих институтов работает в совместных исследовательских коллективах. Это тесное взаимодействие ученых, инженеров и практиков позволит быстрее добиться новых научно-технических достижений в интересах всех наших стран и в кратчайший срок внедрить их в производство.

Так, например, в области химической промышленности стала возможной разработка новых методов производства полиэтилена высокого давления и поливинилхлорида.

Сегодня прокладываются новые пути сотрудничества в области проектирования крупных химических установок и линий. В ГДР, Советском Союзе и Польше идут совместные проектные работы по созданию крупных установок по производству капролактама.

Такое сотрудничество не только помогает нашим странам рациональнее и эффективнее формировать процессы производства, но и полностью соответствует задачам Комплексной программы.

Состоявшееся в Москве 57-е заседание Исполнительного комитета СЭВ подвело итог сотрудничества в некоторых названных мною областях и наметило дальнейшие задачи.

Трудящиеся Германской Демократической Республики прилагают все усилия к тому, чтобы всесторонне выполнять взятые на себя обязательства по совместным исследованиям. Они вносят свой активный вклад в общее дело укрепления экономической и оборонной мощи содружества социалистических государств.

«ОГОНЕК». В Комплексной программе особое внимание уделено повышению эффективности экономики Монгольской Народной Республики. В этом документе отмечалось, что страны — члены СЭВ будут разрабатывать в связи с этим ряд специальных мероприятий. Как сегодня претворяется в жизнь это решение?

Д. ГОМБОЖАВ, заместитель Председателя Совета Министров МНР. В настоящее время в соответствующих органах СЭВ успешно разрабатываются отдельные мероприятия, направленные на ускорение развития и повышение эффективности экономики МНР на основе предложений нашей страны.

Так, например, представители стран — членов СЭВ в Комитете

СЭВ по научно-техническому сотрудничеству заявили о своей готовности принять участие в создании некоторых научно-исследовательских объектов и в подготовке научных кадров для них. Уже определены сроки и порядок осуществления этих планов.

Большое значение для эффективного изучения геологических ресурсов нашей страны имеет исследование геологического строения, а также размещения месторождений важнейших полезных ископаемых. Эта проблема включена в план координации научных и технических исследований по геологии на 1971—1975 годы.

Совместно с СССР сейчас ведутся поисково-разведочные работы на перспективном медно-молибденовом месторождении Эрдэнэтийн-Ово. В дальнейшем намечается совместная эксплуатация этого месторождения. При участии ГДР расширяются и реконструируются предприятия по добыче вольфрама.

Я хотел бы отметить, что в серьезной работе, направленной на повышение технического уровня производства в сельском хозяйстве и пищевой промышленности нашей страны, принимает участие рабочая группа специалистов стран — членов СЭВ. Она разрабатывает конкретные мероприятия по дальнейшему развитию животноводства. Уже принята программа сотрудничества в решении проблемы комплексной промышленной переработки сельскохозяйственной продукции МНР.

Важное значение для дальнейшего развития сельского хозяйства нашей страны имеет согласование с СССР, ГДР и ЧССР вопроса о повышении цен на продукцию животноводства. Достигнута договоренность об установлении поощрительных надбавок на скот и мясо. Сейчас в Постоянной комиссии СЭВ по транспорту обсуждается вопрос о создании единой транспортной системы и дорожной сети, об укреплении материально-технической базы транспорта и дорог в нашей стране.

Осуществление этих комплексных мероприятий будет несомненно способствовать дальнейшему быстрому экономическому развитию Монгольской Народной Республики.

«ОГОНЕК». Польская Народная Республика, принимая большое участие в снабжении братских стран машинами и промышленным оборудованием, одновременно играет важную роль в удовлетворении спроса на топливо и сырье, так как она является самым крупным наряду с СССР их поставщиком.

Как в связи с этим учитывается дальнейшее развитие сотрудничества Польши в этой области со странами — членами СЭВ?

М. ЯГЕЛЬСКИ, заместитель Председателя Совета Министров ПНР. Совет Экономической Взаимопомощи всегда уделял и уделяет большое внимание обеспечению стран социалистического содружества минерально - сырьевыми ресурсами.

Развитие сырьевой базы связано с большими капиталовложениями. Учитывая значение вопроса об обеспечении народного хозяйства стран СЭВ сырьем, топливом и энергией, организовано тесное сотрудничество по добыче сырья и производству материалов на территории стран СЭВ, располагающих залежами полезных ископаемых. Прежде всего речь идет о Советском Союзе и Польской Народной Республике.

Страны — члены СЭВ решили совместными усилиями ряд проблем в области обеспечения своих потребностей в каменном угле, рудах, цветных металлах, окиси алюминия, нефти и сырье для производства удобрений.

Наша страна заключила ряд соглашений по развитию добычи сырья в Польше, для покрытия потребностей других социалистических стран, например, с ГДР — для развития добычи бурого угля, с ЧССР — энергетического угля, серы и меди.

Удельный вес поставок сырья из Польши в общем импорте некоторых видов сырья стран СЭВ составляет: серы — около 65 процентов, цинка —51, каменного угля — 41, кокса — 31, кальцинированной соды — 23 и каустической соды — около 19 процентов.

В последние годы на территории нашей страны открыты новые залежи каменного и бурого угля, меди и серы. Есть возможность увеличить добычу этих ископаемых. Ведутся переговоры с заинтересованными странами — членами СЭВ об условиях участия их в развитии сырьевой базы в нашей республике.

В свою очередь, мы заинтересованы в увеличении импорта таких видов сырья, как нефть, руды металлов, целлюлозы. Мы проводим по этим вопросам переговоры со странами СЭВ, прежде всего с Советским Союзом.

Мы вполне уверены в том, что задачи Комплексной программы в развитии топливно-сырьевой базы будут успешно решены общими усилиями стран — членов СЭВ.

«ОГОНЕК». Сотрудничество в области плановой деятельности, и в особенности по координации планов, направлено на углубление международного социалистического разделения труда.

Расскажите, пожалуйста, на примере вашей страны, как осуществляется сотрудничество стран — членов СЭВ в области координации планов.

Г. РЭДУЛЕСКУ, заместитель Председателя Совета Министров СРР. Страны — члены СЭВ уделяют особое внимание деятельности по координации планов развития национальных экономик, осуществляемой на периоды, соответствующие их пятилетним планам. Как известно, эти планы разрабатываются в каждой из наших стран в соответствии с директивами коммунистических партий этих стран и принимают во внимание текущие и перспективные потребности и возможности народного хозяйства.

Социалистическая Республика Румыния наряду с остальными странами — членами СЭВ с самого начала участвовала в деятельности по координации планов развития национальных экономик и вносила свой вклад в неуклонное совершенствование этой формы сотрудничества.

В период, предшествовавший нынешнему пятилетнему плану, мы провели ряд двусторонних консультаций, обмен информацией между Государственным плановым комитетом нашей страны и центральными плановыми органами остальных стран — членов СЭВ, а также Социалистической Федеративной Республики Югославии.

В целях выявления возможностей сотрудничества и кооперирования в таких областях, как машиностроение, химическая, металлургическая промышленность и строительство, состоялись многочисленные встречи представителей наших различных ведомств и хозяйственных организаций с представителями других стран — членов Совета.

В то же время были определены основные положения новых двусторонних торговых соглашений сроком на пять лет. Достигнута договоренность по ряду других взаимных экономических мероприятий. В частности, в области международной специализации и кооперирования производства, а также о строительстве совместными усилиями важных объектов, представляющих взаимный интерес.

В результате объем взаимных поставок товаров между Румынией и другими странами — членами СЭВ возрастет в 1971—1975 годах на сорок процентов по сравнению с периодом предыдущего пятилетия. Мы считаем, что имеются возможности для дальнейшего увеличения взаимных поставок.

Что же касается экономического сотрудничества нашей страны с Советским Союзом, то достигнута договоренность по кооперированию в области машиностроения, металлургической, химической, горнорудной промышленности, а также в области гидромелиорации, ядерной энергетики и т. д. Следствием этого будут крупные взаимные поставки сырья и готовой продукции. Так, соглашение, заключенное на период 1972—1990 годов, предусматривает увеличение поставок из СССР в Румынию железной руды в виде концентратов и окатышей, причем наша страна будет участвовать материальными средствами в развитии добычи железной руды в Советском Союзе.

Сейчас изучаются возможности участия Румынии совместно с другими социалистическими странами в развитии производственных мощностей черной и цветной металлургии, в производстве целлюлозы, асбеста и т. д.

Советский Союз будет также поставлять нам оборудование и оказывать техническое содействие для сооружения в нашей стране атомной электростанции. В качестве примера нашего сотрудничества я бы назвал также румыно-советское соглашение о совместном строительстве гидротехнического узла Стынка-Костешты на реке Прут.

В настоящее время наша страна участвует в работе Комитета СЭВ по сотрудничеству в области плановой деятельности, созданного на основе постановления XXV сессии Совета.

По инициативе пленума ЦК РКП, состоявшегося в мае прошлого года, сейчас разрабатываются прогнозы социально-экономического развития нашей страны до 1990, а по некоторым проблемам до 2000 года. Это, несомненно, будет способствовать увеличению вклада Румынии в развитие сотрудничества со странами — членами СЭВ.

На 57-м заседании Исполнительного комитета СЭВ уже рассмотрена и принята программа сотрудничества в области плановой деятельности до 1974 года. Она учитывает основные положения Комплексной программы и определяет условия для дальнейшего осуществления экономического сотрудничества между нашими странами как непосредственно, на двусторонней, так и на многосторонней основе, в органах Совета Экономической Взаимопомощи.

«ОГОНЕК». Страны — члены СЭВ придают большое значение взаимной торговле машинами и оборудованием. Они рассматривают эту группу товаров как наиболее активный и динамичный сектор в товарообороте. Не могли бы вы на примере ЧССР рассказать, как реализуется это положение Комплексной программы?

Ф. ГАМОУЗ, заместитель Председателя правительства ЧССР. Особо важное значение, которое придается развитию машиностроительного производства, привело к росту машиностроительных мощностей. Это позволило за последние 10 лет значительно увеличить производство машин и оборудования. Например, в ЧССР, ГДР и ВНР оно выросло более чем в 2 раза, в ПНР и СССР более чем в 3 раза, а в НРБ и СРР более чем в 4 раза! Плановое развитие машиностроения стало одним из решающих инструментов создания современной промышленной структуры и повышения уровня производственных комплексов

стран — членов СЭВ. Усилилась ведущая роль машиностроения, где имеются предпосылки для международной специализации и кооперирования. Этому способствовало многое: координация народнохозяйственных планов на 1971—1975 годы, долгосрочные торговые соглашения, двусторонние и многосторонние соглашения о специализации и кооперировании.

Например, Советский Союз и ЧССР заключили соглашения о специализации производства оборудования для атомных электростанций, машин для легкой промышленности, приборной техники.

В соответствии с планом развития народного хозяйства нашей страны на 1971—1975 годы объемы поставок машин и оборудования возрастут более высокими темпами по сравнению с общим внешнеторговым оборотом со странами — членами СЭВ. Наш экспорт в этой группе товаров увеличится на 56 процентов, а импорт — на 70 процентов. Удельный вес экспорта машин во взаимной торговле между ЧССР и социалистическими странами в 1975 году достигнет более 57 процентов.

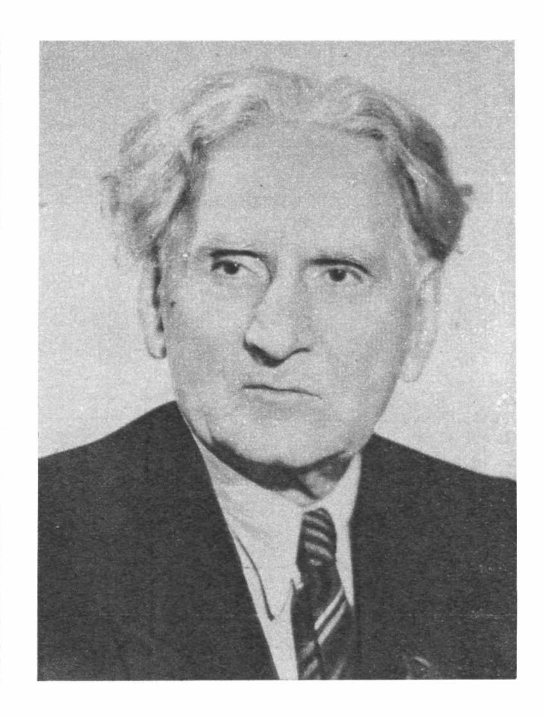
Мы подходим к дальнейшему развитию машиностроения в нашей стране с позиций решений XIV съезда КПЧ о необходимости проведения принципиальных структурных изменений в машиностроении и более широком включении в международное социалистическое разделение труда.

Это будет обеспечено в пятой пятилетке путем развития производства изделий электротехники, электроники, вычислительной техники и средств автоматизации, грузовых и легковых автомобилей, сельскохозяйственной техники, станков и кузнечно-прессового оборудования. При этом предусматривается эффективное международное социалистическое разделение труда. Такое сотрудничество уже дало положительные результаты, например, в области специализации и кооперирования производства грузовых автомобилей большой грузоподъемности. ЧССР будет являться единственным производителем и поставщиком автомобиля «Татра» грузоподъемностью 12 тонн. Подобного эффекта можно ожидать и от реализации других проектов специализации и кооперирования: в области производства грузовых вагонов, энергетического оборудования, шахтного оборудования, дизельных двигателей, оборудования для химической промышленности и т. д. Большое внимание мы уделяем производству станков, главным образом с цифровым управлением.

Важным фактором в развитии машиностроительного производства является сотрудничество стран — членов СЭВ в области науки и техники. Для ЧССР здесь, как и в области взаимной торговли, решающий партнер — Советский Союз. СССР и наша страна согласовали в этой области на 1971—1975 годы 300 тем. Преимущественная часть их касается машиностроения.

Следует подчеркнуть, что наша страна придает важное значение взаимной торговле машинами и оборудованием также в разработке научных прогнозов и долгосрочных планов на период после 1975 года.

МАРТИРОС СЕРГЕЕВИЧ САРЬЯН

Умер Мартирос Сарьян — выдающийся художник современности, Герой Социалистического Труда, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР.

Художник яркого, неповторимого таланта, Мартирос Сергеевич Сарьян принадлежит к прославленной плеяде мастеров нашего многонационального изобразительного искусства, во многом определивших общее развитие всей советской культуры. Он до конца своей долгой и прекрасной жизни восхищал неувядающей творческой молодостью, своей влюбленностью в созидательные силы нашей жизни, своим глубоким оптимистическим восприятием мира.

М. С. Сарьян родился 28 февраля 1880 года в Нахичевани, на Дону. Более 70 лет миновало с тех пор, когда семнадцатилетним юношей М. С. Сарьян переступил порог Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Его любимым учителем навсегда остался Валентин Серов. Истоки искусства Сарьяна берут свое начало в родной ему Армении, с ее многовековым искусством, своеобразной красотой природы.

М. С. Сарьян с огромным воодушевлением приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Жизнь свободной Армении стала главной темой произведений художника, в которых Сарьян повествовал о воплощенных надеждах, завоеванном счастье народа.

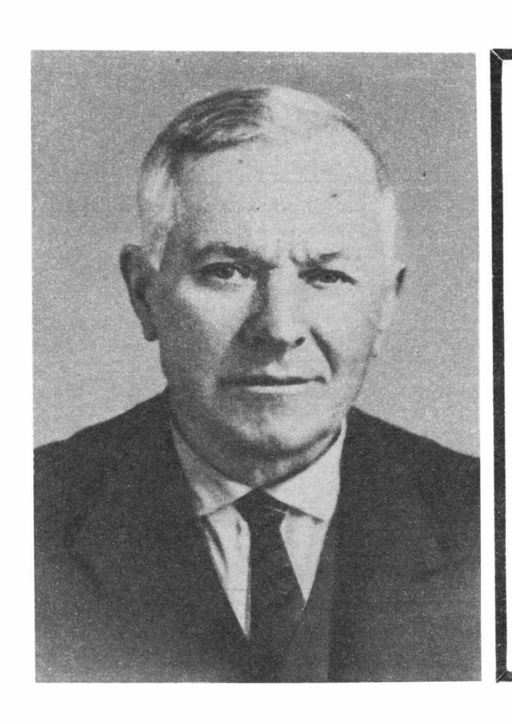
В его творчестве, проникнутом высокой человечностью, смелые поиски новых путей в искусстве органически связаны с бережным использованием и развитием лучших художественных традиций. Тесная связь с действительностью, умение увидеть и взволнованно отразить новые характерные явления современности сделали искусство М. С. Сарьяна особенно масштабным и глубоким по своему идейно-художественному воздействию.

Замечательная портретная галерея наших современников — строителей коммунизма, насыщенные всем богатством красок щедрой южной природы пейзажи и натюрморты, театральные декорации М. С. Сарьяна, его рисунки навсегда вошли в сокровищницу советского изобразительного искусства. Глубоко национальное по форме творчество Сарьяна всегда несло в себе интернациональное, возвышенно человеческое содержание, выражающее сокровенные мысли и чувства людей социалистической эпохи.

Родина высоко оценила заслуги М. С. Сарьяна. Он награжден тремя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». М. С. Сарьян трижды избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Тяжела и невосполнима утрата, понесенная художественной культурой нашей страны. Искусство М. С. Сарьяна, художника-патриота, будет жить вечно. Его светлый незабываемый образ навсегда останется в памяти советского народа.

Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, Г. Ф. Сизов, А. Е. Кочинян, Н. Х. Арутюнян, Б. А. Мурадян, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, М. П. Георгадзе, Е. М. Тяжельников, В. М. Аджемян, В. А. Амбарцумян, М. К. Аникушин, К. В. Воронков, Е. В. Вучетич, Г. М. Гаспарян, А. М. Грицай, Г. М. Гюрджян, У. М. Джапаридзе, Т. Э. Залькалнс, В. С. Кеменов, Е. А. Кибрик, Г. М. Коржев, Б. В. Иогансон, П. Н. Крылов, Л. А. Кулиджанов, М. В. Куприянов, Э. М. Мирзоян, Г. М. Орлов, Ю. И. Пименов, А. А. Пластов, Н. А. Пономарев, Ф. П. Решетников, В. Ф. Рындин, Т. Т. Салахов, С. С. Сафарян, Н. А. Соколов, П. М. Сысоев, У. Тансыкбаев, Н. В. Томский, Э. С. Топчян, З. П. Туманова, К. А. Федин, Р. Г. Хачатрян, А. И. Хачатурян, Т. Н. Хренников, Д. А. Шмаринов, А. А. Шовкуненко.

АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛАСТОВ

Советское искусство понесло тяжелую, невосполнимую утрату. Ушел из жизни Аркадий Александрович Пластов — великий русский художник, гордость советского изобразительного искусства.

А. А. Пластов родился в 1893 году в селе Прислониха, Ульяновской области.

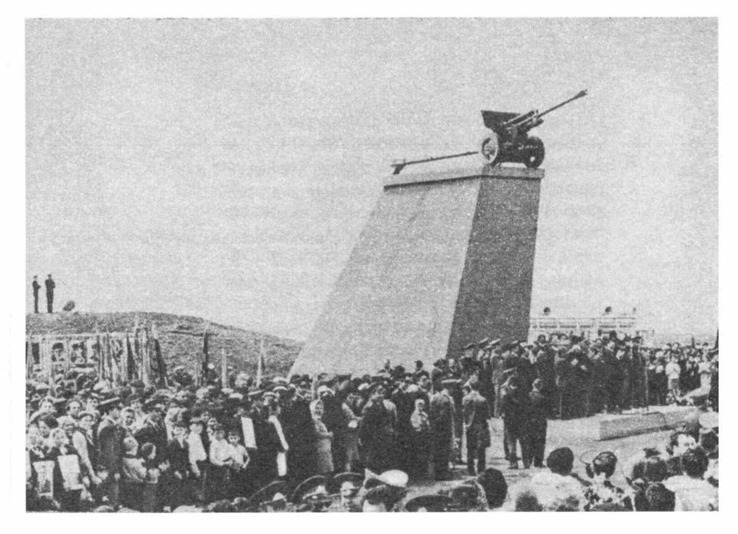
Его многогранное искусство сформировалось под влиянием творчества художников-передвижников и развивало лучшие традиции русской реалистической школы. Творчество А. А. Пластова — одна из вершин искусства социалистического реализма. Он неустанно призывал художников страны всегда быть верными принципам партийности и народности. В дни радостных свершений и тяжких испытаний художник-патриот неизменно отстаивал идеалы гражданственности и гуманизма, воспевал мужество и стойкость советского человека.

Картины А. А. Пластова являют собой яркий пример убежденного служения живописца большой теме социалистического переустройства деревни. Правдиво, с глубокой проникновенностью А. А. Пластов прославил благородный труд советского крестьянина, раскрыл духовную красоту нашего современника, поэзию русской природы. На протяжении всей своей жизни глубокими корнями художник был связан с родной приволжской землей. Здесь он и родился, здесь он и умер. Природа и люди этого края питали его творчество, определяли основу и эмоциональный строй его произведений. Картины А. А. Пластова «Жатва», «Сенокос», «Фашист пролетел», «Колхозный ток», «Ужин трактористов», замечательные портреты сельских тружеников и многие другие произведения широко известны и любимы народом, получили признание далеко за пределами нашей Родины.

Партия и правительство высоко оценили творчество художника. А. А. Пластов был удостоен почетного звания народного художника СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР, награжден двумя орденами Ленина и медалями. Он был избран действительным членом Академии художеств СССР.

С чувством глубокой скорби советские люди прощаются с Аркадием Александровичем Пластовым, щедро отдавшим своему народу горение сердца и высокое мастерство живописца. Светлый образ художника-гражданина, пламенного советского патриота, сердечного и обаятельного человека навсегда останется в нашей памяти.

Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, Г. Ф. Сизов, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, М. П. Георгадзе, А. А. Скочилов, А. А. Епишев, Е. М. Тяжельников, М. А. Яснов, В. И. Кочемасов, М. К. Аникушин, К. В. Воронков, Е. В. Вучетич, А. М. Грицай, У. М. Джапаридзе, Е. В. Зайцев, Т. Э. Залькалнс, Б. В. Иогансон, В. С. Кеменов, Е. А. Кибрик, Г. М. Коржев, П. Н. Крылов, Н. А. Кузнецов, Л. А. Кулиджанов, М. В. Куприянов, С. В. Михалков, А. В. Моторин, Г. М. Орлов, Н. А. Пономарев, Ф. П. Решетников, Н. М. Ромадин, В. Ф. Рындин, Т. Т. Салахов, Г. В. Свиридов, Н. А. Соколов, П. М. Сысоев, У. Тансыкбаев, Н. В. Томский, З. П. Туманова, К. А. Федин, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, Д. А. Шмаринов, А. А. Шовкуненко.

Митинг у Артиллерийского кургана, посвященный открытию мемориала воинам-героям.
Фото А. Гостева.

МОНУМЕНТ НА АРТИЛЛЕРИЙСКОМ КУРГАНЕ

В праздничные майские дни, в канун 27-й годовщины Победы, под Ростовом, близ села Большие Салы, состоялось торжественное открытие памятника героям Великой Отечественной войны. Здесь, в донской степи, на огромном бетонном постаменте возвышается противотанковая пушка. Монумент воскрешает в памяти ноябрь грозного сорок первого. Здесь, на кургане Бербер-Оба (ныне в честь героев кургана он зовется Артиллерийским), прославила себя артиллерийская батарея, которой командовал отважный сын Армении, лейтенант Сергей Оганян. А политруком был бесстрашный сын России Сергей Вавилов. В этой интернациональной батарее служили русские, армяне, украинцы, азербайджанец,

В ИНТЕРЕСАХ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Пленум Советского комитета за европейскую безопасность состоялся 11 мая в Москве. С докладом о подготовке ассамблеи общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе, которая состоится в Брюсселе в начале июня нынешнего года, выступил председатель комитета А. П. Шитиков.

Последовательная борьба Советского Союза за мир в Европе, сказал он, находит широкую поддержку у народов континента. Обеспечение европейской безопасности стало настоятельной задачей современности, общественные силы Европы все активнее включаются в движение за решение этой проблемы.

Готовясь к брюссельской ассамблее, советская общественность исходит из того, что сегодня в Европе сложилась такая ситуация, когда объединенными усилиями всех антивоенных, миролюбивых сил можно добиться установления прочного мира на континенте, развития разностороннего сотрудничества между европейскими странами и народами.

Пленум одобрил деятельность бюро комитета и принял решение направить для участия в брюссельской ассамблее представителей всех слоев советской общест-

казах, таджик, осетин, дагестанец...

В течение двух суток пятнадцать артиллеристов вели беспримерный поединок против 50 танков. В жестоком бою пали артиллеристы, но враг на участке интернациональной батареи не прошел. Советское правительство присвоило Сергею Оганяну и Сергею Вавилову высокое звание Героя Советского Союза. О подвиге героев «Огонек» рассказывал в очерке «Это было под Ростовом», опубликованном в номере шесть за 1971 год.

На открытие мемориала у подножия Артиллерийского кургана собрались тысячи ростовчан и жителей области. Приехали и гости из разных городов страны. В их числе — братья комбата Сергея Оганяна, Артавазд и Григорий, ветераны войны.

Первый секретарь Ростовского обкома партии И. А. Бондаренко зачитал приветственное письмо Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева — участника ростовского сражения.

Письмо Леонида Ильича до глубины души взволновало донцов. В нем говорится: «Бои за Ростов осенью 1941 года были историческими: здесь наша Красная Армия перешла от обороны в наступление. Воздвигнутый вами памятник будет напоминать новым поколениям советских людей о беззаветном героизме их отцов и дедов, посланцев всех братских народов нашей страны, по призыву партии Ленина грудью вставших на защиту Родины от врага. Никогда не сотрется в памяти народной их подвиг, значение которого было громадным для нашей страны и для всего человечества».

В ответном письме Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, которое с огромным подъемом было принято участниками митинга, донцы обещали с честью бороться за выполнение великих предначертаний XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

После окончания торжественного митинга люди еще долго не отходили от памятника, на мраморных плитах которого начертано золотом: «Здесь 17—18 ноября 1941 года совершили свой бессмертный подвиг артиллеристы 317-й стрелковой дивизии 56-й армии. Командир батареи Герой Советского Союза Оганян Сергей Андреевич, политрук Герой Советского Союза Вавилов Сергей Васильевич». «Вечно в сердцах потомков будет жить подвиг сыновей твоих, Родина!»

Михаил АНДРИАСОВ,
собкор «Огонька»

Ростов-на-Дону.

венности. Им поручено принять участие в разработке конкретных мероприятий по развитию дальнейшего сотрудничества народов Европы в интересах мира и безопасности.

На снимке: пленум Советского комитета за европейскую безопасность.

Фото В. Кузьмина (ТАСС).

АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВИЧ КОРНЕЙЧУК

14 мая 1972 года после тяжелой, продолжительной болезни умер Александр Евдокимович Корнейчук. Наша партия и Родина потеряли своего верного сына, выдающегося художника, чей яркий талант и кипучая энергия были беззаветно отданы строительству коммунистического общества, благородному делу укрепления мира между народами.

Александр Евдокимович Корнейчук родился 25 мая 1905 года в поселке Христиновка Черкасской области в семье железнодорожника.

Рабочий ремонтных мастерских, Александр Евдокимович по комсомольской путевке с 1923 года учится на рабфаке, в 1929 году заканчивает литературный факультет Киевского института народного образования.

В том же году киевский театр рабочей молодежи ставит первое произведение молодого автора «На грани». С тех пор вся жизнь писателя была неразрывно связана с драматургией. В период первых пятилеток он выступает с пьесами «Гибель эскадры», «Платон Кречет», «Правда», «Богдан Хмельницкий», «В степях Украины», которые вошли в золотой фонд многонационального советского искусства.

Во время Великой Отечественной войны А. Е. Корнейчук был в Советской Армии на партийно-политической работе. Созданные им в эти годы пьесы «Фронт» — смелое, новаторское, ставшее всемирно известным произведением о войне,— «Партизаны в степях Украины» ярко раскрывали героический подвиг советского народа в борьбе с фашизмом.

Широкое признание получили его послевоенные пьесы: «Приезжайте в Звонковое», «Макар Дубрава», «Калиновая роща», «Страница дневника», «Мои друзья», «Память сердца». Они пользуются горячей любовью у советских зрителей, поставлены на сценах театров многих стран мира. Его перу принадлежит ряд киносценариев, критических и публицистических работ.

В произведениях Александра Корнейчука самобытно и ярко воплотились непоколебимый дух, величие и красота строителей новой жизни, отображены славные страницы летописи деяний и подвигов наших современников.

Страстное, глубоко партийное, неразрывно связанное с народной жизнью творчество Александра Корнейчука явилось крупным вкладом в развитие литературы социалистического реализма.

Для писателя-коммуниста Александра Евдокимовича Корнейчука напряженная творческая работа была всегда неотделима от большой общественно-политической деятельности. На протяжении многих лет он был председателем правления Союза писателей Украины и секретарем правления Союза писателей СССР.

В 1943—1944 годах А. Е. Корнейчук — заместитель народного комиссара иностранных дел СССР и народный комиссар иностранных дел УССР. В 1944—1945 годах он назначается председателем Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров УССР, в 1953—1954 годах — первым заместителем Председателя Совета Министров УССР.

Александр Евдокимович Корнейчук на XIX, XX, XXII, XXIII и XXIV съездах партии избирается членом Центрального Комитета КПСС, а на XVI, XVII, XVIII, XXI, XXII, XXIII и XXIV съездах КП Украины — членом ЦК КП Украины, в 1953 — 1954 годах — членом Президиума ЦК КП Украины.

А. Е. Корнейчук был депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета УССР всех созывов. С 1967 года и до последних дней своей жизни он был Председателем Верховного Совета УССР.

Являясь заместителем председателя Советского комитета защиты мира и членом президиума Всемирного Совета Мира, А. Е. Корнейчук принимал активное участие в международном движении борьбы за мир.

А. Е. Корнейчук был избран действительным членом Академии наук СССР и Академии наук УССР.

За выдающиеся заслуги перед Родиной Александру Евдокимовичу Корнейчуку присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Красной Звезды, многими медалями. Он удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», пяти Государственных премий СССР и Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко.

От нас ушел пламенный коммунист, неповторимый художник, писатель-гуманист, один из создателей нового, социалистического искусства, неутомимый борец за мир и прогресс во всем мире, человек большой, щедрой души.

Имя Александра Евдокимовича Корнейчука, его светлый образ навсегда останутся в памяти советских людей.

Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, Г. Ф. Сизов, А. П. Ляшко, И. К. Лутак, М. П. Георгадзе, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, А. А. Епишев, М. В. Келдыш, Е. М. Тяжельников, А. А. Титаренко, Н. Т. Кальченко, А. Ф. Ватченко, Г. И. Ващенко, В. И. Дегтярев, Н. М. Борисенко, Ф. Д. Овчаренко, Я. П. Погребняк, В. А. Сологуб, И. С. Грушецкий, С. Е. Стеценко, Д. Т. Тронько, П. М. Федченко, В. М. Цыбулько, А. П. Ботвин, Г. Г. Абашидзе, А. Т. Алимжанов, Т. Аскаров, Н. П. Бажан, А. П. Беляускас, В. Э. Бээкман, П. П. Боцу, А. Т. Гончар, М. А. Ибрагимов, Г. М. Марков, В. П. Козаченко, Л. М. Леонов, С. В. Михалков, С. С. Наровчатов, Л. Н. Новиченко, А. Д. Салынский, К. М. Симонов, М. Танк, Ю. К. Смолич, А. А. Сурков, Н. С. Тихонов, Э. С. Топчян, М. Турсун-заде, К. А. Федин, А. Б. Чаковский, М. А. Шолохов, Р. М. Эсенов, А. И. Янсонс, К. Яшен, Л. А. Кулиджанов, Н. А. Пономарев, Н. В. Попова, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, А. Н. Гиренко, Ю. Н. Ельченко, Б. Е. Патон, Н. М. Ужвий, А. В. Головко, Ю. О. Збанацкий, И. Л. Ле, П. И. Панч, Н. С. Рыбак, М. А. Стельмах.

ГАНС ГОЛЬБЕЙН МЛАДШИЙ — ХУДОЖНИК

А. А. СИДОРОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

В Берлинском кабинете гравюр хранился рисунок, исполненный серебряным штифтом: два мальчика лицом друг к другу, посередине надпись — «Гольбайн» и дата — 1511 год; слева — имя мальчика: «Прози» — Амбросий. Справа — лицо другого подростка. Над ним имя — «Ганнс» и цифра — 14. Это пока что главное указание на год рождения художника, в будущем знаменитого: если этому Гансу Гольбейну в 1511 году 14 лет, то родился он в 1497-м. Принадлежит же рисунок этот, по всем данным, отцу обоих братьев, живописцу города Аугсбурга Гансу Гольбейну, кого называют «старшим», чтобы отличать его от «младшего» — его сына, 475 лет со дня рождения которого отмечается в 1972 году.

За год до этого по всей земле отмечалось 500-летие со дня рождения великого германского художника Альбрехта Дюрера. Сопоставления, противостояния, контрасты и параллели — слишком легкое оружие для серьезной истории искусств. Важно, что был Ганс Гольбейн младший, кого в прошлом порою называли «немецким Рафаэлем», совсем на Дюрера не похож, но и ему довелось сыграть выдающуюся роль в истории искусств не только немецкого народа, но и в Швейцарии, а затем в Англии. Он был неоспоримо большим мастером во всем, к чему только ни прикасалась его рука, державшая кисть, карандаши или перо легко и уверенно. Он писал замечательные портреты выдающихся людей своей эпохи; расписывал стены домов — снаружи и внутри; расписал однажды даже доску большого стола; снабжал рисунками книги, в том числе известнейший в свое время памфлет Эразма из Роттердама «Похвала глупости»; создал целые серии сцен на темы библии и особо прославился сюитой «Образы смерти». Был сыном своей эпохи и сделал новый шаг вперед из средневековья в Возрождение. Был изумительным рисовальщиком. Был близок к гуманистам, к Эразму и к Томасу Мору, прекрасные портреты которых оставил. По поручению короля английского Генриха VIII художник делал портреты его невест и жен, каких имел Генрих VIII немало (всего шесть: с двумя Генрих VIII развелся, двух казнил, одна умерла своею смертью, одна пережила его). Писал и картины на сюжеты библии. Одна, изображающая лежащего мертвого Христа, потрясла Достоевского, увидевшего ее в Базельском музее, поразила безжалостною силой изображения смерти.

КРЕСТЬЯНИН. Гравюра на дереве по рисунку Г. Гольбейна из серии «Образы смерти».

Прекрасно-жизненный, изумляющий не только психологической проницательностью, но и живописной красотой реализм Гольбейна, его художественный язык проявлены всего ярче в созданных мастером портретах.

С 1514 года Гольбейн работал в Швейцарии. Его основным местом жизни и работы становится богатый и «интеллигентный» город Базель. Около 1518—1519 годов Гольбейн работал в Люцерне, побывал в Италии, но со второй половины 1519 года обосновывается опять в Базеле, женится, вступает в цех живописцев. К этому году относится его портрет Б. Амербаха (музей в Базеле). Это молодой богатый горожанин, сын книгоиздателя, ставший профессором, юрист, друг Эразма Роттердамского. На портрете Амербаху 27 лет. Он красив и сосредоточен. Латинская надпись сбоку расточает хвалы сходству портрета. Красновато-коричневые волосы и борода, черный камзол, светло-голубой жилет, белый воротник. Фон — синее небо, вдали снеговые вершины, и с замечательным чувством композиции изображенная за плечом Амербаха зеленая ветвь. Молодой художник этим портретом сразу завоевывает себе место среди лучших мастеров своего времени. В истории остается превосходный образ человека — участника «величайшего прогрессивного переворота», как называет Фридрих Энгельс Возрождение.

В портретном искусстве весьма много решает глубинность характерных черт, какие открывает художник в изображаемом человеке. Каждый человек может быть раскрыт так, что его никогда не забудет зритель, увидевший его. Так чарует «Джоконда». Так видим мы скорбь и тяжесть прожитой жизни в иных портретах стариков Рембрандта — мы не спрашиваем об их имени. Поражающими, открывающими все черты своей исторической минуты оказываются очень злые иногда портреты Веласкеса.

Портреты Ганса Гольбейна очень тонки и умны, увиденные глазом мастера, до «умопомрачительности» точно умеющего изобразить все детали, характеризующие то астронома (портрет Н. Кратцера в Лувре), то купца, ведущего заморские операции («Г. Гизе», Берлин), а иногда и роскошь платья королей; увидены все эти лица понимающим современником. Гольбейн принадлежит к числу портретистов, которые в созданиях своих выполнили важную культурно-историческую задачу: запечатлеть черты определенной, выдающейся по значению группы лиц — деятелей культуры эпохи. Именно Гольбейн в истории остается одним из лучших отобразителей западноевропейского гуманизма. Два образа гуманистов, зарисованных с натуры и не раз изображенных красками Гольбейном, уже дают право имени Гольбейна остаться в памяти человечества: портреты Эразма Роттердамского и Томаса Мора. Эразма Гольбейн впервые писал с натуры в Базеле в 1523 году, и профильный его портрет кисти Гольбейна в Лувре остается по тонкости и лаконической остроте лучшим. В 1526 году, сопровожденный рекомендательными письмами Эразма к Томасу Мору, Гольбейн на три года переезжает в Англию. Портрет Мора, сохранившийся и в рисунке и в живописи, выполнен в 1527 году. Автор ставшей всемирно известной «Утопии» изображен Гольбейном в эпоху его высшего благополучия, с цепью канцлера на плечах; умное, уже усталое, упрямое лицо.

Гольбейн во все то время любит «трехчетвертной» поворот лиц в своих портретах. Двойной портрет Томаса Годселва и сына его Джона повторяет эту композицию. У старшего Годселва перо в руке, художник изобразил начало письма, над которым тот задумался. Небольшой, квадратный по формату (высота и ширина — 35 сантиметров) этот портрет отца и сына указывает еще на одну новаторскую черту Гольбейна-портретиста: он и портрет Эразма выполнял в нарочно портативных размерах, чтобы можно было пересылать друзьям. Впоследствии будет Гольбейн непревзойденным мастером интимного миниатюрного портрета. Портрет отца и сына Годселвов показывает, что психологическая углубленность от уменьшения формата не страдает. Не страдает и красочность. Гольбейн, безусловно, знал искусство сочетания цветов яркого и темного, умел придавать краске светосилу эмали и виртуозно передавал взгляд и выражение рта, изображал мех и бархат.

Замечательны достижения Гольбейна в портретном искусстве в 1530-е годы, во время его второго приезда в Англию. Период с 1528 до 1531 года художник провел в Базеле, в 1532 году вернулся в Англию, где и

Ганс Гольбейн Младший (1497—1543). ПОРТРЕТ ШАРЛЯ ДЕ СОЛЬЕ, СЬЕРА ДЕ МОРЕТТА. 1534.

Дрезден. Государственная картинная галерея.

Ганс Гольбейн Младший. ПОРТРЕТ БОНИФАЦИЯ АМЕРБАХА. 1519.

Базель, Публичная художественная галерея.

остался до смерти в 1543 году. Первую половину 30-х годов Гольбейн проводит не в кругу уже опального Томаса Мора, а в среде многочисленных в Лондоне немецких купцов и предпринимателей. Чудесный берлинский портрет Георга Гизе (или Гиссе) — первый из портретов, созданных тогда. Эпоха показана здесь с другой стороны: не гуманизм, а «торговый капитал», эра накопления. Трезвое ощущение реальности предстает не только в образе молодого хозяина конторы, но и во всех деталях окружения; вся материальная часть подобрана и передана с такою точностью, что упрек в «натурализме» смолкает перед изумляющей любовью к вещи — к приборам, весам, книгам, ключам, ножницам, чернильнице с пером — и к надписям, которыми не устает документировать художник свой портрет. Изображенный молодой человек держит в руке письмо, на котором при желании можно прочесть: «Достопочтенному Ергену Гизе в Лондон в Англии, моему брату в (собственные) руки». На стене надпись мелом по-латыни: «Нет наслаждения без оплаты», — и подпись «Г. Гизе». На особом листке, пришпиленном к стене, хвалебные стихи, указание на возраст изображенного (34 года) и дата — 1532 год. Сочетание в одежде красного и черного очень гармонично, и с изумительным мастерством изображен сосуд венецианского стекла с букетом гвоздик. Быть может, слишком много «перечисления» предметов и атрибутов, чтобы получилась слиянность деталей в образную целостность. Но любовь к раритетам, к вещам, к деталям быта и труда бесконечно характерна для эпохи, как и любование самодовлеющим умением, с каким передает художник все, что только хочет показать. Острый и человечески понятный взгляд, которым смотрит на зрителя Гизе, спасает портрет от превращения в сумму натюрмортных деталей. Не надо забывать, что каждая из них избрана с определенным смыслом.

Искусство Гольбейна-портретиста, конечно, развивалось. В портрете Шарля де Солье, сьера де Моретта (хранится в Дрездене), персонаж которого определен по отысканной уже в наше время медали, где дано имя изображенного, художник достигает того, чего все-таки не имел портрет Г. Гизе, — силы и уверенности, собранности, того, что называется монументальностью образа. Моретт был в 1534 году посланником Франции при дворе английского короля. На фоне зеленой занавеси его энергичное лицо, темный костюм обладают большой выразительностью, и увлечение мелочами больше не мешает художнику сосредоточиться на главном. Правда, портрет «официален», но вместе с тем образ исключительно типичен для людей того времени.

Четыре просмотренных портрета Гольбейна достаточно полно характеризуют его искусство. Он стал в 1536 году «придворным художником» короля Генриха VIII. До нас не дошли его фресковые росписи ни во дворце Уайтхолле, ни в «Стальном дворе» немецких коммерсантов в Лондоне. Судя по сохранившимся копиям, они были интересны и весьма «новы» по содержанию. В одной паре фресок — для «Стального двора» — Гольбейн написал две аллегории: «Шествие богатства» и «Шествие бедности», в Уайтхолле он изобразил Генриха VIII, дарующего грамоту гильдии «цирульников и хирургов» (сохранилась картина, в которой некоторая часть восходит к самому Гольбейну, остальная записана). Гольбейн умело расписывал стены зал, предназначенных для больших собраний, делал это еще в Базеле, очевидно, пользуясь программами, которые получал от ученых своих друзей. В Англии художник оставил ряд изображений деятелей своего времени, гуманистов сменяют бородатые или бритые лорды, сдержанные королевы и порою очень живые лица более простых людей — «Золотых дел мастер», «Сокольничий». Краски роскошно пестры в некоторых портретах самого короля Генриха, грузно-квадратного, сильного и никак не внушающего к себе симпатии.

И, быть может, самое интересное, живое и содержательное, что нам осталось от Гольбейна, — это его графика, рисунки и серии гравюр на дереве, выполненные по его композициям замечательным мастером воспроизводящего резца Гансом Лютцельбургером. Последние издавались в виде отдельных книжек.

В истории иллюстрации те гравюры небольшого размера, которые вырезал Лютцельбургер еще в Базеле по рисункам Гольбейна, занимают совсем особое место. Они самостоятельны. Древние миниатюры к рукописным книгам входили в текст, сплетались с ним, помещались порою в середину какой-либо большой заглавной буквы или образовывали самостоятельные страницы живописного (и наивного) сопровождения текста. Ранние книжные гравюры в первопечатных книгах (например, в «Нюрнбергской хронике» 1493—1494 годов) перемежают текст, повторяются с разными подписями в различных местах без разбора, украшая книгу. Были, конечно, и безупречные иллюстрированные издания (в Венеции). Дюрер издал свои иллюстрации к «Апокалипсису» как самостоятельный альбом с выдержками текста, а библейские серии («страстей» — «больших» и «малых») — как повествовательные гравюры-картинки. Серии рисунков Гольбейна отличаются прежде всего своим малым размером, не столь «миниатюрностью», как удивляющей сжатостью, концентрированностью рассказа вплоть до сцен, где действующих лиц всего два-три. Ничего «лишнего» нет в его иллюстрациях к библии, рассказ сведен до минимума образной информации, никакого текста для понимания сюжета не надо. В небольших по размеру гравюрах все очень отчетливо и достаточно занимательно рассказано. Фигуры действующих людей одеты в одежды, современные художнику, они жестикулируют, показывают друг на друга наглядно и просто.

«Образы смерти» — вторая серия композиций Гольбейна, относящаяся еще к базельскому периоду, известная главным образом по лионскому изданию 1538 года, куда попали доски Лютцельбургера, гравированные по рисункам Гольбейна, — значительнее и сохраняют свой интерес на все времена. Рисунки Гольбейна, по сведениям, опубликованным В. В. Стасовым еще в 1886 году, одно время находились в России, в известной Голицынской коллекции, с тех пор их никто не нашел... Но гравюры по рисункам живы.

Идея уравнительной силы смерти, перед которою все равны, «сильные мира сего» и последние униженные и оскорбленные, была в течение всех времен влекущей для художников и моралистов. В конце средневековья, в кризисную эпоху, когда рушились многие устои — социальные, экономические, идейные, в эпоху революционного подъема крестьянских масс и сложения новых исторических сил «Танцы смерти» приобрели особо широкое распространение. Гольбейну принадлежат композиции и к особому алфавиту, где зловещие сценки столкновения со смертью людей различных классов, сословий, возраста и пола пересечены безупречно вычерченными литерами латинской азбуки. Собственно «Образы смерти» — серия гравюр небольших, с отчетливо выраженным социально-критическим направлением, создана в то же, очевидно, время (около 1523—1526 годов). Первый вариант издания серии, базельский, был выпущен с краткими надписями на немецком языке. В 1538 году к 41-й гравюре более полной серии были добавлены латинские цитаты из библии и французские вирши. Лучше было б обойтись без них. Серия «Образов смерти», по существу, не «иллюстрирует» никакую книгу и ничье сочинение. Гольбейн создает как бы графический рисованный (и безупречно воплощенный в гравюре Лютцельбургером) ф и л ь м — ряд кадров, остро отразивших его время. Смерть подстерегает всех. Давно уже замечены портретные черты, характеризующие жертвы смерти: римского папу (Льва X, про которого говорили, что он прокрадывался к своему престолу, как лисица, правил церковью, как лев, а умер, как собака); императора (Максимилиана I, прозванного «безденежным», жившего на ссуды банкирских домов); короля (Франциска I французского, известного своими военными поражениями и любовными делами). Гольбейн в этих сценах — сатирик и умный наблюдатель. Он безжалостен в разоблачении богачей и феодалов. В сценке с «графом» смерть подступает к устрашенному дворянину в виде крестьянина, разбивающего графский герб — явный отголосок великой крестьянской войны 1525 года. Но крестьянину, ведущему плуг, смерть помогает погонять лошадей, и превосходно передан в этой сценке мирный пейзаж с заходящим солнцем. Конечно, смерть жестока, похищая младенца. Но старика ко гробу она ведет под руку, сопровождая его усталые шаги музыкой цитры. Линии изображений везде четки, определенны, верны.

Нет сомнения, что вся эта группа гравюр заслуживает высокой оценки. Гольбейн в истории искусств выявил себя как изумительный мастер еще в одной области — рисунка с натуры. Портретные карандашные рисунки Гольбейна, группа которых почти случайно была обнаружена в одном из ящиков старинного комода королевского дворца в Виндзоре, принадлежат к неоспоримым вершинам графического искусства всех времен. Иные из них были предварительными этюдами для будущих живописных портретов; другие более завершенны, к карандашу добавлен «красный мел» (сангина). Важно то, что во всех портретах этих видна рука безупречно владеющего рисунком, точно и зорко видящего мастера и вместе с тем художника, умеющего остановиться на необходимом, знающего закон немногословности изображения, умеющего ценить легкость и плавность своего штриха не менее, нежели психологическую убедительность выражения лица...

Рисунки Гольбейна — превосходное доказательство того, какую высокую эстетическую ценность могут иметь наброски с натуры, исполняемые порою мгновенно, быстро или, наоборот, медлительно и тщательно ищущие немногое для того, чтобы сказать о лице человека много. На рисунках Гольбейна — все, с кем он встречался за свою не столь долгую художественную жизнь (всего около тридцати лет работы). И Эразм, и Мор, и английские вельможи с их дамами, и простые служащие английского двора. Один из последних и наиболее законченных рисунков Гольбейна изображает мальчика — принца Эдуарда английского, того, кто будет одним из героев повести Марка Твена «Принц и нищий».

Автопортретов Гольбейна немного. Самый поздний изображает художника в последний год жизни: простое бородатое лицо и острый взгляд живописца-профессионала. Замечательный художник, конечно, заслужил себе благодарную память.

ДИТЯ. Гравюра на дереве по рисунку Г. Гольбейна из серии «Образы смерти».

Владимир ФИРСОВ

ДЫМ ОТ

СВЕТ И ТЕНЬ

Анатолию Иванову — автору романа «Тени исчезают в полдень».

Человечество
Тысячи лет
После тени на свет уповает...
Потому так отрадно
Бывает
После ночи
Увидеть рассвет.
Подсмотреть,
Как, листвой шевеля,
Наряжаясь в цветастое платье,
Широко раскрывает объятья
Обращенная к солнцу Земля.

Все проснется во имя любви —
Будь то травы, деревья и люди,—
Ведь далекое солнце пробудит
Столь знакомое чувство в крови...
Но однако же
Тысячи лет
И такое под солнцем бывает,
Что иной,
Заприметив рассвет,
После света на тень уповает.

И когда за окошком ни зги
Не видать в беспросветные ночи,
Я отчетливо слышу
Шаги,
Что людское ненастье пророчат.

И наутро,
С тревогой в душе
Развернув торопливо газету,
Я прочту,
Что кого-то и где-то
На планете не стало уже.

Кто на камни Ирландии пал,
Кто упал,
Опаленный напалмом,
Не под солнцем прошитые
пальмы —
Под горящие факелы пальм.

Значит, злу предстоит торжество...
Но к возмездию разум взывает.
Мало — жить, на рассвет уповая,
Мало — только лишь верить в
него.

Надо жить, позабыв о себе,
По законам всесильного света,
Что однажды
Возник над планетой
В беспощадной священной борьбе!

ПИДЖАК

Жизнь состояла из отрезков.
И был в одном из них —
Пиджак,
Что в дни войны в родном
Смоленске
Мне отдала вдова за так.

На переполненном вокзале
Она сидела у огня
И неизбывными глазами
Глядела с грустью на меня.

Пилотки и платки рябили.
Вокруг узлы и костыли.
В старинной песне о рябине
Вдруг всколыхнулась боль земли.

Ее под сводами вокзала
Носило эхо черных дней...
Я пел
Для женщины
С глазами
Осиротевших матерей.

И вот, когда я кончил песню,
Она вздохнула горячо
И тихо так — со всеми вместе —
Сказала: «Спой, сынок, еще...»

Я пел.
Я знал, что души тронет.
И верил сам в минуты те,
Что вот умру и похоронят,
Да только неизвестно где.

Я пел и видел,
Как в печали,
В слезах стояли старики.
И лишь глаза вдовы молчали,
Как замершие родники.

А после
Я сидел у печки.
И рядышком была она.
И все шептала мне:
— Сердечный!
Ишь, как умаяла война...

И сквозь меня, сквозь даль
глядела,
Достав залатанный пиджак...
— Смотри, сынок.
Продать хотела,
Да, знать, судьба — отдать за так...

Я, не нуждаясь в уговорах,
Надел его без суеты.
— Ну так и знала, будет впору,
Ведь мой был в точь такой, как
ты...

И пусть сегодня дни иные,
Пусть годы горя вдалеке,
Себя я чувствую
И ныне
Порой в том самом пиджаке.

Порой пою —
Как на вокзале,
Как в дни беды страны моей —
Для этой женщины
С глазами
Осиротевших матерей.

Она во мне узрела сына...
И в наши дни —
Пред ней в долгу —
Я без нее судьбу России
Уже представить не могу.

Чтоб равнодушие не зрело,
Несу, как ладанку храня,
Тот взгляд,
Каким она смотрела,
Прося лишь песню у меня.

* * *

Генералу Шатилову — герою штурма рейхстага.

Как череп фашизма,
Навылет
Был купол рейхстага прошит.
Тевтонец с поверженной выей
Под нашей пятою лежит.

Последние отзвуки боя.
Пора надевать ордена...
Ну, вот мы и снова с тобою,
С тобою, родная страна.

Все боли земные изведав,
Поведав о них сыновьям,
Ушли мы с парада Победы
К заводам, к лугам и полям.

От мысли, что время так мчится,
Сердца
С перебоем стучат.
Недавние наши мальчишки
Сегодня нам дарят внучат.

И книгу Победы листая,
Они и не знают почти,
Не ведают,
Сколько рейхстагов
Воздвигнут
У них на пути!

ЗАРЯ НАД ДНЕПРОМ

Над Соловьевой переправой,
Где были некогда бои,
Меня поднял
Закат кровавый
На крылья вечные свои.

Одно крыло
В Днепре купалось,
Другое простиралось вдаль.
А на душе была усталость
И непонятная печаль.

Я видел,
Как прибрежной пеной
Туманы двигались в лесах,
Как мужиков, везущих сено,
Потряхивало
На возах,

Как обгоняли их машины,
Как вдаль летели сизари...
Я видел многое
С вершины
Меня приветившей зари.

На тихих плесах билась рыба.
И снизу
Видели меня —
Чернеющего над обрывом
На фоне ярого огня.

И я в огне того заката,
Припомнив правду о войне,
К уснувшему навеки брату
Вдруг обратился в тишине:

— Пусть глубоко тебя зарыли,
Ты встань
И молча посмотри,
Как надо мной
Трепещут крылья
Твоей негаснущей зари.

Не всякий раз закат кровавый,
Но всякий раз
Твоя заря
У Соловьевой переправы
Свои бросает якоря!

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

От него никуда нам не деться.
Он жестокою памятью стал
Потому, что под сердцем у
детства
Черным пеплом войны оседал.

Сколько было тревог пережито,
Лишь припомнишь
И видишь: вдали
Дым над полем, где вызрело
жито,
Дым над Ельнею, стертой с земли.

Черный снег ниспадавшего пепла
Оседал на поля и леса.
Украина от дыма ослепла,
Над Россией черны небеса.

Белоруссии небо
Не в силах
Поглотить эту страшную тень.
Даже тлели кресты
На могилах
От горящих вдали деревень!..

Надо ж было на свет народиться
И увидеть на вечной земле
С обожженными крыльями
птицу —
Чуть живую — в остывшей золе.

Потерпи, одинокая птаха!
Как-нибудь до весны доживем...
Я ее обогрел под рубахой
Небогатым сиротским теплом.

Зимовали мы в тесной землянке.
В ней казалось в те дни веселей,
Ведь ее озаряла зорянка
Благодарною песней своей.

А весною,
Когда отпотела
На холодных деревьях кора,
Улетела она, улетела...

Будто только вчера улетела,
Будто все это было
Вчера.
Оттого ли, что трудно дышалось,
И сегодня
Под сердцем лежит
В том дыму обретенная жалость
Ко всему, что обязано жить.

Равнодушие души не тронет
Поколенью,
Чье детство — война.
Мы, как порох, уснувший в
патроне,
У тебя под рукою, страна.

Если надо,
Мы вспыхнем, как пламя,
В самый горький для Родины час,—
Лишь бы дети, спасенные нами,
Иногда
Вспоминали о нас.

ЕЧЕСТВА

Потому-то нам так и понятен
И душе опаленной сродни —
Тот, что сладок, и тот, что
Приятен —
Дым Отечества
В мирные дни.

СВЕТ В ОКНЕ

В Заболотье, где речка Соложа
Вдоль деревни
Поодаль течет,
Частый дождик, ночами тревожа,
Не спеша мою крышу сечет.

По замшелой от времени крыше
Он стекает во тьму лопухов.
В монотонном журчанье все тише
И все дальше
Распев петухов.

Я склоняюсь над стопкой бумаги
И немею
От той тишины,
Где холодные капельки влаги,
Словно вещие струны, слышны.

Хорошо мне
Под дедовским кровом
В легком треске горящих свечей
Понимать все бессилие слова
Перед звучным покоем ночей.

Я в дождливую темень вникаю,
Отмечаю,
Как плещет река,
Как за тучами
Звезды мигают
И трещат, словно свечи, слегка.

Может, кто-то
Далекий-далекий
На далекой планете такой
В эту ночь, как и я, одинокий,
Всей душою приемлет покой.

Мы стремимся друг к другу
навстречу,
И в согласной во всем тишине,
Может, свечи,
А может, не свечи
В неземном полыхают окне.

И, казалось бы, что мне за дело
До того неземного огня,
Ведь немало веков пролетело,
Чтобы свет его тронул меня!

Нет, я верю в бессмертье планеты,
Где и ныне живет
Человек
И, как я, в ожиданьи рассвета,
Не смыкает натруженных век.

Да, я верю
Всей верой крылатой:
С ним придется увидеться мне
И понять,
Что мы знали когда-то
Друг о друге
По свету в окне.

БЕЗОБЛАЧНОСТЬ

За Днепром,
Под Смоленском,
Кукушка давно не кукует.
На Днепре,
Под Смоленском,
На привязи лодка тоскует.

Сонный ястреб
Гуляет
Над светлым речным коридором.
Спелый август
Ныряет
В прошитые зноем просторы.

Там колосья
Свисают,
Упругие стебли ломая.
И летит
Над лесами
Безудержно синь вековая.

Хоть бы облачко в небе,
Безоблачно в нем спозаранку.
В светлой думе о хлебе
Идет по тропинке крестьянка.
Голубая косынка
Над белою кофтою вьется
И нетающей льдинкой
На сердце моем остается.

Отчего?
Оттого ли,
Что женщину эту не знаю,
Оттого ли,
Что поле
Нечасто уже вспоминаю?

Оттого ли,
Что слепо
Люблю, а порой ненавижу,
Оттого ли,
Что небо
Нечасто безоблачным вижу...

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Отжила свое до срока
Летом
Сочная трава.
На стогах —
Сорочий грохот.
На жнивье —
Тетерева.

На дорогах —
Обелиски,
Где увядшие цветы
Наклонились низко-низко,
Чуя тяжесть высоты.

Но светло
В краю любимом,
Четко выстроившись в ряд,
В красных галстуках
Рябины
В школьных садиках стоят.

Вот вспорхнут ребята дружно,
Вздрогнет классная доска
От веселого
Поддужного
Последнего звонка.

Встрепенется тихий полдень,
И растает забытье.
И осенний день заполнит
Детство давнее мое...
Не роса упала с веток,
И не дождик зарябил —
Слезы, видимо,
От света
Мной посаженных рябин.

А ребята мимо скачут,
Как воробышки в пыли,
Удивляясь:
— Дядя плачет.
Эка дядю довели!..

УТРО В ЛЕСУ

В солнышко нацеленные крынки
Кверху дном
Зависли на плетне.
Выбегают мокрые тропинки
К солнышку погреться по весне.

К солнцу
Устремляются ракиты
Взрывчато
Весеннею порой.
И ручей, ничем не знаменитый,
Осветлен березовой корой.

И леса в своем многоголосье
Дарят солнцу
Песенный размах.
И несут непуганые лоси
Светлый мир на вскинутых рогах.

Здравствуй, утро солнечное!
Здравствуй,
Вечная весенняя пора!
Властвуй, утро солнечное,
Властвуй
Над возникшим стуком топора.

Это лесорубы пробудились
В час, когда затихли соловьи,
В час, когда на белый свет явились
Думы неспокойные мои.

Берегите светлые просторы,
К солнцу устремившие полет.
Не рубите
Ветку,
На которой
По ночам соловушка поет!

* * *

На стеклах
Взошли терема,
В них стали морозы селиться.
Зима еще долго продлится,
Куда ни посмотришь —
Зима!

Рассветы
Беспечно тихи,
И кажется, некуда тише.
Однако орут петухи,
Аж снег
Осыпается с крыши,

По тропам,
По белым снегам,
В рассвете медлительно-сером
Уходят хозяйки
За сеном
К недальним прибрежным стогам.

Багровое солнце
Вдали
Над краешком поля привстало.
Казалось, ему от земли
Мешает подняться усталость.

Но вот поднялось
И пошло
Над лугом, вослед за санями,
Над лесом
И над зеленями,
Которым под снегом тепло.

Оно уходило, горя
Спокойным, безветренным светом.
И розовым инеем
С веток
Чуть слышно спадала заря.

* * *

Все смертны.
Это истина простая...
Не потому ли снова
Человек
С печалью провожает птичьи стаи
В молчании лесов, полей и рек?

Уже решив,
Что этот мир не вечен,
И вглядываясь жадно в синеву,
Он молча шепчет им:
— До новой встречи!
И думает:
— А вдруг не доживу?..

И это «вдруг» становится причиной
Тревоги
В ожидании весны.
И женщины всегда нежней к
мужчинам,
Что без причины вроде бы
грустны.

О влажные глаза людской
печали!..
Над вечным светом утренней
земли
Вновь журавли привычно
прокричали
И канули, как в заводи, вдали.

И я гляжу в покинутые дали
Наедине с тревогою моей,
Сочувствуя тому,
Что не видали
Мои друзья отлета журавлей.

Дела, дела. Извечные заботы.
Не каждый в силах вырваться в
поля,
Чтоб ощутить в предчувствии
полета
В своей душе
Тревогу журавля,—
И, осознав свою любовь к
Отчизне,
Понять, как бы очнувшись ото сна:
Все смертно в этом мире,
Кроме жизни,
Где продолженьем осени — весна!

А. СТАРКОВ

ПРО ИВАНА

С вечерней почтой вынул из ящика «Известия». Как обычно, пробежал глазами по колонкам, выискивая, что прочесть в первую очередь. Где-то в подвальной статье попались строчки: «Не так давно в Ленинграде умер знаменитый в стране слесарь Иван Петрович Карташов, артист своего дела, создатель уникальных автоматов, лауреат...» Сперва мимо сознания мелькнуло, как про незнакомого человека. И вдруг, когда уже страницу перевернул, ожгло с опозданием: да это ж Ваня Карташов, господи!..

Я хорошо знал его, мы с ним в свое время чуть не каждый день встречались. Он получил в ту пору Государственную премию, и московское издательство попросило меня — я жил тогда в Ленинграде — помочь Карташову написать книгу о себе. Я должен был сделать то, что называется «литературной записью»... Вот она, эта выпущенная в 1951 году голубенькая брошюрка «В поисках нового». Я имею в виду не только цвет ее обложки, но и окраску, так сказать, содержания. И тут уже не Ваня виноватый, а его соавтор, который перебрал в усердии лазоревого колеру. В чем нетрудно убедиться, сравнив запись «литературную» с рабочей, сохранившейся у меня в блокнотах и сделанной когда-то с живого карташовского голоса. И хотя двадцать лет миновало, мне и сейчас слышится этот глуховатый басок, еще более приглушенный временем:

— ...Когда говорят про лесковского Левшу, я думаю: а если б тому мастеру, блоху подковавшему, еще и технику в руки? Некое специальное оптическое приспособление, а? Большая помощь вышла бы человеку!.. Ну ладно, с единственной «аглицкой нимфозорией» можно и по-кустарному справиться. Вообрази же себе массовую ручную подковку блох — в очередь, на потоке... А мы у себя в инструменталке такой вот примерно работенкой и занимались совсем еще недавно. Лекальщики, в том числе и я, медные таблички гравировали для турбин и насосов. Пластинка с детскую ладошку, и на ней заводская марка, все показатели и параметры машины. Она считается некомплектной без такого паспорта, никакой заказчик ее не примет. А табличек много, на турбонасосе их штук двадцать — на узлах, на деталях,— чтобы легче было обслуживать. И на каждой полно цифири, букв, до четырехсот различных знаков бывает. Печатные и письменные, простые и фигурные, а главное, меленькие-меленькие. Вот и выцарапывай штифельком, зубильцем выдалбливай — чем тебе не подковка блохи? Ума не требует, только верного глаза, набитой руки да усидчивой... Я однажды над подобной пластинкой две смены просидел подряд, спины не разгибая. И обозлился, знаешь, всерьез, поскольку не терплю зряшного пота. Правда, лекальщиков освободили вскоре от этой мороки. Один человек, фамилии не назову, предложение внес. «Я,— говорит,— химическим способом буду гравировать». Выделили ему целую лабораторию, помощников дали. Очень был завод заинтересованный в тех табличках. Готовые к сдаче машины ждали подолгу, пока им выпишут паспорта... Я не знаю, как они уж там химичили в лаборатории, но пластинки получались с полуслепым текстом, неимоверно дорогие, и по-прежнему их не хватало.

Меня лично теперь это вроде бы и не касалось. Но изнутри сверлило: надо чего-нибудь придумать, нельзя так... Сначала представлялось в смутности нечто похожее на пантограф. Есть такое устройство у чертежников, когда требуется снять копию в измененном масштабе. Простенькая рычажная система: четыре планки соединены на шарнирах и могут как угодно поворачиваться. Длинное плечо описывает определенную фигуру, и короткое тут же повторяет ее, но в уменьшении. А почему бы карандаш, укрепленный на коротеньком плече, не заменить фрезой? И заставить ее, вращаясь, врезаться в металл, гравировать. Пантограф со шпинделем и с моторчиком? Ага, что-то близкое к тому... Я еще хотел использовать бормашину. Она ведь и в слесарном деле применяется, не у одних лишь зубных врачей. И я собирался соединить ее с пантографом. Но уж больно громоздкая выходила конструкция, прямо агрегат какой. А нужен маленький переносный станочек, чтобы на табуретку поставить. Я ходил — думал, в голове рисовал. Я пока в голове натурально все не изображу, к бумаге не прикасаюсь. Набросал эскизик. И начал потихоньку мастерить дома. Не хотел в цехе, на глазах у всех. Ну, во-первых, не всегда выходит то, что задумаешь. Хотя я и не был новичок в изобретательстве. До армии, до войны в той же инструменталке немало подал предложений в Бриз, даже патенты получал. Но за войну, за блокаду, ко времени, когда я вернулся в цех, тут весь народ начисто сменился, никого из знавших меня не осталось. Про мои старые изобретения никто не слыхал, так что авторитета в этом смысле у меня не было. Вдруг не получится, скажут — выскочка. И это вторая причина, по которой я решил все сделать дома. Выйдет — покажу. Железо у меня имелось кое-какое, моторчик достал у приятелей, а шпинделишко нужной конфигурации выточила мне Шура. Она в декрет как раз собиралась, Галку рожать, напоследок и выточила.

Принес, как и решил, готовую пластинку. Я ее отгравировал с наибольшим количеством знаков. Сколько только мог, уместил плотненько. И самых разных, всех образцов. На такую обыкновенно часов двадцать тратили. А я за сорок пять минут, вернее, не я, а машинка, ее лишь запусти, сама пишет... Принес, значит, табличку, показываю начальнику цеха. Покрутил, повертел, в текст вчитался — все четко, ясно, не как у «химиков». Спрашивает, как это сделано. Я объяснил про пантограф. «Притащи,— говорит,— свой станочек, опробуем публично». Я сказал, что он у меня еще не отрегулирован как следует. Договорились, что принесу через несколько дней. А пока моя пластинка пошла гулять по цеху, из рук в руки. Разглядывали, удивлялись. И это удивление едва мне боком не вышло. Не учел я заинтересованности «химиков», об общем интересе думал... Дня через три повестка мне из милиции, дворник вручил под расписку: явиться немедленно к участковому. Шура говорит, на гравировалку глядя: «Чует мое сердце, из-за этой вот штуковины тянут тебя». «Не может быть,— говорю,— какая тут крамола? Нет, что-то не то, по другому поводу вызывают...» А Шура на своем: «То! По этому самому...» И угадала. В милиции меня сразу про пантограф. Что за аппарат, на что способен, кроме гравировки? «Самогон гнать...» — говорю. «Вы шуточки,— говорят,— бросьте, дело не шуточное. Товарищи подозревают, что на нем можно печатать деньги...» И я мигом сообразил, кто эти подозревающие товарищи. «Химики», конечно. Очень уж заволновались, узрев в цехе мою пластинку, забеспокоились. Вот они-то действительно деньги «печатали», гнали монету, втридорога сдирая с завода за каждую табличку. А с моим станочком конец ихней химии... Разъяснил я все в милиции, кажется, поверили, что не фальшивомонетчик я, но на всякий случай взяли с меня все-таки подписку, что дома держать пантограф не буду. На том и поладили... А машинку ты видел в работе, как она действует, знаешь.

Я и сейчас, через двадцать лет, увидел эту гравировалку в инструментальном цехе «Экономайзера».

Да, я ездил в Ленинград. К Карташову... И в этом утверждении нет никакой мистики. Просто у меня ощущение такое. Оно возникло еще в Москве при перечитывании старых блокнотов и окончательно упрочилось в Ленинграде. Почти реальное ощущение, что я снова повидался с Иваном, разговаривал с ним... Записи я читал, будто магнитофонную ленту прокручивал, и все более раздражался, сравнивая их с брошюрой, в которой исчезла естественная Ванина манера говорить, стерлась, сошла на нет интонация, живая и разнообразная, сменилась однотонностью. Рассказ идет от первого лица, а «лица»-то и не видно. Мне захотелось переписать книжку заново. Впрочем, техническая сторона изложена в ней довольно точно. Карташов, помню, строку за строкой придирчиво вычитывал рукопись, чтобы я не наврал чего в технике.

В книге чертежи, исполненные самим Иваном Петровичем. А на одной из страниц с описанием изобретения помещено фото вместо чертежа. Подпись такая: «И. Карташов обучает В. Заозерского работе на новом станке для доводки диаметральных скоб». Рядом с изобретателем парнишка лет семнадцати или чуть постарше, во всяком случае, допризывного возраста, худенький, востроносенький, большеухий, но с подчеркнуто взрослым зачесом шевелюры, с немигающе-сосредоточенным выражением на лице. Что-то не припоминаю этого малого. Возле Карташова всегда толклись такие вот ребята — из ремесленного, стажеры, ученики. Нет ли про «В. Заозерского» в моих записях? Полистал, полистал, обнаружил. И опять возник за кадром знакомый голос:

— ...Обрати внимание, вон у тех тисков, пятые отсюда, слесарек стоит долгоногий, видишь? На полшага отступил от верстака, правильную принял стоечку ввиду роста. Чтобы не гнуть зря шеи, не сутулиться... Запиши фамилию, красивая фамилия: Заозерский, зовут Витя. Он еще в учениках ходил из ремесленного, а заметно было, что из рукастых. И с соображением, с понятием в пальцах, как мы говорим о хороших лекальщиках... Мальчишка из-под Ленинграда, из Гатчины. И сибиряк тоже. Отец был железнодорожник. Когда немцы подошли к Гатчине, успел посадить жену с

сынишкой в последний эшелон, уходивший со станции. А сам остался оборонять ее, навсегда остался, погиб... Мальца с матерью увезли куда-то в сибирский край, в Омскую, по-моему, область. Он там в первый класс пошел, четыре кончил. Нет, четвертый уже здесь, в Ленинграде, как сняли блокаду... Так что в витькиной жизни и, считай, в характере Питер с Сибирью переплелись. В крепкий морской узелок завязалось. В морской, говорю, потому что Виктор приписанный к флоту, служить ему с осени. Между прочим, на прошлой неделе первый раз в жизни побрился. И все эти дни подбородок оглаживает, ждет, когда снова появится щетинка, а она ленится...

Вот так читал я, перечитывал брошюру и свои записи двадцатилетней давности, сверяя их и убеждаясь, что блокнотный текст куда естественней, полнокровней отредактированного книжного. Но в общем-то тоже не без изъяна по нынешним моим требованиям. В них, в записях, совершенно определенный перебор со всякого рода техническими описаниями и подробностями. И это прежде всего за счет некомпетентности соавтора будущей книжки. Видно, как Карташов вынужден по два-три раза объяснять ему и втолковывать стороне, которая нынче интересует меня больше,— о чисто человеческой, что ли, биографической. Судя по записям, а они велись почти со стенографической точностью, Иван Петрович гораздо охотнее рассказывал о заводе, чем о своем личном. Я не так выразился. Все заводское было для него глубоко личным. Я хотел сказать, что он не выпячивал собственной личности. И, терпеливо разъясняя мне все, что касалось производства, технологии, сердился, когда я докучал расспросами по поводу его жизненного пути, и приходилось ограничиваться краткими сведениями. Вот почему в биографии Карташова, как она записана мною с его слов двадцать лет назад, много пробелов, недоговоренного, нераскрытого.

Скупо о детстве, в самом общем плане: обычное-де детство крестьянского мальчика, родившегося на второй год революции.

И про юные годы так же примерно: обыкновенная юность рабочего паренька в тридцатые годы за Невской заставой...

— Что рассказывать? Район тебе знакомый, ты сам из здешних фабзайчат, и возраст у нас с тобой почти одинаковый, и были мы по работе соседями. Я ведь сперва к вам на завод хотел поступить, на завод имени Ленина, где ные, он часто пользовался ими, всякий раз тщательно протирая бархаткой, будто это не плоскогубцы-кусачки, а точнейший мерительный инструмент, который действительно требует особого ухода за собой. Я их как-то взял машинально с верстака во время разговора, перебросил с ладони на ладонь, ощутив приятный холодок, и тут же перехватил на себе охраняющий, следящий взгляд Карташова, переставший быть напряженным лишь после того, как я положил их на прежнее место возле тисков.

— Извини,— сказал я смущенно, видя, как он обтирает пассатижи чистой тряпочкой.

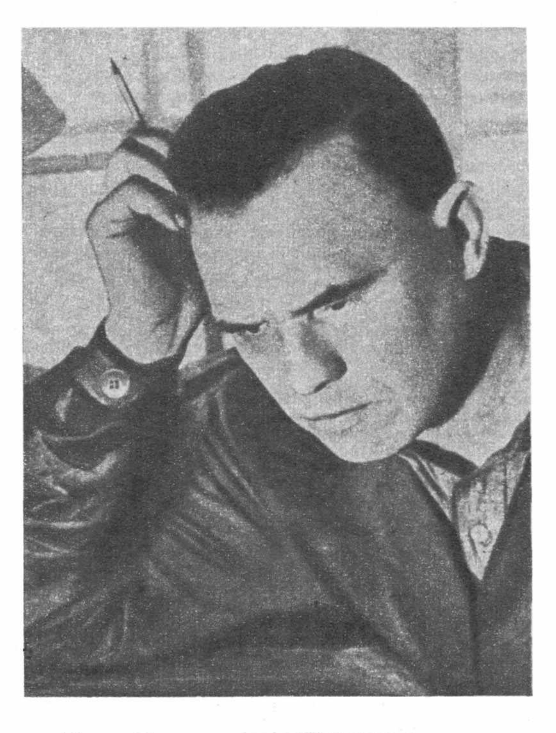
— Отцовские еще...— сказал он.— Удобные, легкие, могут служить и гаечным ключом и отверткой. Были со мной на фронте. Плоскогубцы нужны связисту не меньше, чем слесарю. А эти к тому же и памятные... И вот я их потерял. Мы, наступая, к Дунаю подошли. Немцы держались за правый берег, и наша артиллерия выбивала их оттуда. В самый разгар стрельбы передатчик отказал на наблюдательном пункте. Радист там молоденький, растерялся. Крутит туда-сюда рычажки, индикаторная лампа то вспыхнет, то погаснет. Комбат нервничает: шутка ли, орудийные расчеты могут остаться без корректировки. Подгоняет радиста, а тот все больше запутывается, не в состоянии исправить... Я как раз провод тянул по соседству. Слышу в трубку: вызывает начальство. Приказ — помочь на энпэ. Я был телефонист,

КАРТАШОВА

одно и то же, разжевывать в деталях, и можно только удивляться терпеливости Ивана Петровича. Он часто брал карандаш и тут же на полях или между строчек изображал то, что не доходило словесно. Испещрены, например, его рисунками и эскизами все страницы блокнота, на которых излагается история со станком «Гишольт».

«Гишольт» — американская фирма, станок — балансировочный, основанный на электронике. Он был приобретен в связи с тем, что «Экономайзер» развивал после войны производство турбин, резко меняя свой профиль. Когда-то главной продукцией были экономайзеры — довольно примитивное устройство для подогрева воды в котлах,— о них давно забыли, и само название завода стало анахронизмом, хотя формально сохранено и по сию пору... Так вот, купили станок, необходимый при балансировке роторов турбин и турбонасосов. Ротор не установишь, пока не выверены, не уравновешены все его части. Это и должен определять «Гишольт», а он лишь с толку сбивал испытателей. Доверяясь его приборам, которые докладывали, что балансировка завершена, они запускали готовую к сдаче турбину. И всякий раз приходилось останавливать ее из-за вибрации, из-за дисбаланса. Пытались отрегулировать станок, но он продолжал безбожно путать, это был явный очковтиратель. А без балансировки нельзя, и роторы выверяли на стенде вручную, на глаз. Это задерживало сборку, срывало графики. Снова возвращались к «американцу», принимали его показания с поправками, но теперь надо было еще и поправки высчитывать, и не всегда удавалось сделать это точно,— словом, карусель несусветная... Зная, что Карташов служил в войсках связи, интересуется электроникой, директор завода попросил и его в числе прочих заняться «Гишольтом». Я отбрасываю все связанные с этой работой Ивана Петровича варианты, подробности, детали, уточнения, которыми заполнены многие страницы моего блокнота. Скажу только, что Карташов, разобравшись в электронной схеме станка, счел ее в основе своей ошибочной, заменил собственной схемой. Он сконструировал новый пульт управления. От старого «Гишольта» остались название и остов. Станок перестал врать на балансировках...

Словом, техническая сторона дела представлена с избытком. Чего не скажешь о другой

Иван Петрович Карташов. Эта фотография была помещена в № 8 «Огонька» за 1959 год.

Михаил, старший мой братишка, работал токарем. Но опоздал, прием в фабзавуче уже закончился, прямо в цех в ученики не брали, а неподалеку, на «Экономайзере», брали, я сюда и определился в инструменталку.

Про войну? Я знал, что он был на войне с первых дней до последних, но лишь однажды удалось мне выудить из него фронтовой эпизод, да и то случайно.

Я заметил, что Иван Петрович, относившийся, как и все лекальщики, с чрезвычайной аккуратностью к слесарным принадлежностям, особенно бережет и холит свои большие плоскогубцы, или, как их еще называют, пассатижи, с изогнутыми, черными, отливающими синевой ручками. Они были у него единствен-

но и радистов заменял, чинил им аппаратуру. В этот раз починка оказалась несложная. Скользящий контакт кто-то маслом смазал по неопытности, оно пропиталось пылью, и контакт вышел из строя. Вытащил я плоскогубцами пружину из-под конденсатора, зачистил все, протер, подогнул пружину, обратно поставил, и передатчик заработал... Надо было возвращаться в деревню, где мы стояли. Путь через ложбину, а немцы ее простреливали, открыли контрогонь. Можно только ползком... Выполз я, добрался благополучно. Доложил командиру, что приказание выполнено, передатчик в порядке. И пошел к себе в избу, разрешили отдохнуть. Начал разуваться — плоскогубцев нет. Я их сунул там за голенище, а когда полз, видно, выскользнули. Попробуй найди в той ложбине под обстрелом, нечего и думать об этом. А ночью нам дальше, за Дунай. Пропали мои плоскогубцы, отцовская память. Все кругом сочувствуют, знали, как я их берег, соболезнуют. Один Усман молчит, помощник мой. Я обучал его и по телефонии и по радиоделу. Друг. А тут молчит, никакого сочувствия. Постоял-постоял и ушел из избы, так ничего и не сказав. Я подумал: люди по-разному реагируют, вот и Усман по-своему, но странновато, конечно, хоть бы словечко вымолвил... Я прилег в огорчении, заснул. А часа через полтора стучат в окно. Выхожу на крылечко. Стоит наш старшина, загадочно улыбается и руки прячет за спиной. Я сразу догадался: «Мои?» «Твои!» «Кто нашел?» «Каримов принес...» «А где же он?» «В медсанбате Усманчик. Ногу задело осколком, когда он там в ложбине под огнем ползал, искал плоскогубцы...» Больше я их, как видишь, не терял,— закончил Иван Петрович и нежно провел ладонью по плоскогубцам, по их иссиня-черным, без единой царапины ручкам, как гладят живое существо.

Это единственный связанный с войной эпизод, который мне довелось услышать от Карташова. Но ведь и в данном случае он фактически-то не о себе рассказал — о друге...

Перелистывая таким образом старые блокноты, вновь и вновь возвращаясь к ним, я незаметно для себя втянулся, что называется, в тему и, чем бы ни занимался, постоянно думал о Карташове. Но чтобы написать о нем, требовалось сначала заполнить «белые пятна» в прежних записях и, кроме того, самое большое «белое пятно» — пробел в шестнадцать лет (умер Иван Петрович три с лишним года назад), в течение которых мы не виделись. Правда, выяснилось, что разок все-таки виделись. Об этом напомнил мне еще один обнаруженный мной блокнот. С записями, которые я вел в канун 1959 года. Я работал уже в Москве и приезжал в Ленинград с оперативным редакционным заданием: взять несколько новогодних интервью. Традиционная газетная анкета: как прошел для вас год минувший и ваши планы в наступающем. По записной книжке вид-

но, что я побывал на заводе имени Кирова (не Кировском, а имени Кирова, где собирают подъемные краны), в институте пластмасс и дома у Карташова. Адрес у него сменился, он переехал с семьей в новый дом по улице Бабушкина, там же, за Невской заставой. Были и другие перемены: ушла с завода Шура, родив вслед за Галкой сына, который к моменту нашей встречи тоже был уже школьник, первоклашка, Петр Иванович. А сам Иван Петрович не изменился: я приехал к нему в воскресенье, но застал, как и в будни, за делом, за чертежной доской. Вместо ответа на первый вопрос анкеты — как прошел год? — он протянул мне только что выпущенную брошюру под коротким названием «БСК-1». На титульном листе оно расшифровывалось: «Балансировочный станок Карташова, модель 1-я».

— Бывший «Гишольт»? — спросил я неосторожно и, помнится, рассердил немножко Ивана.

— Почитай, увидишь, какой это «Гишольт»,— сказал он.— Думаю, что разберешься, довольно просто изложено. Провозившись с «Гишольтом», я увлекся динамической балансировкой вообще. В тот раз я чужие мехи раздувал, плясал от чужой печки. А тут вроде все свое, принципиально новое, говорят, решение. Дисбаланс определяется поточнее, чем на «Гишольте». К нам везут с других заводов роторы на балансировку. А на заводе имени Ленина у самих такой станок, по моим чертежам собрали. Я ездил в Сызрань, в Каунас, там тоже поставили «БСК» на турбинных заводах, приглашали с консультацией.

— А тут что у тебя, Ваня? — показал я на чертежную доску.

И получил отчасти ответ на вторую половину анкеты — о планах.

— Идейка одна в наглядности... Завод, ты знаешь, осваивает газовые турбины. Лопатки для них — с зеркальной поверхностью. И пока нет способа механической обработки. Шлифуем вручную. Терпимо, покуда турбин этих немного, на освоении. А если на массовый выпуск? Тысячи лопаток притирать в тисочках?.. Вот рисую. Что-то похожее на гидро-следящее устройство. Это долго объяснять да и рановато. Будет готово, расскажу. В следующий раз...

...в следующий раз — через двенадцать лет — рассказывали другие...

— До пятидесяти не дожил трех месяцев... Свой день рождения, в ноябре, сразу после октябрьских, десятого, никогда не отмечал отдельно, с общим сливалось праздником. А в том году собирался, полвека все-таки, да и с его трудовым тридцатипятилетием совпадало. Список начал составлять, кого пригласить. «Погляди-ка,— говорил,— Шура, сколько набирается народу, у себя не разместим, снимем зал на фабрике-кухне». И на заводе, я слышала, готовились к его юбилею, комиссия была при завкоме. Только не юбилей ей довелось проводить, а... Всем заводом хоронили Ваню, гроб стоял посреди двора, и из всех цехов люди шли с венками... День, в который он умер, начался хорошо, то есть он целиком был хороший, ничего не предвещало беды, она стряслась к ночи. Ваня был в отпуске, давали путевку на Черную речку, в санаторий, не взял, он не любил санаториев, домов отдыха, если уезжал, то в ближние, чтобы мы могли навещать. И ни разу не высиживал до конца срока путевки. А тут и вовсе не поехал, я укорила его за это, а он сказал: «Чего ты меня гонишь? Мне лучше всякого — до́ма...» Он дом любил, наслаждался, когда все мы — дети, я — возле него, рядышком. Но так все реже случалось, ребята взрослели, около не удержишь. Вот и в тот день: Галка — в отъезде, после из института вожатой в Артек, Петя с утра в библиотеке, у него оставался последний экзамен, он в Механический сдавал. Муж тоже встал пораньше, заканчивал «белóк», беловой чертеж, с которого снимают «синьки». Придумал пневматические ножницы для инструменталки, чтобы резать металл тонких профилей. Закончил этот чертежник, был доволен, а довольный, он обычно разные стишки бормотал, чаще всего из любимого «Теркина» или из Маршака. И мне принялся помогать по дому. Я затеяла генеральную уборку, окна мыла, а потом я ему помогала, он решил перетянуть наш старенький диван, пружины ослабли. Так и провозились до вечера, а вечером, за чаем, смотрели по телевизору кинофильм «Взрослые дети» и говорили о своих взрослых детях, решили, что они у нас хорошие. Спать легли рано, Пети не дождались, я слышала, он пришел тихонечко, поел на кухне и долго еще света у себя не гасил. Я заснула, но после первого ваниного инфаркта в шестьдесят третьем я чутко спала, а после второго в шестьдесят шестом еще чутче, от малейшего звука просыпалась. И сейчас проснулась, услышав, как что-то звякнуло в столовой. Это Ваня звякнул ложечкой возле буфета, наливая в темноте лекарство. Я спросила: «Сердце болит?»,— он сказал: «Болит, в спину отдает сильно, в поясницу...» Я свет зажгла и, как увидела, какое у него лицо, побежала к телефону. Приехала неотложка, врач сказал: «Инфаркт. Немедленно в больницу». И вызвал «Скорую»... Петя спал в своей комнате крепко, ничего не слыхал, говорил после, что услышал, как внизу под окном машина гуднула, это «Скорая» отъезжала с отцом. И я была с ним. Боль отпустила, помогли уколы. Больница недалеко, на Палевском, знаете? У переезда задержались, тепловоз пропускали. Ваня сказал: «Бритву, пожалуйста, принеси утром». И вдруг привалился к стенке, но не от толчка, машина стояла, сам привалился, я ему свои руки подложила под спину, чтобы мягче было, а он уже был мертвый... Дочка прилетела. Телеграмма не застала ее в лагере, Галя ушла с ребятами в горы с ночевкой, за ней человека послали, не сразу разыскал. Но она успела все-таки на похороны,— с аэродрома на кладбище, попрощалась с отцом... У Пети экзамен был в канун погребения, отсрочки не попросил, пошел сдавать математику. И с ним два приятеля, для душевной поддержки. Они стояли возле дверей экзаменационной и, как Петя вышел, кинулись к нему: «Сдал? Какие задачи попались?» Он и слова не мог сказать, он не помнил ни задач, ни своих решений. С завода звонили ректору института, просили учесть обстоятельства, при которых парнишка сдавал экзамен. А ректор, глянув в списки, сказал, что у Карташова балл проходной и он зачислен в студенты...

Мы сидим с Александрой Максимовной пока вдвоем. Она работает дежурной по этажу в гарнизонной гостинице, сегодня выходная, по графику. Галя придет поздно, вернее, приедет, а может, и не приедет, она преподает химию в школе-интернате для ребятишек со слабым зрением в Мгинском районе, на сорок пятом километре от Ленинграда, и иногда остается там ночевать. Петя тоже явится поздно: он дружинник, и у него до полуночи дежурство на участке... Но вот мы уже втроем, пришла, как было заранее сговорено, Анна Петровна, Ванина сестра, и я записываю рассказ о его детстве, о юных годах, то, чего не хватало в моих старых блокнотах.

— Нас росло пятеро у отца с мамой, которую я и сестра Мотя, старшие, всегда так называли, хотя она была нам с Мотей не родная, родная совсем рано умерла. И отец рано, Ванюшке и трех лет не исполнилось. Они с Михаилом, тот чуть старше был, и с самой маленькой сестричкой, Леной, отца, конечно, не помнили. Но и я — в размытости потому, что он редко и мало бывал дома, в деревне. То в Питере на заработках, то на войнах. С первой мировой у нас долго хранился его утерянный нынче Георгиевский крест. А про жизнь в столице имеется письменное свидетельство, я обнаружила вчера в бумагах, готовясь к встрече с вами. Вот, гляньте, аттестат...

Я прочел: «Дан сей запасному (нижнему) чину из крестьян Рязанской губернии, Касимовского уезда, Ерахтурской волости, села Ерахтур, Петру Карташову в том, что он работал в меднотокарной мастерской № 3 Трубочного завода браковщиком деталей с 18 ноября 1902 года по 2 сентября 1906... и расчет взял по собственному желанию...»

— Как кончилась гражданская война, мы перебрались из села Ерахтур в городок Ряжск. Там, в помещичьей усадьбе, был создан совхоз, для которого организаторы приобрели среди прочего локомобиль. И во всей местности нашелся только один человек, умевший с ним управляться, наш отец. На механика специально не обучался, а понимал толк в разных машинах и механизмах. И еще прежде, когда приезжал на побывки из Петербурга, к нему несли отовсюду всякую всячину в починку. Никто лучше него не ремонтировал ружья охотникам, а сам никогда зверя не бил. Мог починить любые часики, но это редко требовалось в деревенских условиях, часы были лишь у старосты... После неожиданной смерти отца — он умер на операционном столе, у него был, как я сейчас понимаю, рак — осталось два ящика с инструментом. И мама, вынужденная ради нашего пропитания распродать многое из того, что имелось в доме, к этим ящикам не прикасалась. Их содержимое переходило постепенно к подраставшим братишкам. А потом Михаил, уезжая вслед за Мотей и мной в Ленинград устраиваться на работу, оставил все Ванюшке...

— И поныне сохранено,— сказала Александра Максимовна.— Даже ящички те же. Ваня постоянно покупал инструменты, но новые с отцовскими не мешал, держал в отдельности. Петино теперь хозяйство, вот пинцетики, надфильки для часов. Паяльник. Плоскогубцы...

Я увидел те самые пассатижи, потерянные и найденные на войне. Они показались мне еще новее, поблескивали с какой-то особой свежестью, и я было потянулся к ним, но взять в руки не решился.

— Мы еще некоторое время жили без отца в усадьбе. У нас была комнатенка в помещении конторы совхоза. И там же, по коридору, партийная ячейка, красный уголок, в котором по вечерам — собрания, лекции, выступления «Синей блузы». Шумное, веселое соседство! К нам в комнату часто без стука вваливались люди, ошибаясь дверьми. А как-то постучались, и вместе с директором совхоза, секретарем ячейки вошел незнакомый человек во френче. Окинул взглядом комнату, к маме обратился: «Расскажите, хозяюшка, как живете...» А мы как жили? Скверно, безденежно. Все, что можно, продали, а маминого заработка, уборщицы в конторе, и на двоих-то не хватило бы, нас же шестеро. Она не растила сквалыг, но мы знали цену копейке. Правда, был случай один, началось с шутки... Мама шла с Ванюшкой-крохой по городку, мимо ларька со сластями проходили. Попросил шоколадку, заканючил, а мама и говорит: «У меня нет, сынуля, денежек, погляди на дорожку, может, найдешь». И он зырк по сторонам глазенками и вдруг увидел тряпочку свернутую, подбежал, развернул — монетки. Совсем немножко, но — деньги! Мама к прохожим: не обронил ли кто? Не нашелся владелец. Находка грошовая, и мама решила истратить ее, хватило как раз на пакетик леденцов. «В случае чего,— сказала ларечнице,— если кто заявит, отдайте, а я вам возмещу...» Пришли домой, Ванюшка кричит с порога: «Я денежки нашел, денежки всюду валяются!..» И Мишутке с Леночкой завидки, рвутся на улицу, мать не пускает, ревут, тоже хотят подбирать монетки, которые валяются всюду. И мать уже не рада шутке, вот как она обернулась. Не так-то просто было теперь втолковать малышам, что деньги не находить надо, а зарабатывать.

— Нюр, ты начала о человеке во френче,— сказала Александра Максимовна.

— Я первый раз в жизни услышала тогда слово «пенсия». «Вам положена,— сказал он маме,— пенсия за мужа». Я так и не знаю, кем был этот человек, принесший нам добро. Слова у него были делом. Пришел, увидел, как мы живем, и все остальное исполнил сам или кто-то по его указанию. Мать никуда не обращалась, просьб не писала, не хлопотала — настал день, и почтальон принес пенсию. Стало полегче. А вскоре из совхоза переехали обратно в Ерахтур, там организовался колхоз, мама — дояркой... Я уже сказала, что мы, старшие, постепенно перебирались в Ленинград. До Москвы от нас ближе, но в Питере оставались отцовские знакомства, были адреса, где мы могли остановиться. Мотя устроилась в ткачихи, я на ту же фабрику счетоводкой, сейчас бухгалтер, Михаил в фабзавуч на токаря. Семья вроде поделилась напополам, правильнее сказать, расстояние между Ерахтуром и Ленинградом отдалило нас, но не отделило, семья оставалась семьей. Отчуждения, как бывает в таких случаях, не произошло. То мы, когда нужно, поможем маме материально, то они нам. Говорю: они, поскольку Ваня лет с двенадцати был полноценный работник в доме, деливший с матерью все заботы по хозяйству. Мужских рук со стороны не требовалось. Ведра, корыта и прочую утварь не покупали — сам делал, мог забор поставить, починить замок, будильник, паять, лудить умел, его и к соседям звали на всякие слесарные поделки... В школе учитель физики назначил Ванюшку своим ассистентом. А школа была новая, построенная к десятой годовщине Октября, по типу городских, каменная, с прекрасно оборудованными учебными кабинетами. В физическом, я помню — я ведь тоже училась в этой школе,— стояли телескоп, воздушный насос, паровая машина, дизель, множество приборов. Ваня, как ассистент, не только охранял это маленькое царство физики, не только готовил приборы к лабораторным занятиям, но и мастерил. И однажды едва не подорвался. Мы узнали об этом из маминого письма, а потом он и сам рассказывал. Как хотел построить действующую модель электростанции. Для школы, но не в школе — дома. Чтобы принести, поставить в готовом виде...

— И в детстве, значит, был такой,— сказа-

ла Александра Максимовна.— Никогда не любил авансов раздавать...

— Возился на кухне со своей электростанцией. Котелок склепал из толстого железа, собрал турбину с лопатками, динамка была, все как положено. Котел подогревался на примусе, сооружение крутилось, грохотало, а электроэнергии не вырабатывало. Думал, что пару не хватает, подымал, подымал давление, пока вся конструкция к потолку не взлетела. Хорошо, что по вертикали, как из бутылки, по сторонам не разбросало. Могло в изобретателя угодить, ошпарить... Вот такой рос деревенский мальчишка с сугубо городскими по тому времени интересами к электричеству, к радио, к оптике. Самодельных приемников был полон дом. А телескоп построил не хуже школьного, лунные горы в него разглядывал... Не подумайте, что я специально хочу представить эдакого вундеркинда, если скажу, что он занимался еще и рисованием. Каким помню в малолетстве, про такого и говорю, ничего не прибавляя. Художник в нем не развился, хотя для себя рисовал всю жизнь, никуда не выставляясь. Раз только его ребячья акварелька попала каким-то образом на выставку народного творчества, получила премию. Опушка леса была нарисована, сосна, поваленная ветром, и среди ветвей куница, которую ни с каким другим зверьком нельзя было спутать — куничка, как есть, в лесу подсмотренная. Премия была деньгами, пятьдесят рублей, кажется, и Ваня долго терзался, с нами советовался в письме: на что потратить? Палитру с красками купить или набор радиодеталей? Техника поборола искусство. Из купленных деталей собрал большой ламповый приемник, который тоже оказался на выставке и тоже заслужил премию. На этот раз Ванюшка приобрел краски...

— У него была особенность, связанная с красками, недостаток, скорее. Нет, нет, не дальтонизм, он цвета не путал, четко различал. Он не помнил их названий. Память на все, на людей, на события, не говоря уж о технике, была редкая. А вот чтобы зеленый цвет назвать зеленым или синий синим, задумывался, припоминал. Какая-то кнопочка, заведовавшая в мозгу названиями красок, не сразу срабатывала. Но я тебя, Нюра, опять перебила...

— А я уже все почти сказала о его детстве. Осталось про телеграмму, которую мы получили вдруг из Ерахтура... «Мама умерла»,— телеграфировал Ваня. Не болела, ни на что не жаловалась, легла спать и не проснулась... Мотя съездила в деревню, исполнила все печальные обязанности, ребят забрала. И появился за Невской заставой еще один рабочий парнишка, которому едва пятнадцать минуло. Он легко, как-то, знаете, естественно вошел в заводскую жизнь. Мотя работала в то время инструктором в райкоме партии. Секретарь с «Экономайзера» принес показать ей альбом с фотографиями передовиков. И она увидела братишкину физиономию. Не призналась, что близкий родственник, благо фамилию носила мужнюю, спросила: «Что за молоденький такой, симпатичный?» И секретарь объяснил Моте, что это лекальщик Ваня Карташов, светлая головушка... Мы жили одной семьей, получки складывали воедино. Я, как счетовод по специальности, была домашним наркомом финансов. Ванины вклады в семейную кассу становились все ощутимей: шестой рабочий разряд, премии за рационализаторство... На себя тратил немного, на самое необходимое, главным образом на инструменты и книги. Собирал техническую библиотечку, больше всего по радио, которое вышло в его увлечениях на первое место, а потом чуть потеснилось ради фотографирования, «ФЭД» купил. Он не кидался от интереса к интересу, прежним не изменял, они накапливались в нем, не угасая и не мешая друг дружке. Курсы автомобилистов кончил, получил водительские права... Подошел его год призыва в армию. Вместе с Ваней уходило с завода еще десятка два ребят. В клубе были торжественные проводы, всем новобранцам вручили подарки. Ванюшке — часы. На их крышке, изнутри, было, помню, выгравировано: «Комсомольцу-стахановцу Ивану Карташову на память о заводе». Он их дома оставил, и в блокаду Мотя до предельной возможности берегла эти часики. И уже когда ее муж был при смерти — они оба умерли от голода,— сменяла на пайку хлеба... Из армии братишка довольно часто писал. Последнее предвоенное письмо было от пятнадцатого июня, шло неделю, как раз в первый день войны получили. Сохранилось, вот оно.— И Анна Петровна протянула мне солдатский треугольничек.

«...Живу я хорошо. Скоро кончится срок службы. Живем пока в лагере. Пусть Миша напишет, как он работает и будет ли мне место у них...»

(Окончание следует.)

ИЗ СЛАВНОЙ ПЛЕЯДЫ МХАТОВЦЕВ

С. ГИАЦИНТОВА,
народная артистка СССР

Среди тех, с кем мы в юности вместе учились искусству актера у своих великих театральных наставников К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, оказалось много известных, широко прославленных имен. Одно из них — Виктор Яковлевич Станицын: актер, режиссер, педагог.

Знакомство же мое собственное, личное с будущей знаменитостью началось и еще раньше. Это были, наверное, самые безмятежные и потому счастливые годы, когда в уютной квартирке моей первой учительницы по театру, Елены Павловны Муратовой, появился тоненький, красивый мальчик с глазами весело и доброжелательно улыбающимися навстречу людям, жизни, всему окружающему...

— Это мой новый ученик, его зовут Виктор,— познакомила нас Елена Павловна. И я хорошо помню, как отчетливо, уверенно подумалось мне тогда: «Ну, этот юноша уж наверняка станет хорошим актером! Очень смело смотрит он на мир, умеет радоваться ему...»

И ведь сбылось мое мысленное предсказание! Действительно, вот таким ярким, сияющим доверчивостью, веселостью и озорством своих героев вошел Виктор Яковлевич Станицын и в МХАТ... Здесь он и сегодня с той же неувядающей душевной открытостью беззаветно служит искусству...

Большая жизнь прожита за эти годы. Много сделано значительного, всем запомнившегося...

Все, что получил Станицын от своих учителей, от самой атмосферы МХАТа — тот огромный капитал, каким является глубокое знание нашей сложнейшей профессии, постоянное стремление к новым высотам в творчестве, преданность своему делу,— все это растит теперь Станицын в своих учениках, бережно развивая их дарования, помогая молодым артистам в школе-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко найти и раскрыть себя в искусстве, упрочить природные способности, чтобы отдать их на службу людям...

Я вспоминаю сейчас первую режиссерскую работу Станицына — «Пиквикский клуб», поразивший нас всех тогда мажорным, светлым ощущением жизни, смелостью подхода, оригинальностью и темпераментом воплощения своеобразного диккенсовского юмора. Однако и в той давней уж работе давала себя знать сдержанность, подлинно артистическое чувство меры, когда все, что видишь на сцене, сделано соразмерно, изящно, со вкусом, как обязательно требует того классика.

А работа над образами русской драматургии!

Нельзя вообразить себе более сочного, жизненно-убедительного образа, чем был Стива Облонский из «Анны Карениной», с переполняющей его, ненасытной жаждой бытия. А добрейший хозяин города — губернатор из «Мертвых душ»!.. Мне кажется неповторимым слепой, безудержный восторг, который испытывает от себя самого, от своего существования Лавр Миронович в «Последней жертве»... Но еще более обличительно — как обвинение ушедшему в прошлое веку — звучит бессмыслица, никчемность жизни одуревшего от пьянства Курослепова в «Горячем сердце»...

Я могла бы с таким же увлечением говорить еще и о многих других прекрасных образах, созданных Станицыным на сцене Художественного театра. Могла бы о каждом из них,— с такими же запомнившимися, живыми подробностями — рассказывать отдельно, но еще важнее заметить, что все персонажи, всех героев Станицына объединяет одно, этому художнику присущее качество. Каждый образ, созданный артистом, существует на сцене не тот малый отрезок времени, который бывает означен ролью. В самом образе — и как бы через него — просвечивается биография человека, видна целая эпоха, вся социальная и психологическая подоплека человеческой судьбы...

Может быть, именно поэтому народный артист СССР В. Я. Станицын и не удержался в одном только актерском «амплуа». Работая на сцене, он очень скоро почувствовал в себе и режиссера. И вот в режиссерских-то его работах, особенно сделанных по Диккенсу, «Пиквикский клуб», «Домби и сын» да и во многих других спектаклях, поставленных на сцене МХАТа, всегда зримо и ярко бывает выражена главная задача, главная мысль Станицына: заставить зрителей не просто наблюдать за событиями спектакля, а жить в нем жизнью персонажей, их судьбами, их нравственным кредо, активно, страстно принимая его или так же активно и страстно его отвергая...

Таким Станицын — народный артист СССР — живет на советской сцене. И умножает ее творческие богатства своим щедрым и радостным талантом.

Курослепов
(«Горячее сердце»).

Звездинцев
(«Плоды просвещения»).

Губернатор
(«Мертвые души»).

Андрей
(«Три сестры»).

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

Борис СМИРНОВ,
фото Николая КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

ДОРОГА К «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ»

На большинстве географических карт в районе, где Камчатка граничит с Чукоткой, обычно обозначены только извилистые голубые прожилки рек. Будто и не живет там никто... И лишь на очень подробных картах есть маленький кружок и надпись: «Аянка».

Перелет сюда был путешествием из весны в глубокую зиму. В Москве уже высыхали апрельские лужи, в Петропавловске термометр показывал ноль градусов, а в Аянке, когда дверь самолета открылась, стрелка карманного термометра-брелока быстро поползла к отметке «минус 30».

Был уже конец дня, почти прозрачное розовое солнце садилось за далекие сопки. У кромки летного поля в сугробах стоял бревенчатый домик, на его крыше — застекленная будка диспетчера. От домика навстречу нам шли люди. Не надо было вывески, чтобы догадаться, что прибыли мы в Корякский национальный округ: встречавшие были одеты в разноцветные меховые кухлянки, на ногах у них пестрые меховые торбаса. Впереди высокий, по-военному подтянутый человек в коротком легком пальто, городских туфлях. «Уши» у шапки подняты, шарф не закрывает аккуратного галстучного узелка.

— Добро пожаловать в Аянку... Владимир Дмитриевич Дрокин, директор оленеводческого совхоза «Полярная звезда». Замерзли? Скорее садитесь в сани, вас отвезут в гостиницу. Да, я догоню, вот только примем еще один «ЛИ-2»...

Над полем нарастал гул: шел на посадку второй «воздушный грузовик». Мы усаживались в розвальни, когда над полосой показался маленький «АН-2»... Где же тут «провинциальная» тишина — все гудит, как на городском аэродроме. И зачем Аянке так много авиации?

— Как же иначе? — не понял нашего удивления возница.— Сюда по земле не добраться. А продукты, материалы доставлять из города надо? Оленину вывозить надо? В бригады пастухам летать надо? Все надо. И то сказать, у нас в совхозе для самолетов работы всегда больше, чем в других хозяйствах. Директор-то наш, слышал я, десантником был, он с авиацией дружит...

Дрокин показывал нам поселок. Он так и не сменил своей легкой «городской» одежды, хотя нам выдал валенки и меховые полушубки. Уже на улице забеспокоился:

— А темные очки с собой привезли? Нет? Напрасно, здесь от солнца ослепнуть можно. У нас на складе очков не осталось, все развезли оленеводам.

Солнце и впрямь отражалось от снега еще ярче, чем светило с голубых небес.

В глубоких сугробах стояли желтенькие рубленые дома, вровень с окнами сидели пушистые собаки. Звенел снег под ногами, звенел мороз, звенели ветки высоких лиственниц. Может, из-за лиственниц поселок казался особенно привлекательным.

— На Камчатке таких лесов нигде больше нет, лиственница растет только в Аянке,— говорил Дрокин,— жалко на дрова рубить. Выход-то есть: на реке Березовой, в сорока километрах отсюда, геологи разведали крупное месторождение угля. Сами пока не добывают. Мы хотели накопать для себя — много ли нам надо! Нет, не разрешают. А лиственницу вырубать, значит, можно. Разве это государственный подход к делу?

...Мне все время казалось, что где-то я уже встречал Владимира Дмитриевича. То ли это было на Чукотке, то ли в далеких колхозах Бурятии или в лопарских поселках на Кольском полуострове... Вот такие же, как он, русские люди приезжали в глухие края, и тихая жизнь далеких окраин преображалась. Да, все они схожи своим неутомимым энтузиазмом, своим советским характером!

Узкие тропинки, как паутина, переплели весь поселок. Тропинка к клубу, тропинка к столовой, к школе-интернату, к детскому саду, к бане. И широкие, пробитые трактором дороги — к дизельной электростанции, к птичнику и молочной ферме, к мастерским...

— Я помню то время, когда здесь стояли яранги,— рассказывал директор совхоза.— Сейчас у нас их не осталось. Люди живут в тесовых деревянных домах, а теперь вот стали строить двухэтажные дома. Хотите посмотреть, как живут оленеводы?

...Хозяина квартиры, в которую мы зашли, оленевода Петра Пэпе, уже много месяцев нет дома: он в бригаде, с оленями. В доме тепло и уютно. Какое-то комнатное растение зеленеет на книжных полках. В углу — радиола на тонких полированных ножках. На большом ковре в центре комнаты валяются брошенные детьми пластмассовые игрушки — самолет, трактор, грузовик... Все настолько напоминало обычное городское жилье, что я не решился спросить у хозяйки, давно ли переехали из яранги.

— Вы сюда, сюда посмотрите,— звал Дрокин.— Видите, ванная, горячая вода. Для наших мест — большая редкость. Вы знаете, чего стоило дать поселку горячую воду? Ванны, например, пришлось завозить на самолетах. Теперь для оленеводов такие вот квартиры, ванны, центральное отопление — самая убедительная агитация. Люди видят, что о них заботятся, и сами стараются лучше работать... Сейчас в бригадах отбивка идет, очень тяжелая работа. Хотите посмотреть, как это делается?

...Мы снова на аэродроме. Геннадий Рыков, командир аянкинского летного звена, наблюдает, как грузят в его «АН-2» продукты для пастухов, толстую мороженую нерпу — на корм собакам. В самолет влезает чукча с лохматым псом на руках, другой туда же втаскивает оленьи нарты... Видно, и песня «А олени лучше!» тоже устарела.

— Пугаются олени, когда самолет прилетает? — спрашиваю у Рыкова.

— Не боятся, привыкли. Олени теперь нашими помощниками стали, в бригадах посадочные полосы нам готовят. На рыхлый снег садиться нельзя, пастухи теперь как получат радиограмму, что мы вылетаем, так гонят оленей на площадку. Пробежится табун по полосе два-три раза — и снег утрамбован. Как-то прилетает самолет в одну из бригад, а на полосе пастухи слова вытоптали: «Плохо, кочки». Не рекомендуют, значит, садиться. Молодцы, разбираются...

Почти час мы летим над угодьями «Полярной звезды». Под крылом плывут пологие холмы, островерхие сопки, русла речек и ручейков. Ровной щетиной выглядит сверху камчатская тайга. И ни дымка, ни человеческого следа... Дрокин устроился впереди, между пилотскими креслами. Видно, там у него привычное место. Потом пересел к нам.

— Решал, как лучше лететь. Пилоты меня своим флаг-штурманом в шутку называют. А я эти места по земле пешком исходил, когда работал инструктором в райкоме партии, и еще тогда убедился: развитие Камчатки с ее просторами немыслимо без воздушного транспорта. Помню, однажды собрался я на пленум окружкома. Сел, как обычно, в лодку-каяк и поплыл. А река обмелела, местами даже легкий каяк не проходит. Тащу я его на бечеве, смотрю, конечно, под ноги, поднимаю глаза, а в пяти шагах передо мной медведь на задних лапах стоит. Не помню, что я сделал — закричал, замахал руками,— только медведь повернулся и удрал... Я остановился на ночлег, подвесил на шесте консервную банку с камешками — чтобы на ветру гремела, отгоняла «гостей» — и забрался в спальный мешок-кокуль. Помню, мучила мысль: неужели и дальше будем осваивать эти земли в каяках, словно первопроходцы-казаки? Это в век-то авиации...

— А теперь?

— Теперь другое дело. Уже не представляю, как можно было жить без самолетов. У меня в год полетных часов набирается больше, чем у пилотов. Пастухи тоже чуть что — на самолет. Представляете, даже на собаках ездить перестали, теперь упряжки есть только у любителей, как в городах — мотоциклы. У меня к авиации особое отношение, я вам об этом как-нибудь позже расскажу... Уже прилетели, внизу табун!

Сначала мы увидели дым над тайгой, потом истоптанный оленями снег, и уже перед самой посадкой среди лиственниц промелькнули приземистые палатки.

Мы вышли из самолета и почти ослепли от зеркального нестерпимого блеска. Только через минуту удалось осмотреться. Стоим на заснеженной реке, берега сплошь покрыты тай-

Герой Социалистического Труда бригадир оленеводов Семен Григорьевич Делянский.

Фельдшер участковой больницы Наташа Матвиенко.

Сейчас прилетит самолет, и оленьи туши, главная продукция совхоза «Полярная звезда», будут отправлены по воздуху на базу.

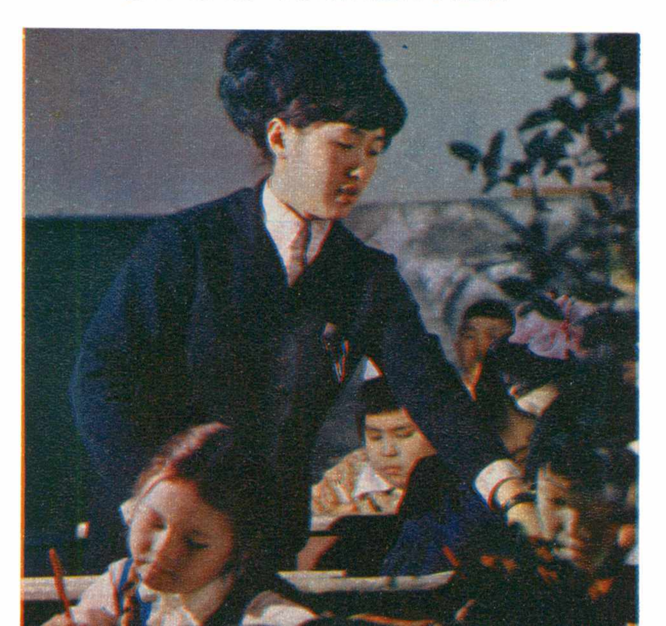

Гость совхоза «Полярная звезда», депутат Верховного Совета СССР И. И. Коерков с ребятишками.

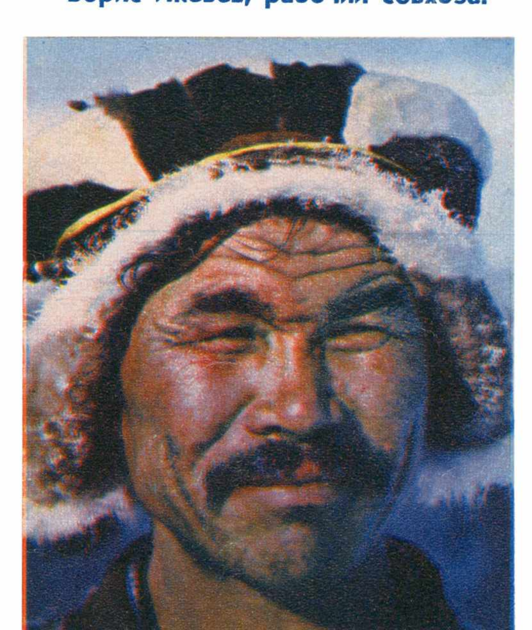

Урок в школе-интернате ведет учительница Наталья Васильевна Усенко.

Борис Икевев, рабочий совхоза.

Один из лучших оленеводов совхоза — Петр Пэпе. Малыш Коля тоже хочет заарканить оленя.

Директор совхоза Владимир Дмитриевич Дрокин (с л е в а) вместе с секретарем Пенжинского райкома КПСС Александром Васильевичем Писаренко летят в оленеводческие бригады.

Корякский национальный ансамбль «Мэнго» привез концерт для оленеводов. Артистки ансамбля — Катя Уркачан и Таня Романова.

Среди вещей, которые оленеводы берут с собой в далекую кочевку, обязательно есть шахматы.

Скоро реактивные ЯК-40 начнут летать в Аянку регулярно.

гой. По горизонту, как декорации, сахарные головки сопок. Сразу заиндевели на морозе ресницы...

— Пошли скорее к табуну, отбивка идет! — торопит Дрокин.

Не очень хорошо представляя, что такое отбивка, мы пробираемся по глубокому снегу. Поляна шириной метров в пятьдесят по кругу огорожена шестами с натянутой тканью. Внутри стоят сотни оленей. Мерно покачиваются рога, как живой густой кустарник. Над поляной в морозном воздухе висит плотное облако пара.

В проходе изгороди прямо на снегу сидят пастухи, пьют чай. Радушно здороваются, приглашают садиться: «Давай немножко чаевать будем, потом важенок отбивать будем!» Чай заварен так густо, что в кружке не видно белого дна. Здесь же лежат конфеты, печенье. Время от времени пастухи поглядывают на табун. Олени стоят спокойно, переминаются.

— Вы видите, табун оленей загнан в кораль,— объясняет Владимир Дмитриевич.— Здесь и старые самцы, и молодняк, и самки-важенки. Скоро у важенок должны родиться оленята, и на этот период важенок лучше отделить от самцов, отбить от стада. Будет уже не один табун, а два. Это и называется отбивкой...

Чайник отставлен в сторону, кружки привязаны к поясам кухлянок. Один из пастухов надевает коротенькие широкие лыжи, идет прямо на оленей. Те шарахнулись, бросились в сторону. Как клубок ниток, завертелся весь табун. Теперь все стадо кружится по коралю огромным хороводом. Трещат, сшибаясь, рога, испуганно хрипят олени. Уже невозможно разглядеть их поодиночке — сплошное мелькание пятнистых шкур, рогов, копыт. В воздухе летают комья снега, еще гуще стало облако пара. А пастух на лыжах прыгает по снегу где-то в самом центре стада, кричит, машет руками, еще и еще убыстряет хоровод.

Несколько оленей, шарахнувшись от пастуха, ринулись к проходу в изгороди. А в проходе — пять человек с прочными арканами-чаутами в руках. Короткий взмах рукой — и чауты, извиваясь, летят на рога убегающих оленей. Рывок! Три оленя на полном бегу, словно налетев на стены, опрокидываются на спины. Мне показалось, что могучие рывки сбили пастухов с ног, но нет, они устояли, они бегут к упавшим оленям и прижимают их к снегу. Несколько секунд — и три беглеца возвращаются в стадо.

— А тех упустили? — спрашиваю я у Дрокина. Два оленя все же прорвались через проход.

— Да нет, эти две — важенки! А с ними хотели уйти три самца, их-то пастухи вернули в стадо.

Теперь понятно. Только одно непостижимо — как могли пастухи в доли секунды различить беглецов, заарканить одних оленей и пропустить других...

Бешено крутится олений хоровод. Я слышу, как ближайший ко мне пастух огромного роста, оленевод Петр Пэпе, тот самый, в чьей квартире мы были, с трудом переводит дыхание. Раз! — и легким движением он бросает чаут. Заарканенный олень несколько метров тащит Пэпе за собой, пытаясь пересилить, перетянуть его. Но где там! Через несколько секунд борьба была закончена — в пользу человека.

Может быть, это совсем легко — поймать оленя? Я взял свободный чаут, отошел в сторону. Метрах в десяти валялись старые, иссохшие оленьи рога. Подражая пастухам, я делаю бросок. Мимо! Подтянул чаут, смотал, бросаю снова. Опять мимо! Эх, а еще баскетболист... После десяти неудачных бросков стало жарко — на плечах-то шуба! А пастухи работают так по два-три дня, и перед ними рога не лежат, а мчатся со скоростью автомобиля.

На другой день мы летели уже в другую сторону от Аянки, в бригаду Героя Социалистического Труда Семена Григорьевича Делянского. Здесь уже закончилась отбивка стада, и усталые оленеводы, сидя на нартах, смотрели концерт корякского национального ансамбля «Мэнго». Тревожно гудел бубен, в бессильной злобе извивался страшный шаман... После концерта в палатке оленеводов я расспрашивал стариков, такими ли были настоящие шаманы.

— Нет, у нас не такой шаман был,— рассказывал Гавриил Павлович Долган, морщинистый старик в нарядной разноцветной кухлянке.— У нас тихий шаман был, никого не пугал, болезни заговаривал.

— А больных много было?

— Много, очень много! Умирали много! Очень болезни плохие, лекарств тогда не знали...

Да, все это так. Царские купцы, за гроши покупая бесценную пушнину, спаивали коряков, приучали их к табаку. Постоянно болтались у камчатских берегов японские и американские торговые шхуны. Пьяного охотника проще уговорить: за нож — шкура песца, за плитку чая — оленье мясо. В слаборазвитых, почти первобытных стойбищах стали возникать эпидемии. К тому времени, когда на Камчатку пришла Советская власть, местное население почти повсеместно было заражено туберкулезом, трахомой, другими болезнями. Малые народности стояли на грани вымирания, этот процесс остановился только с приходом новой жизни...

Старик рассказывал, подливая в кружку душистый цейлонский чай. Рядом листал учебник математики Костя Делянский, сын бригадира, он готовился к экзаменам. В углу бормотала транзисторная «Спидола»: «Борт пятнадцать восемь восемь четыре, сообщите место посадки...» А за стенкой палатки кто-то из ребят напевал модную грузинскую песенку и отбивал такт на шаманском бубне...

В палатку вошел бригадир Делянский, сел, прислушался к разговору.

— Старики все о старом говорят. Я когда молодой был, тоже так думал: каким олень в старое время был, таким он и будет. А потом увидел: нет, и олень другим стал! Волков бояться не надо, голодать не надо, даже соль оленю теперь самолет привозит. Никого олень не боится, крепким стал, сильным. Раньше люди друг друга плохо понимали — чукчи свои слова знали, коряки — свои, эвены — свои. Теперь для всех общим русский язык стал. На русском языке говорим «совхоз» «самолет», «новая жизнь», «Советская власть». Русский язык — родной язык всем оленеводам...

В Аянке установилась ясная погода, и Дрокин словно переселился на аэродром.

— Где директор? — допытывался я.

— Только что улетел в бригаду, вернется поздно вечером...

Наконец мы договорились о встрече — и, конечно же, освободился он опять только поздно вечером, когда в небе сияли звезды.

— Кстати, Владимир Дмитриевич, вы мне еще не рассказали, почему ваш совхоз называется «Полярная звезда».

— Какое сегодня число? Двадцатое? Так вот сегодня «Полярной звезде» исполнилось ровно тридцать три года. А начиналась эта история вот так. Мой отец здесь в тридцатых годах создавал колхозы. Нашего поселка тогда еще не существовало, было небольшое стойбище оленеводов. Помню, отец рассказывал, что очень трудно было собрать пастухов на первое собрание — народ-то кочевой... Все же собрались оленеводы, решили жить в колхозе, объединить оленей в общее стадо. Когда закончилось собрание, была уже ночь. Небо ясное, морозное — вот как сегодня! — звезды вовсю сияют. «Подожди! — говорит отец.— Название колхозу дать забыли!» Стали думать. Отец поднял голову, а прямо над ним — яркая Полярная звезда.

— Назовем колхоз «Полярная звезда»! — предложил отец.

Всем понравилось. Проголосовали — и появился на свете колхоз с таким названием... Потом, в шестьдесят шестом году, когда уже я был председателем, встал вопрос о преобразовании колхоза в совхоз. Мы попросили прежнее название сохранить. И вдруг приходит решение о создании совхоза с названием «Окланский». Вы не представляете, как всем нам в Аянке было обидно! Сжились со старым названием, привыкли к нему. Решили написать коллективное письмо в Москву, в Совет Министров. Дождались ответа: «Сохранить за совхозом прежнее название — «Полярная звезда».

— Так на чем мы остановились? — спросил Владимир Дмитриевич Дрокин, отходя от окна.— На том, как я попал в «Полярную звезду»? Признаться, в юности я не собирался идти по стопам отца. Был юнгой на большом торговом судне, ходил в заграничные рейсы. Потом служил в армии, в воздушнодесантных войсках, стал офицером. А после демобилизации потянуло меня на Камчатку, в места, где работал когда-то отец. Стал инструктором райкома партии, и вот тут-то состоялось мое настоящее знакомство с Камчаткой. Обширнейший край, с огромными богатствами, а хозяйство слабое.

Вскоре направили меня на укрепление колхоза «Полярная звезда» — того самого, который отец создавал. Выбрали председателем. Что собой тогда представляла Аянка? Люди жили в ярангах, электричества не было, весь транспорт — олени и собаки. Что делать? Нужны были коренные перемены.

Пока шла навигация, я привез в поселок электростанцию, пилораму, трактор. А продукты полностью завезти не успел — навигация кончилась. Члены правления стали меня упрекать: мол, натащил железа! Жили без машин и дальше проживем! Так считали многие оленеводы, и их можно было понять — после почти первобытной жизни они вступили прямо в социализм. Но ведь мы, коммунисты, затем и пришли сюда, чтобы вести их к этой новой жизни... Я пробовал объяснить, говорил, что хозяйство может развиваться только на прочной материальной базе. Но где там! Стали раздаваться голоса — переизбрать председателя. Назначили день собрания. И вот накануне того дня, впервые в истории Аянки, прилетели сюда два самолета. Командир летного звена выполнил мою просьбу, завез продукты. Летчики Тюев и Волобуев потом много раз нас выручали. Но тот, первый их прилет стал настоящим событием. Видимо, в сознании оленеводов, в их представлении о жизни произошел какой-то перелом... На другой день на собрании они и слышать не хотели о моем переизбрании. Скоро у нас загорелся свет, заработала пилорама и стали строиться дома, пастухи узнали все преимущества тракторной тяги. Доходы колхоза быстро росли. Все поняли: без техники, без электричества жить больше нельзя. И тогда один из местных жителей, мой самый непримиримый оппонент, написал о нашем колхозе статью в «Камчатскую правду» под названием «Край света». Эти слова толковались в статье двояко: с одной стороны, край света, край земли, а с другой — край, где загорелся электрический свет. Было это в пятьдесят восьмом году, мне тогда исполнилось двадцать девять лет...

Последний раз заиндевевшая лошадка везет нас к аэродрому. Как знать, доведется ли еще покататься на этом «аянкинском такси»? Пора улетать, а расставаться всегда грустно.

На летном поле, как всегда, прогреваются самолеты. На этот раз среди «АНов» и «ЛИ» красуется редкий гость — реактивный «ЯК-40». Пока это технический, проверочный рейс, но скоро «ЯКи» будут летать сюда регулярно. Дорога в Петропавловск станет приятной и легкой.

Владимир Дмитриевич выглядел озабоченным.

— Забыл вам еще сказать, что скоро вместо палаток дадим пастухам сборные домики с электростанциями — есть договоренность с ленинградскими инженерами. А вот вездеходов, чтобы таскать эти домики, «Сельхозтехника» пока не дает — позарез нужны нам вездеходы! Вообще, вы уж напишите, чтобы снабженцы на нас больше внимания обращали. Видно, они считают, что если Аянка на краю земли, то и снабжать ее надо в последнюю очередь...

Ветер усилился. Снежные заряды с бешеной силой неслись почти поперек взлетной полосы. Маленьким «АНам» и большим «ЛИ» пришлось остаться на земле, а «ЯК» уверенно оторвался от аянкинской земли и круто пошел вверх. Вот такие, самые современные самолеты нужны Северу! Мелькнули фигурки людей у аэродромного домика. Вероятно, в ту минуту Дрокин думал: «Скоро должны появиться грузовые «ЯКи». Надо постараться, чтобы их сразу прислали в «Полярную звезду».

25 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ АФРИКИ

Н. БАРАТОВ, М. ЗЕНОВИЧ

Фото Н. Баратова.

Уже к десяти часам утра земля в Нигере залита нестерпимо яркими потоками света, а над головой колышется зыбкое жемчужное марево.

С наступлением сумерек караваны уходят из города. Белые верблюды, невозмутимые и надменные, смотрят с высоты своего огромного роста на затихающую людскую суету. Там, на площади, рыночные торговки укладывают в корзины непроданную папайю и манго, торговец сувенирами запихивает в потрепанный баул «кресты Агадеса», туарегские кинжалы, чьи рукоятки украшены затейливым орнаментом, бронзовые и деревянные маски, сумки из змеиной кожи, чучела крокодильчиков. И только глиняные кувшины остаются ночевать под открытым небом — куда их уберешь?

Правда, местные стряпухи не торопятся гасить жаровни. Оттуда разносится дразнящий запах баранины и ароматного перца. Те, кто победнее, могут подкрепиться маисовой лепешкой, которую тут же, при вас, достанут из кипящего арахисового масла.

Еще пятнадцать лет назад в столице Нигера не было водопровода и уличные водоносы громыхали ведрами по улицам. В память о тех недалеких временах вам могут налить из калебаса кисловатый освежающий «дуну», настоянный на просяных зернах. Местные врачи утверждают, что здесь за сутки следует поглощать не менее четырех литров жидкости. По собственному опыту можем заверить, что эта норма — далеко не предел.

Сейчас Ниамей вырос и только окраинами напоминает о своем прежнем облике. В центре высится тринадцатиэтажное здание компании «Эль-Наср», рядом с ним коммерческие и деловые кварталы — конторы авиакомпаний, страховые общества, лавки.

Ниамей стал столицей Нигера только в 1925 году. Раньше она находилась в городе Зиндер. Некоторые считают, что его название происходит от слов «ниа», что на местном наречии означает «дерево», и «мей» — «берег реки». Согласно другой версии, с которой нас познакомил председатель Национального собрания Нигера, известный историк и писатель Бубу Хама, название это связано с местной легендой о человеке, который, собираясь обосноваться здесь, сказал строителям: «Уа Ниамане», что на языке хауса означает «берите землю здесь и там». Таким образом, появилось название «Ниама», видоизменившееся затем в Ниамей.

Как и полагается, здесь имеются все атрибуты столичного города: белый, в мавританском стиле дворец президента, Национальное собрание, министерства. Обязательная деталь их архитектуры — толстые выбеленные стены, которые не успевают раскалиться за день, и живописный арабский орнамент на галереях и навесах, где посетители могут укрыться от палящего солнца.

В деловых кварталах тихо. Жизнь бурлит на берегу реки. В зеленых водах Нигера, не боясь крокодилов, плещутся шоколадные ребятишки. Впрочем, их матери приняли меры предосторожности: кожа ребятишек обмазана жиром рыб, которых крокодилы не едят. А может, речные чудовища не подплывают близко, чтобы не оглохнуть от невероятного гама? Женщины смеются, судачат, до одури торгуются с хозяевами пирог, которые привезли с того берега свежие овощи, рис, плетеные циновки.

С крыши «Эль-Наср» город как на ладони. Только новичку, впервые забравшемуся сюда, покажется странным, почему среди каменных зданий делового центра стоят деревенские хижины.

Так называют здесь Национальный музей. Собственно говоря, название это условно. В проспектах, которые у входа вручают посетителям, оно расшифровывается как «этнографический комплекс».

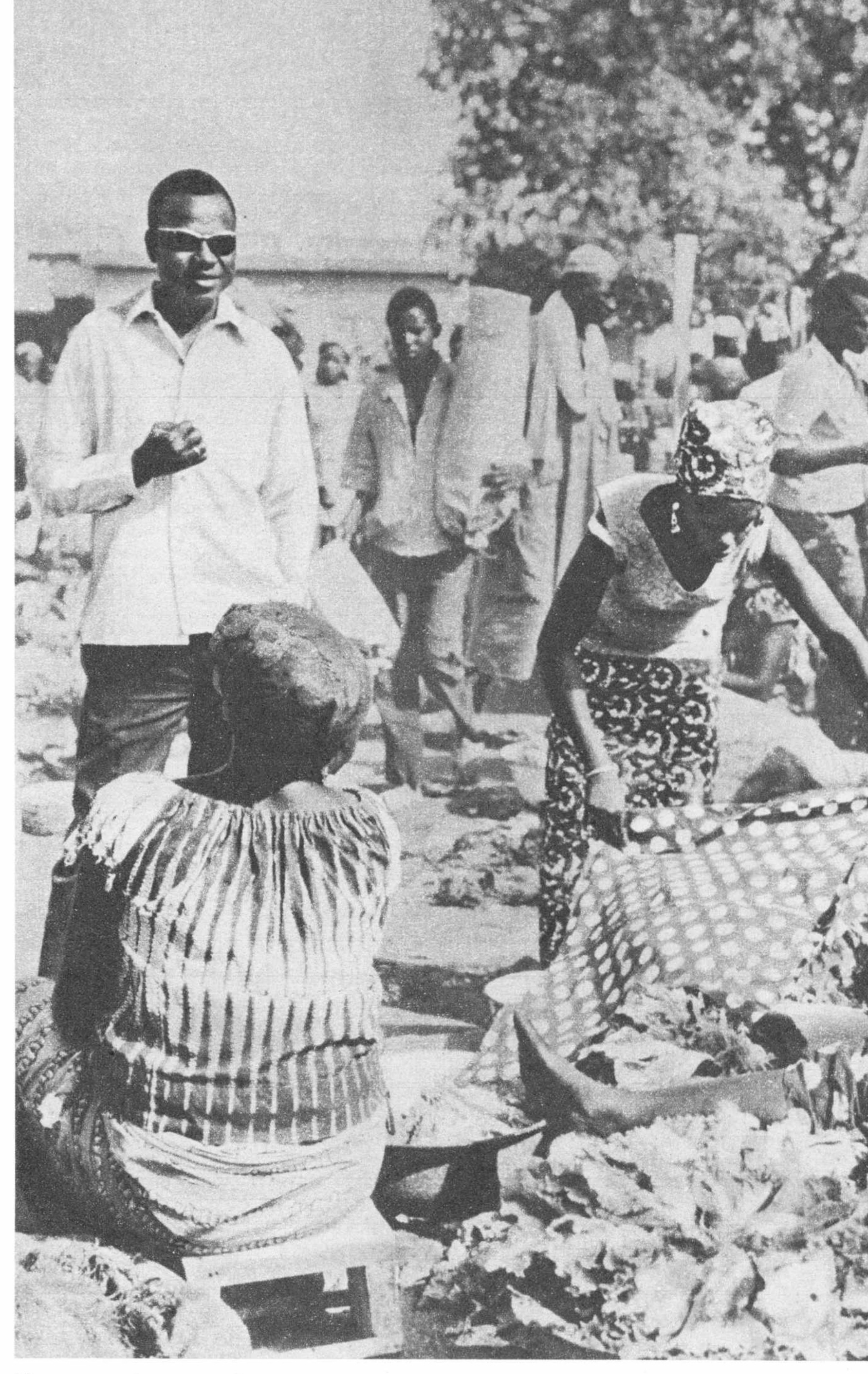
Здесь действительно есть все что угодно. На двадцати четырех гектарах территории музея выстроены павильоны, набитые памятниками материальной культуры и быта — одеждой, оружием, музыкальными инструментами, домашней утварью.

В специальном помещении представлены образцы наскальной живописи, открытой в горах Аира. Знаменитый французский археолог Анри Лот обнаружил там, в районе Арлит, более двух тысяч рисунков и фресок периода каменного века. Неведомые мастера изобразили жирафов, слонов, носорогов, сцены войны и охоты. «Археологическая кладовая» Нигера, по мнению ученых, еще далеко не исчерпана, и не исключено, что в ближайшее время станет известно о новых, захватывающих воображение открытиях.

Пока это все музей. Но рядом с павильонами — зоосад, детская площадка. Иногда по вечерам его территория, уступами спускающаяся к реке, превращается в гигантский зрительный зал, где может разместиться более двадцати пяти тысяч человек.

Но, пожалуй, самая необычная часть музея — это та самая деревушка, которая видна с крыши «Эль-Наср». Это поистине Нигер в миниатюре. Прижавшись друг к другу, стоят здесь сплетенные из тонкой желтой соломы хижины фульбе, плосковерхие, из сырцового саманного кирпича дома народности джерма, кочевые шатры туарегов. Суть этой «экспозиции» не столько в том, чтобы показать повседневный быт нигерской деревни. Здесь работают лучшие ремесленники страны.

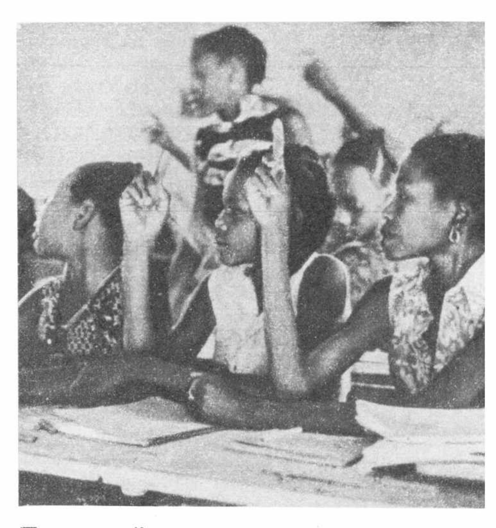
Это для них воздвигнут рядом просторный навес, под крышей которого кипит трудовая жизнь. Ткачихи, чеканщики, оружейники, кожевники, гончары, литейщики, резчики по дереву, кажется, ничуть не мешают друг другу. Наоборот, работа спорится. Теперь оплата их труда больше не зависит от прихоти бродячего торговца,— при музее есть кустарный магазин, куда они сдают свою продукцию по твердым ценам.

На оживленном африканском рынке.

З Р Е

Поднятый вверх палец означает, что они готовы ответить на вопрос учителя.

Туарегская красавица.

Л О С Т Ь

А самое главное — получили наконец признание богатейшие традиции народных ремесел. Ведь долгие столетия войн и порабощения выработали взгляды, согласно которым труд считался делом, недостойным мужчины,— ему подобало быть воином, чиновником, сборщиком налогов.

Это признание отражено не только в почетных дипломах и грамотах, завоеванных нигерскими умельцами на всевозможных выставках и фестивалях африканского искусства. Правительство прикрепило к ним молодых учеников, которым выпала честь сохранить и умножить великие традиции созданной веками культуры.

Все более тесным и многосторонним становится советско-нигерское сотрудничество.

— Независимая Африка хорошо знает, что Советский Союз является ее верным другом, у нее было достаточно возможностей убедиться в этом,— заявил в беседе с нами директор кабинета президента Республики Нигер Майитураре Гаджо.— Ценность советской политики, как мы считаем, заключается в органическом сочетании поддержки антиколониальной борьбы и борьбы за экономическую самостоятельность народов Африки. Вот уже десять лет между СССР и Нигером действует соглашение, которое способствует развитию взаимовыгодных торговых связей. В частности, за три года — с 1968-го по 1970-й — Республика Нигер во много раз увеличила закупки в Советском Союзе нефтепродуктов, машин и оборудования. Одновременно увеличился экспорт в СССР арахиса, кож, шкур и других традиционных товаров Нигера. В соответствии с подписанным в 1963 году в Ниамее соглашением об обмене в области культуры Советский Союз помогает Нигеру в подготовке квалифицированных национальных кадров. Недавно здесь с большим успехом прошли выступления мастеров советского цирка, планируется поездка в СССР делегации деятелей культуры Нигера. «Эти связи,— отмечает «Тан дю Нижер»,—продемонстрировали пользу и взаимную выгоду для наших народов».

Сдвиги в позиции Нигера в отношении к социалистическим странам расцениваются здесь как проявление зрелости, самостоятельности и гибкости руководства страны в понимании истинно национальных интересов Нигера.

— Мы рассматриваем существование прочных, дружественных связей с СССР и другими социалистическими странами как постоянный и важнейший фактор в развитии независимых государств Африки,— заявил нам министр иностранных дел Нигера Майдах Мамаду.

— Мы уже имели возможность убедиться,— отметил Майдах Мамаду,— в высокой профессиональной подготовке специалистов, получивших образование в СССР. У нас в республике работают врачи, ветеринары, геологи, преподаватели, которые учились в советских вузах. Мы надеемся, что помощь в подготовке национальных кадров будет продолжаться и расширяться.

...В аэропорту Ниамея пассажиров встречает огромный транспарант с надписью:

«Звезды указали тебе
правильный путь.
Ты приехал к нам, и сердца
наши
наполнились радостью.
Войди к нам в дом, в любую
деревню
и любой город.
Добро пожаловать!»

ЭНЕРГИЧНЫЙ ГОРОД

Начало см. на 2-й стр. обложки.

шему рабочему человеку. Конечно, и у нее, у Сильвы, со временем будет новоселье. И у всех других ереванцев. Разве кто-нибудь сомневается в этом? А было это написано уже после войны, то есть спустя много лет после того, как «Огонек» сообщил: Ереван оделся очень нарядно. Мне тоже хочется начать с этого удивительного впечатления, которое, видимо, уже давным-давно вызывает столица Армении. Хочется написать: Ереван оделся очень нарядно. Хотя, может быть, и сегодня в каком-нибудь старом доме (есть ведь и сегодня такие) растет другая Сильва Капутикян и пишет добрые, радостные стихи о том, как город становится все лучше, удобнее, наряднее. И это чистая правда. Ведь в понятия «нарядность», «удобство», «красота» входит и наша собственная требовательность, уровень наших вкусов. Идет время, растет требовательность, повышаются запросы. Процесс этот бесконечный...

— Теперь вопрос ставится так,— меряя крупными шагами свой кабинет, размышляет председатель горисполкома Еревана Григорий Иванович Асратян,— если город остается в долгу перед своими гражданами,— это нехорошо. Если же город, развиваясь, опережает запросы человека,— это прекрасно, мы стремимся к этому.

Вот о чем и как стали думать сегодня в горисполкоме Еревана!..

Когда «Огонек» писал о нарядно одетом Ереване, здесь еще не было завода имени Кирова и Армянского электромашиностроительного завода, этих родоначальников и «араратов» армянской химии и электромашиностроения, не было республиканской Академии наук, прекрасного памятника Ленину, Государственной публичной библиотеки. Но все это успели увидеть еще до начала войны те ереванские парни, которые прощались на перроне со своими земляками нежно струящимся словом «стесгюн!» («до свидания!»). Некоторые из них возвратились в город памятниками (дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян, Герой Советского Союза Унан Аветисян), возвратились в город Вечным огнем. Тот, кто вернулся строить и жить, увидел на вокзальной площади Давида Сасунского, был свидетелем пуска алюминиевого завода и шелкового комбината, увидел первый в городе троллейбус, пышную площадь Спандаряна в самом что ни на есть рабочем Ленинском районе, хранилище древних рукописей, громадную чашу ереванского стадиона, подземные светильники на улицах, высотные дома, поющие фонтаны, голубые бассейны...

Кто помнит, каким был Ереван в прошлом, может воскликнуть: «Земля и небо». Но вот что хочется сказать о «земле» и «небе»: чем больше узнается то, что отстоит от нас далеко, тем уважительнее и теплее мы относимся к нему. Поэтому, когда кто-то высокомерно говорит о старом, одноэтажном, бедном Ереване, хочется с ним поспорить. Это самодержец Николай I, прибыв в 1837 году в Ереван, назвал город «глиняным горшком». Между тем именно здесь Александр Грибоедов впервые увидел поставленное на самодеятельной, как мы бы сейчас сказали, сцене свое «Горе от ума». Правда, это сделали декабристы, которые, как говорилось тогда, не щадя своего живота, отстояли у захватчиков Ереванскую крепость: около 2 800 солдат, вышедших 25 декабря на Сенатскую площадь и сосланных за это в «южную Сибирь», с ними были М. Пущин, П. Бестужев, Е. Лачинов... Бок о бок дрались за город и добровольческие отряды ереванцев.

В этом «глиняном горшке» жил писатель, историк, филолог Хачатур Абовян, он работал инспектором и учителем первой ереванской школы. (Первой и единственной! А сейчас за пятилетие в Ереване строится 35 новых школ!) Ему было трудно и одиноко, так трудно и одиноко, что однажды, 2 апреля 1848 года, он вышел из дому и исчез без следа. Он «вернулся» на одну из самых обжитых и центральных улиц Еревана, названных его именем, и стоит в бронзе у подножия Канакерского плато. А Комитас, гениальный композитор, музыкант и ученый, вся жизнь которого была связана с Эчмиадзином, а следовательно, и с Ереваном!

А еще жили в этом городе великие ремесленники, кустари, мастера на все руки, безвестные рабочие люди, каменщики, кожевенники, железнодорожники, к которым пришел ученик и друг Владимира Ильича Ленина Степан Шаумян и поднял их на баррикады общерусской революции 1905 года.

Этот город познал черное дашнакское засилье, когда английские оккупанты переставили ереванские часы «согласно времени, принятому в английском флоте», на 50 минут вперед, но не подвинулись от этого ни на йоту. А при «высоком комиссаре Армении» американском полковнике Хаскеле на улицах города подбирали трупы — люди умирали от голода и болезней. Именно в это время в тяжелом подполье работали члены большевистского Арменкома, организовавшие с помощью Одиннадцатой Красной Армии победу Советов,— их именами названы сейчас самые красивые улицы столицы Армении. И все это было в том одноэтажном, глиняном Ереване.

Так что город был. И не то впечатляет, что он вырос, преобразился, сбросил платье, в котором ходил сотни лет, и переодевается во все новое,— впечатляет то, как он в пору Советской власти, в пору жизни Армении в Союзе ССР, делает это быстро, энергично. Две цифры назвал мне Асратян: через день появляется в Ереване один новый 60-квартирный жилой дом. Каждый год в Ереване вырастает один дореволюционный Ереван.

— Как давно взят такой темп?

— Года три уже.

И еще одна выразительная цифра: когда «Огонек» рассказывал о Ереване 1938 года, здесь жило около 200 тысяч человек, а сейчас тут чуть не вдвое больше только рабочих и служащих, занятых в промышленности и строительстве.

«ВСЕМ ТЕМ, У КОГО...»

На громадном, строго возвышающемся над городом монументе, установленном в честь 50-летия Великой Октябрьской революции, поражает единственная короткая надпись, которую мне перевели с армянского так: «Всем тем, у кого душа горит ярко».

Пожалуй, хорошо, когда надпись на памятнике несет не только информацию («Сей монумент воздвигнут...»), а заставляет подумать. Ход мысли такой: монумент поставлен в честь 50-летия Октября, однако строй, который возник после Октября, пришел в столицу Армении позже. Пришел из России, от Ленина и его соратников. Армения не смогла бы стать советской без России, хотя силы революции имелись и здесь. Сил было немного, но душа горела тем же огнем, что и там, в самом сердце революции. Пламя к пламени, усилие к усилию, и Армения с помощью своих братьев, единомышленников и соратников вышла на путь социализма. А дальше? Дальше тоже пламя к пламени, усилие к усилию!

Вот рассказ заместителя председателя Ереванского горисполкома Саркиса Хачатуровича Тевосяна.

— Я из чернорабочих,— говорит он.— Начал учиться в Политехническом на химика. Три года преподавали нам ереванские товарищи, а когда начались сугубо специальные предметы, нас всех, всю группу, отправили в Ленинград, и там мы стали инженерами. Шел тридцать восьмой год. Как сейчас помню крупные заголовки в центральных газетах: «СК-5 строить в Ереване!» СК-Совпрен — громадный по тем временам завод синтетического каучука. Дело новое для страны. Все опытно-исследовательские работы шли в Ленинграде. Проектировал «Гипрокаучук». Почти двадцать лет я был связан с этим заводом, работал заместителем директора. Первый каучук получили во время войны, но с послевоенных лет завод вырос в десять — двенадцать раз и теперь производит много и других продуктов. От него пошла в Ереване химия: шинный завод, резинотехнический, «Поливинилацетат», химических реактивов и т. д. И если хотите знать, то электромашиностроительный завод тоже «произошел» от СК, потому что строил его наш «Каучукстройтрест». Ну, это, пожалуй, шутка «химпатриота». А если серьезно, то электромашиностроительный завод и тогда, когда он рождался, и тем более сегодня, когда к нему поступают материалы тысячи наименований из разных городов страны, не мог бы обойтись без всего нашего Союза. Стоит ереванский рабочий у станка, а там где-то, в Новосибирске, Риге, Москве, стоит другой, и оба делом заботятся друг о друге. Если делают хорошо, с огоньком — честь и хвала им!..

Значит, слова, высеченные на граните монумента,— «Всем тем, у кого душа горит ярко»,— эти слова обращены не только к первым ереванским химикам, которые, вернувшись из Ленинграда, с пылом, со страстью принялись «ставить химию» в своем городе. Они, эти слова, обращены и к тем ленинградцам, которые их обучали, и к тем, кто тогда, в тридцатые годы, недосыпал, работая над проектами ереванского СК, и к тем, кто приезжал налаживать, пускать цеха, учить аппаратчиков. Значит, они, эти слова, обращены к десяткам тысяч металлургов, слесарей, токарей, которые в разных советских городах стараются давать добротную продукцию для ереванского завода «Армэлектро», чтобы этот самый «Армэлектро» смог выпустить, может быть, для тех же городов хорошие генераторы, трансформаторы, щиты управлений, разные электротовары.

...Передо мной ленинградская газета «Строительный рабочий» № 39 за 1971 год. Статья с ироническим названием «Метод подъема в стадии упадка» начинается так: «Если речь о приоритете, то тревожиться не о чем. Опять мы первые...» И дальше следуют главы сей истории. Первая глава рассказывает о том, как 10 лет тому назад студент из Еревана похитил «прометеев огонь» у ленинградских строителей и увез его в свой город.

Я была у «студента-похитителя». Сейчас Рубен Саакян — директор конструкторского бюро. Действительно, в 1961 году, готовя материал для своего дипломного проекта, он за-

Авторы нового метода строительства жилых домов — Александр Саакян, Сергей Шахназарян и Рубен Саакян на строительстве двенадцатиэтажных жилых зданий в Норкском жилом массиве.

интересовался работами ленинградцев, построивших впервые в Союзе четырехэтажный жилой дом методом подъема этажей. Новый метод стал темой диплома, а присутствовавший на защите теперешний министр промышленного строительства республики Сергей Христофорович Шахназарян так заразился этой идеей, что тут же предложил новоиспеченному инженеру провести эксперимент в крупных масштабах. К ним присоединился брат Рубена, тоже молодой инженер Александр Саакян.

Построили этим методом сначала четырех-, потом пяти-, девяти- и двенадцатиэтажные здания. Но дело не в том, что построили, а в том, как быстро построили. Ереванские инженеры нащупали такие пути и решения (16 авторских свидетельств!), которые сделали метод экономически целесообразным (каждое шестое здание строится из сэкономленных средств!), сделали здания необычными по конструкции и новыми по силуэту. Дешевизна и простота для строителей и что-то совершенно новое для глаза.

— Десятилетний эксперимент можно считать законченным,— сказал мне директор СКБ.— Создано специальное строительное управление, которое занимается только такими домами. А в прошлом году в Москве подобным методом главмосстроевцы возвели пятнадцатиэтажное здание. В Ереван приезжали за опытом ташкентцы. Дома в двенадцать этажей хочет строить Душанбе. Москва совместно с нами проектирует лечебно-курортные здания в Сочи, Ялте, Артеке, Гурзуфе.

И в этом я тоже вижу поднявшуюся в небо стрелу Октябрьского монумента со словами: «Всем тем, у кого душа горит ярко».

КАМЕНЬ НА КАМНЕ

Когда идет разговор об облике сегодняшнего Еревана, нельзя не вспомнить имя Александра Ивановича Таманяна. Он из тех интеллигентов, кто первыми слетелись на родное гнездовье, как только пробил для Армении час новой жизни. Двадцатые годы. Поэт Егише Чаренц, поэт Аветик Исаакян, композитор Александр Спендиаров, художник Мартирос Сарьян. И он, академик архитектуры, человек, который имел еще в дореволюционных Петербурге и Москве «свои выдающиеся дома».

— Его нередко представляют глубоким старцем,— говорит мне главный архитектор города Джим Торосян.— Представление такое, наверное, потому, что Александр Иванович, не дожив даже до пенсионного возраста, очень много успел. И еще потому, что он сегодня живет — во всех наших планах...

Рассказывая, Джим Торосян (кстати, Октябрьский монумент — его работа) изображает на бумаге нечто похожее на ромашку. Круглая середина — это генеральный план, сделанный еще Таманяном. Тогда, в 1924 году, он действовал из расчета, что Ереван вырастет на 150 тысяч жителей (сейчас их 830!). И все же Таманян так составил план, что где-то в далеком будущем уже просматривались, удлинялись и логически завершались на ереванских, в то время безлюдных холмах линии, нанесенные слабым пунктиром. Ныне эти линии превратились в девять окружающих центр архитектурных районов, в девять «лепестков».

Генеральные наметки Таманяна оказались неподвластными бегу времени. Но сейчас уже требуются современные подробности, и ереванцы объявляют всесоюзный конкурс на проект застройки центра своего города и приглашают к участию в нем московских, ленинградских, вильнюсских, тбилисских, киевских зодчих. Не хватает своих? Хватает, но, как говорится, ум хорошо, два — лучше. Пусть не только у ереванцев разум кипит в пользу Еревана!

В Ереване в мастерских я видела, как режется знаменитый армянский туф, из которого теперь чуть ли не весь город построен. Каждый год ввозится сюда миллион кубометров туфа — целая гора! Но оказалось, что этот камень образует в воздухе неимоверную сушь. Что же, объявили и ей войну. Построили ереванское озеро, а на улицах создали в разных точках десятки бассейнов и маленьких озер. Если собрать всю эту «мелочь» вместе, получится водное зеркало в тысячу квадратных метров. Но именно в таком рассыпанном виде от него больше пользы. Асратян говорит, что, помимо увлажнения воздуха, каждая такая водная поверхность дает на расстоянии трех метров понижение температуры воздуха на три градуса. Да и эстетика тут не последнюю роль играет.

...Сейчас через весь центр города пробивается задуманный еще Таманяном стометровой ширины, парадный, торжественный проспект. Без транспорта, с зелеными бульварами, только для прогулок горожан. И тут мечты энергичного мэра Асратяна разыгрываются со страшной силой, чтоб были скульптуры и картины, тихая, неумолкающая музыка, цветное покрытие, а не серый асфальт. Словом, чтоб было людям радостно. А что? И сделают, наверняка сделают деятельные ереванцы!

ПОВЕСТЬ О ПОВАРИХЕ ЗАГИДАТ, БРИГАДИРЕ ЗУБАЙРЕ ДА О СТАРОМ ПАСТУХЕ ДАЛГАТЕ

Муса МАГОМЕДОВ

Рисунки В. ЮДИНА.

12

Врач Арахской больницы определил скрытый перелом, покачал головой от изумления, как это Зубаир даже с посторонней помощью сумел дойти до больницы, сделал ему укол, наложил на ногу шину и уложил в постель.

— А эта... как ее? Практикантка у вас тут есть...

— Майсарат? — спросил врач.— Она в другом отделении практику проходит, в терапевтическом. Говорят, очень способная девушка. Вы хотите ее видеть?

— Слава аллаху, что в другом,— буркнул Зубаир, и врач только пожал плечами.

Сказать, чтобы Майсарат не появлялась здесь, в хирургической палате, он не посмел.

Однако на другое же утро Майсарат в белом халате, в белой шапочке, свежая, как только что выпавший снег, сама вбежала в палату.

— Зубаир?! Как же это с вами приключилось?! — воскликнула она.

Зубаир не знал куда деть глаза.

— Так вот и приключилось,— сказал он хмуро и недружелюбно.— Поскользнулся...

— Ай, ай, ай... Надо быть осторожнее.

Зубаир, лежа на спине, повернул голову к стенке и засопел. Он понимал, конечно, что это неприлично, но как сейчас вести себя, не знал.

— Спасибо за совет,— усмехнулся он угрюмо.

Майсарат пошевелила длинными ресницами, своими колдовскими глазами обожгла соседа Зубаира по палате Амиргазу, который вторую неделю лежал здесь с поломанной ключицей, и ушла.

— Вах! Тысяча чертей! — воскликнул Амиргаза.— Что это за девушка?

— Две тысячи чертей, понятно?! — сердито вскричал Зубаир.

— Нет, непонятно... О чем вы говорите?

— Ни о чем...

Амиргаза жил в Махачкале, работал в системе общественного питания каким-то большим начальником. Он ехал в горы по своим служебным делам, при спуске с горы Чора-Меэр у автомобиля отказали тормоза, новенькая «Волга» врезалась в скалу, а сам он очутился в этой палате.

Человеком он оказался говорливым, за несколько часов успел надоесть Зубаиру. После ухода Майсарат с полчаса полежал, глядя в потолок, и опять спросил:

— Эта девушка ваша, местная? Расскажи, пожалуйста.

— Местная,— сказал Зубаир.

— Вах! Какие у вас тут красавицы! Как ее звать? Э-э, как ты говорил? Майсарат?

— Ну, Майсарат... Чего пристал?

— Э-э... Она того... не замужем?

— Замужняя. Это жена нашего агронома Махсута. У них уже трое детей.

— Не может быть...

— Чего не может быть?

— Что трое... Зачем ты так говоришь, а? Ну, признайся, что сказал неправду. Ведь такая молодая! Откуда у нее может быть трое детей?

Потом он до обеда изводил несчастного Зубаира, требуя от него признания, что тот о Майсарат сказал неправду. Зубаир отмалчивался. И наконец, доведенный до отчаяния, закричал:

— Слушай! У тебя... опять тормоза, что ли, отказали?

Во второй половине дня отворилась дверь, и в палате появилась Загидат. Она была одета в черное с горошинами платье, в зеленую шерстяную шаль. Вокруг глаз еще поблескивала мазь, которой она старательно натирала теперь каждое утро свое лицо.

Она вошла тихо и робко, прижимая к боку под платком алюминиевую кастрюлю с горячим пловом.

— Здравствуй, Зубаир,— проговорила она.— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо,— нехотя проговорил тот и повернул голову к стенке.

— Вот я плов тебе принесла...

— Не хочу...

Загидат стояла возле койки растерянно, не зная, что делать.

— Плов?! — вскричал Амиргаза.— Так это же чудесно. А то кормят нас здесь всякой бурдой.

— Ой, покушайте и вы, пожалуйста,— обрадовалась Загидат, взяла с тумбочки тарелку, наложила доверху и подала Амиргазе.

Тогда, постанывая от боли, начал приподниматься на кровати Зубаир. Загидат кинулась помогать ему. Зубаир нахмурил было недовольно брови, но помощь ее принял.

Сердце Загидат колотилось от счастья. Он, он, ее Зубаир, позволил ей помочь ему!

— Больно? Очень больно тебе, Зубаир?

Зубаир только усмехнулся.

— Как там бригада? — спросил он.— Вышли они на работу?

— Да что ты, Зубаир! Разве ты не видишь, какая погода?

По окнам палаты струились дождевые потоки.

«Осел,— обругал себя Зубаир.— Действительно, что это я спрашиваю?.. Что теперь она обо мне подумает...»

— Ну ладно,— сказал он грубовато.— Давай твой кислый плов...

— Кислый, говоришь?!—вскричал Амиргаза, расправляясь со своей тарелкой.— Я, брат, понимаю толк в плове! Но такого...

— Ладно, помолчите...

Зубаир нехотя съел одну ложку плова, другую... И отставил тарелку на тумбочку.

— Невкусно? — обомлела Загидат. Похвала Амиргазы не имела для нее никакого значения. Что ей похвалы людей всей земли, если плов не понравился Зубаиру? — Я завтра шашлык тебе приготовлю... Или ты хочешь чего-нибудь...

— Ничего не хочу,— перебил ее Зубаир.— Скажи этому... вертихвосту Махсуту, как только прояснится погода, пусть начинает косить в той долине, что под горой Чора-Меэр. Там трава тоже поспела, надо скосить, пока не перестояла.

— Скажу, скажу, Зубаир...

Она ушла, а Зубаир лежал, глядел в потолок и о чем-то думал. О чем — он и сам

Окончание. См. «Огонек» №№ 16—20.

не мог понять. Было приятно оттого, что вот пришла Загидат, принесла ему плов. Он почему-то представил себе, как она суетилась дома, у очага, приготовляя этот плов...

— Я, брат, знал много искусных мастеров, которые умели готовить плов по-узбекски, по-азербайджански, по-казахски...— говорил Амиргаза.— Но такого плова, как сегодня, по-моему, никогда не пробовал. Золотые руки у твоей жены...

— Не жена она мне вовсе.

— Сестра, значит?

— Какая там сестра!

— Вах?! Так кто же она тебе?

— Никто. Повариха это моей бригады.

Амиргаза удивленно раскрыл глаза. Моргнул раз, другой, третий... Но ничего не сказал, только пожал плечами.

Поздно вечером в палату заявился Далгат.

— Вай, вай, Зубаир... Какое несчастье, кто бы мог подумать! Вот, скажешь, старый Далгат, сам неуклюжий и ступеньки крыльца кривые. Правильно меня пилила Чокар моя — пусть душа ее покоем наслаждается: «Ты, Далгат, поправь ступеньки, а то они скользкие, как обледенелые камни».

— Ни при чем тут твои ступеньки, Далгат,— успокоил его Зубаир.

— А это что у тебя за сосед? — стрельнул глазами пастух в сторону Амиргазы.— Познакомь меня, старого, с ним.

— Амиргаза это... Радио в палате нет, так он мне вместо радио... Большой начальник из Махачкалы.

— Ну, тут, в больнице, мы все равны,— улыбнулся Амиргаза.

— Э-э, не говорите так,— возразил Далгат.— Чокар моя покойная говаривала: два соседа одинаковы ростом, да каждый думает, что он немного повыше другого.

— Умная у вас была жена. Но поверьте, я так не думаю.

Потом Далгат говорил о том о сем, частенько поглядывал в сторону Амиргазы и наконец стал прощаться.

— Ну, выздоравливай, Зубаир. Пойду я... Ох, темень за окном, дождь все не перестает. Ступеньки больничного крыльца тоже мокрые, как бы мне теперь не поскользнуться.

— Пойдемте, я провожу вас,— сказал Амиргаза.

— Вот спасибо, вот спасибо. Хоть и начальник ты, а уважительный, по всему видно, человек.

— Что же, по-вашему, раз начальник, то обязательно должен быть важный и надутый, как индюк? — улыбнулся Амиргаза.

— Да не обязательно. Но встретишь одного такого и невольно думаешь, что все они такие, что портит человека высокая должность и власть.

— Напрасно вы так думаете.

Переговариваясь таким образом, Далгат и Амиргаза вышли. Не было Амиргазы долго, с полчаса. «С сестрами любезничает»,— неприязненно подумал о нем Зубаир и уснул.

13

Загидат каждый день приходила в больницу, приносила то шашлык, то горячие чуреки, то еще что-нибудь.

— Ай да Загидат! Посмотри, Зубаир, что за чудо это ее кушанье! — болтал обычно Амиргаза, быстро опрастывая тарелку.— Ну, повезло мне, что я вместе с Зубаиром оказался. Без вас, Загидат, я бы так быстро не поправился. Хорошая пища — самый лучший врач, самый мудрый исцелитель.

Зубаир слушал его и злился. Злился, потому что видел — Загидат нравится эта болтовня. Но вслух ничего не говорил, только думал: «Ишь ты, готова часами слушать этого городского прохвоста. Сперва приставал все, кто да кто такая Майсарат. А теперь...»

Амиргазу Зубаир невзлюбил с первых дней. А за что — и сам не мог понять. Человек он вроде приветливый, уважительный. Болтал, правда, много, это надоедало. Но с этим можно было мириться. Не беспокоило его и то, что о Майсарат пытался узнать немного больше, чем положено было на первый раз постороннему человеку. Аллах с ним, как говорится. Какое теперь дело Зубаиру до Майсарат! Но вот на второй или третий день он начал выпытывать у Зубаира, кто такая Загидат, где она живет, давно ли работает в его бригаде и, наконец, замужем ли она.

— Ты что, жениться на ней хочешь? — вспылил наконец Зубаир.— Засылай тогда сватов.

— Н-нет,— качнул головой Амиргаза.— У меня в отношении нее несколько другие планы.

— Планы? Это какие такие планы?!

Зубаир чувствовал: если бы мог, он вскочил с кровати, подбежал бы к этому, всегда аккуратно причесанному, моложавому и вежливому человеку, схватил бы его за плечи, затряс так, чтобы вся его прическа разлохматилась, все волосы поднялись бы дыбом.

— Какие, спрашиваю, планы?

— Да вам-то что? Что вы так волнуетесь?

— Ничего!

И Зубаир умолк, проклиная себя за эту вспышку.

Оставшись о себе очень нелестного мнения за такую выходку, Зубаир потом ничего не говорил, только злился, чувствуя, как копится и копится в нем раздражение. Но он теперь готов был лучше задохнуться от него, чем показать этому городскому хлыщу, что злится.

Настал день, когда Амиргазу наконец выписали. Из города пришла за ним новенькая, будто только что с завода «Волга», с утра стояла за окном, но Амиргаза не торопился покидать больницу — долго брился, долго одевался, долго прощался с врачами и сестрами. Наконец, одетый в светло-коричневый костюм, в накинутом на плечи больничном халате, зашел в палату и долго прощался с Зубаиром. Но и теперь не ушел, а сел на свою кровать и прямо проговорил:

— Да что ж Загидат сегодня запаздывает?

— Зачем она тебе? — сдерживая ярость, проговорил Зубаир.

— Попрощаться хочу... Поблагодарить за ее прекрасные пловы и шашлыки. И кое-что предложить ей.

Чтобы снова не накричать на этого человека, Зубаир до ломоты зубов сжал челюсти.

Наконец в палате появилась Загидат.

— Ну вот...— поднялся ей навстречу Амиргаза.— А я жду вас, Загидат... Уез-

жаю вот, спасибо вам за ваши прекрасные кушанья...

— Давай, Загидат, что там у тебя? — грубо перебил его Зубаир.

— Сейчас, Зубаир,— торопливо проговорила Загидат, разматывая кастрюлю.

Вкуса лапши из курицы, которую попросил Зубаир, он не чувствовал, потому что был по-настоящему встревожен тем разговором, который вели Загидат и Амиргаза.

— Я вот что хочу сказать вам, Загидат, вот какое хочу сделать предложение. И вы не торопитесь только отвергать его, обдумайте все... Я хочу пригласить вас в Махачкалу на работу в лучший ресторан. Ну, например, в ресторан «Волна». Дадим вам хорошую, удобную квартиру, зарплатой тоже не обидим, довольны будете. А?

— Что вы, Амиргаза? Как же я...

— А чего в самом деле здесь, в горах, сидеть? Ваш изумительный поварской талант должен развернуться вовсю и послужить на славу людям...

— Ха! — не выдержал Зубаир.— Там у вас люди, а тут будто скот!

— Не сердись, Зубаир, не придирайся к словам. Тут тоже люди, я ведь о чем говорю? Одно дело — готовить для нескольких колхозников, в примитивных условиях. Другое дело — работать в первоклассно оборудованной ресторанной кухне, готовить пловы, шашлыки, курзе для трудящихся нашей столицы.

— Как красиво говоришь! — ядовито вставил Зубаир.

— В ресторан «Волна» захаживает много иностранных туристов,— продолжал Амиргаза, не обращая внимания на слова Зубаира.— Пусть они потом вспоминают, как вкусно кормили их в столице Дагестана...

— Да что вы такое говорите, Амиргаза? — опять пыталась возразить смущенная Загидат.— Я даже представить себе не могу, как я... Я родилась тут, в горах, выросла тут, всю жизнь прожила... Не могу я...

— Я же говорю, не торопитесь отвергать мое предложение. Давайте так договоримся: я там подумаю насчет квартиры, а вы... Вот мой телефон, адрес.— Амиргаза протянул ей бумажку.— Как только с квартирой все уладится, я дам вам телеграмму. Вы приезжаете в Махачкалу и... Не пожалеете, Загидат.

Не ожидая от нее никакого ответа и не дав ей даже возможности что-либо ответить, Амиргаза повернулся к Зубаиру:

— А вам я желаю быстрейшего выздоровления. И не наступайте больше на злых собак. А когда будете в городе, не забудьте заглянуть в ресторан «Волна». До свидания.

Амиргаза вышел. Загидат растерянно стояла посреди палаты. Зубаир хмуро ел, уткнувшись в тарелку.

— До свидания, Загидат,— донесся голос Амиргазы с улицы.

Она было шагнула к дверям, чтобы пожелать Амиргазе счастливого пути, но ее остановил злой и властный голос Зубаира:

— Загидат!

«Ой, прямо как на жену кричит!» — мелькнула у нее мысль, и она ощутила, как торопливо и обрадованно стучит ее сердце.

— Что с тобой, Зубаир? — повернулась она к нему.

— Ничего...— Зубаир глядел на нее хмуро, на лбу его собрались складки.— Дай сюда эту бумажку.

— Возьми, дорогой,— проговорила она, не заметив даже, как само собой выскользнуло у нее это слово «дорогой».

Не заметил вроде и Зубаир. Он взял бумажку, долго всматривался в нее, презрительно сжав губы. Потом отбросил ее брезгливо.

— Зубаир, да я...

— Подай палку мне, я хочу встать.

Загидат подала ему костыль. Он поднялся, прошелся по палате.

— Иди домой. Завтра принеси мне... приготовь мне хинкалы... такие, как ты умеешь.

— Хорошо, Зубаир... Я в это же время приду.

Но ни завтра в это время, ни послезавтра Загидат в больнице не появилась. В палату Зубаира больше никого не клали, вторая койка стояла пустой. Зубаир, постукивая костылями, прихрамывал, ходил беспрерывно от стены до стены, хмурил лоб, сверкая из-под густых бровей черными своими зрачками.

О чем он думал в эти два дня, наш добрый, колючий, немножко наивный, но все-таки умный человек, я не знаю. Но я догадываюсь, что думал он, видимо, о вещах простых и великих, как это небо и эти горы, которые видны из окна. Он вздыхал иногда, останавливался и подолгу стоял, не шевелясь, наблюдая, как воробьи, свившие гнездо за наличником окошка, кормят птенцов своих, слушая, как пищат эти птенцы.

На третий день он заявил, что совершенно здоров, и потребовал у врача выписать его из больницы. Врач стал было возражать, но, глянув в глаза Зубаиру, что-то прочел там и поспешно сказал:

— Ну, хорошо, хорошо. Обещайте только, что неделю ходить на работу не будете. Я выпишу вам больничный листок.

— Обещаю,— мрачно сказал Зубаир.

14

Опираясь на палку, Зубаир пришел домой к концу дня.

Войдя во двор, он не поверил глазам: двор, месяцами не видавший метлы, был прибран, чисто подметен, кизяки, наваленные беспорядочными кучами по углам, аккуратно сложены в одном месте.

Он поднялся на веранду, открыл дверь и остановился еще более изумленный: его ли это квартира? Все блистало чистотой, каждая вещь стояла на своем месте, сквозь тщательно промытые стекла окон лились потоки заходящего солнца, вечно грязные наволочки подушек сейчас резали глаза белизной.

Он вспомнил: однажды Загидат попросила ключ у него — агроном, сказала она, просит бригадирскую книжку, чтобы записать туда трудодни, выработанные членами бригады. Зубаир еще колебался, давать или не давать, ведь в доме такая грязь и беспорядок... И все же дал... А сейчас вот испытывал неловкость. «Не надо было давать...»

Вдруг его внимание привлекла фотография, висевшая в рамке на стене. На фотографии был он и Джавгарат, еще молодые. Как-то давным-давно были они в районе и снялись. Не один год, пожалуй, валялась эта фотография где-то за сундуком, и вот, прибирая дом, Загидат нашла ее, протерла стекло и повесила на стенку.

Зубаир подошел к стене, долго глядел на себя, на свою умершую жену. Вздохнул, отвернулся. Сел за пустой стол, застланный свежей скатертью, и стал смотреть, как за горные хребты опускается солнце.

...Лежа в постели, он долго не мог уснуть. Как-то непривычно было ему находиться в своем чисто прибранном доме, лежать в своей кровати на чистом белье. Ему казалось, что он находится все еще в больнице. И что вот сейчас откроется дверь в палату и, смущаясь, войдет Загидат, прижимая под платком к боку закутанную в тряпки кастрюлю. «А я, осел упрямый, ни разу даже ласкового слова не сказал ей». Вот она обиделась и ходить в больницу перестала.

С этой мыслью он заснул.

Утром Зубаир проснулся от того, что кто-то ходил по веранде. «Загидат!» — мелькнуло у него, и он быстро вскочил, торопливо начал натягивать одежду.

Но это был агроном Махсут.

— Салам алейкум, Зубаир. С выздоровлением!

— Спасибо, заходи. Ну, как там дела у нас в бригаде?

— Хорошо у вас в бригаде. В долине под горой Чора-Меэр травы все скосили, поставили три хорошие скирды. И еще на четвертую сена хватит. Молодцы твои люди. Без бригадира был полный порядок... А я вот что зашел — опять в Махачкалу еду. Может, купить тебе в городе чего-нибудь?

— Опять совещание? Много слишком совещаний.

— Нет, Майсарат проводить хочу. Председатель разрешил отлучиться. Уезжает Майсарат...

— Нет, ничего мне не надо.— Зубаир отвернулся к окну.— Пожалуйста, скажи Майсарат спасибо.

— За что?

— Так... За добрые слова. Заходила она ко мне в больницу.

Махсут ушел, а Зубаир начал готовить завтрак. Позавтракав, опять сидел у окна и тоскливо смотрел на вершины гор, облитые утренним солнцем.

Когда солнце поднялось довольно высоко, он взял костыль и пошел в долину, раскинувшуюся под горой Чора-Меэр.

Идти было недалеко, шел он медленно, не торопясь, наслаждаясь летним теплом, вдыхая запах нагретого солнцем камня. Спускаясь в долину, пытался отыскать глазами дым из-под бригадного котла, но не видел ни дыма, ни кухни. Он видел только колхозников, сгребающих сено.

— А где же наша повариха? — спросил он после приветствий и поздравлений по поводу его выздоровления.— Время обеда подходит. Где ее хозяйство?

— Ха, повариха...— откликнулся Алисултан.— Пока ты болел, отняли у нас повариху.

— Как отняли? Кто отнял? — побагровел даже от волнения Зубаир. «Неужели этот... Амиргаза? Да нет, не успеть ей уехать, если даже...»

— Кто отнял? Председатель Гимбат. Перевел ее в бригаду Аликадыра. А мы теперь вот с собой в бутылках молоко на обед носим.

— При чем тут Аликадыр? Она... она наша повариха!

— Хе, наша... Приехала машина, погрузили ее котлы — и прощай шашлыки да борщи. Вспоминаем теперь лишь запахи ее кушаний да запиваем молоком.

В гневе Зубаир повернулся торопливо и, забыв о больной ноге, пошел в аул.

Председатель собирался по каким-то делам в район, у правления колхоза стоял уже оседланный его конь.

— Гимбат, председатель, зачем такой произвол делаешь? — закричал с ходу Зубаир, врываясь в контору.

— Что такое? — Гимбат не поднял головы от бумаг, которые подписывал.

— Почему Загидат от нас взяли?

— Бригада Аликадыра работает в дальних лугах. Твои люди вечером в аул возвращаются, а оттуда не дойдешь. А кормить людей надо...

— Другую повариху, что ли, нельзя для его бригады найти? А Загидат наша, мы привыкли к ней...

— Наша?! — вспылил неожиданно Гимбат.— Она не ваша, не наша. Ничья она... Не колхозница ведь. А скоро, может быть, вообще уедет из Араха.

— Ты о чем говоришь? — испугался Зубаир. А сам подумал: «Это тот... Амиргаза».

— А вот, читай...

Гимбат встал, подал Зубаиру телеграфный бланк, а сам пошел к дверям.

Да, это был Амиргаза. Зубаир, держа в руке подрагивающий листок, прочитал: «Квартира для вас готова двухкомнатная окнами на море. Приезжайте. Уважающий вас...»

«Уважающий вас... С окнами на море...» Какой быстрый! Ах, прохвост!»

— Кто — прохвост? — недоуменно обернулся от порога Гимбат. И Зубаир понял, что последние слова он произнес вслух.

— Да этот... Уважающий ее!

15

«Ох, прохвост! Болтун городской! Ну, прохвост! — кипятился несколько дней Зубаир.— С окнами на море! Нет, выкусишь у меня... Сманить Загидат тебе не удастся! «Уважающий вас». Ишь, вежливый какой!»

И чем больше он кипятился, тем становился решительней: «Нет, видали вы его! А я вот пойду к Загидат и скажу ей: давай, Загидат, жизнь доживать вместе... поженимся давай. А что ж, если она тоже ко мне... меня... А то — «уважающий вас»... Посмотрим тогда!»

Ганс Гольбейн Младший. ПОРТРЕТ ТОМАСА ГОДСЕЛВА С СЫНОМ ДЖОНОМ. 1528.

Дрезден. Государственная картинная галерея.

Ганс Гольбейн Младший. ПОРТРЕТ ГАНЗЕЙСКОГО КУПЦА ГЕОРГА ГИЗЕ. 1532. Берлин, Далем.

Это «уважающий вас» почему-то особенно разгневало и разволновало обычно скупого на какие-либо эмоции Зубаира. Когда в нем все бушевало от ярости, внешне это почти никак не выражалось, разве чуть-чуть только он хмурился да сдвигал брови. А тут на лице были написаны и оскорбление, и гнев, и та самая решительность, о которой мы уже упомянули. Он каждый день проходил по улице, на которой жила Загидат. «Если она дома,— немедленно зайти к ней и разом все покончить»,— думал он. Но дом ее был закрыт, окна вечерами не светились.

— Слушай, ты, Аликадыр! — воскликнул он, увидев однажды в селе толстого бригадира третьей бригады, приехавшего по каким-то делам.— Пусть Загидат сегодня приедет в Арах! Понятно?

— Как приедет? На чем она приедет?

— Мне какое дело?! — в запальчивости ответил Зубаир.— Хоть пешком пусть идет.

— Это же почти десять километров.

— Все равно.

— Да зачем? Кто это приказал? Председатель, что ли?

— Я это приказал.

— Ты?! Так и передать, что ты?

— Так и передай!

— И она сломя голову прибежит?

— А ты скажи только ей... Навеселе, гляжу, не забудь по пьянке.

— Мне-то что, скажу...

Плохо, видно, знал Аликадыр свою повариху. Когда он, посмеиваясь, передал ей слова Зубаира, Загидат, охнув, тотчас засобиралась.

— Ты что, с ума сошла? — удивился Аликадыр.— Ночь уже в горах...

— Ничего, не заблужусь. Ему ведь, может, плохо.

— Утром кто бригаду кормить будет?

— К утру я вернусь.— И смешалась, тревожно оглядываясь по сторонам.— Ты никому не говори, Аликадыр, что я... ухожу. Очень прошу тебя.

...Уже была глубокая ночь, когда Загидат открыла ворота своего дома. Она намеревалась умыться, переодеться в свежее платье и пойти в дом Зубаира, узнать, что с ним. Но он сам поднялся ей навстречу с крылечка веранды.

— Ой! — воскликнула она, прижимая руки к груди.— Напугалась я...

Но неизвестно, кто больше напугался. «Придет, если Аликадыр передал ей, не посмеет ослушаться... И я тогда сразу же все скажу ей»,— думал он, сидя на ступеньке крыльца. А теперь, когда она пришла и вот стояла перед ним, он, растерянный и смущенный, не знал, что ей говорить.

— Я... я давно тут... жду тебя,— выдавил он с трудом несколько слов.

— Мне сказал Аликадыр... Как ты себя чувствуешь?

— Да что... ничего.

— А я вот видишь... не смогла навещать тебя, как в бригаду Аликадыра перевели.

— Аликадыр! Не пойдешь ты больше в его бригаду! Понятно?

— Как не пойду? Я сейчас же и уйду... Людей ведь утром кормить надо.

— Я не про сейчас, а вообще... У меня будешь в бригаде... всегда...

— Да я бы, Зубаир...

— Ну вот... И в город не поедешь...

— В какой город?

— А вот на, читай...

Зубаир дал ей телеграмму и посветил фонариком, пока она читала.

Прочитав, Загидат опустила руки с зажатой в руке бумажкой. Стояла так и молчала.

— Ну?

— Я думала, что он шутил просто.

— Хо, он пошутил. Хороши у него шуточки. А я сказал — не поедешь, и все!

— Как скажешь, Зубаир,— произнесла она и покраснела. «Что это я опять?! Тоже отвечаю: «Как скажешь»... будто он мне муж...»

Теперь они оба стояли молча. Долго стояли в темноте, потому что оба не знали, как выйти из создавшегося неловкого положения, о чем говорить дальше. Зубаир понимал, что он должен заговорить первым, но язык не повиновался. Вот когда он позавидовал умению Амиргазы болтать без умолку.

— Там, в углу... крыша вроде бы у тебя течет,— мучительно вымолвил наконец Зубаир первое, что пришло на ум.— В прошлый раз... как я заходил... я заметил потеки.

— Течет немного... Вот все некогда на крышу подняться и посмотреть.

И опять замолчали.

Из-за горной вершины показалась луна, осветила весь двор и их обоих бледным своим сиянием. И от этого оба почувствовали еще большее смущение. «Куда же девалась моя решительность, о аллах?!» — с ужасом подумал Зубаир, понимая, что еще секунда, и какая-то сила заставит его повернуться и ринуться прочь со двора. Но бегство это будет означать его позор и унижение, и уже тогда-то он, как бы ни хотел, никогда, никогда не войдет больше в дом Загидат.

Видимо, Загидат почувствовала, что это мгновение наступает. Говорят, что женщина безошибочно узнает приближение таких критических секунд, наделил их этим то ли аллах, то ли еще кто-то более могущественный.

Так или иначе, но Загидат проговорила, не поднимая глаз:

— Что же мы стоим, Зубаир... Проходи, пожалуйста, в дом.

Шумно и облегченно перевел дух Зубаир.

— Нет, что ты... Я пойду...

Он сказал это, понимая уже, что никуда не уйдет этой ночью, пока не скажет Загидат все.

— Я, Зубаир, ужин тебе сейчас какойнибудь приготовлю. Поужинаешь и пойдешь.

Проговорив это, Загидат стремительно взлетела по ступенькам крыльца, скрылась в темной веранде.

Зубаир, впервые, может быть, в жизни ощутив, как заходится от чего-то сердце, поднял тяжелую ногу сперва на одну ступеньку крыльца, потом на другую, потом на третью...

* * *

Я не знаю, что говорил, зайдя в дом, Зубаир, какие он нашел слова, чем Загидат угощала его и как они провели остаток ночи.

На свадьбе Загидат и Зубаира я тоже не присутствовал. Но старый пастух Далгат говорил мне, что свадьба справлялась всей бригадой. Была она без зурны и барабана, но славная.

Еще мне сказал Далгат, совсем уже недавно, что Майсарат вышла замуж за Махсута и работает теперь в Арахе врачом, что Майсарат совсем не дочь Марзигат, родителей своих она не помнит и воспитывалась в детском доме. И что Амиргаза, с которым Зубаир лежал в одной палате, тоже всерьез никогда не думал приглашать Загидат на работу в город.

— Все это мои проделки,— признался старый пастух.— Я познакомил Майсарат с Махсутом, попросил их помочь мне. Научил, как и что говорить там, возле клуба... Я ведь знаю, как горд Зубаир и как он дорожит честью своей папахи. И с Амиргазой тоже поговорил, он понял меня... Он добрый и умный, этот Амиргаза...

— Ну, а Зубаир? Он-то знает... об этих твоих проделках?

— Как же... Я ему все открыл недавно.

— И что он?

— А что он? Сперва нахмурился, глазами надвое перестриг. Потом захохотал и пригласил меня к себе в гости. Загидат накормила нас славным ужином, и мы распили с ним бутылочку. Ох, наверное, это последняя в моей жизни...

...Я давно не видел Загидат. Но когда я смотрю на снежные вершины гор, мне кажется, я вижу доброе лицо этой женщины. Когда я пою лошадь из ручья, мне чудится, что я слышу ее голос. На сердце моем становится как-то тепло, и я думаю: счастья тебе, Загидат...

Перевел с аварского Анатолий ИВАНОВ.

ИМЕННО ВАХТАНГОВ, ИМЕННО ВАХТАНГОВЦЫ...

Впрочем, сами-то они все время называют его Евгением Николаевичем, а не Евгением Багратионовичем...

Автор пьесы «Молодость театра» А. Гладков, видимо, хотел сохранить за собою известное право на домысел: выйти в рассказе о возникновении вахтанговской студии за пределы строгой документальности ради некоторого «заострения» драматургии.

Думается, однако же, что наибольшую выразительность пьеса обретает как раз там, где видишь перед собою именно Вахтангова и именно молодых его учеников, где стараешься угадать за вымышленными опять-таки именами первых вахтанговцев: Щукина, Захаву, Шухмину, Рубена Симонова, Мансурову, Алексееву,— а потом, сбившись, запутавшись в этих догадках, снова видишь единое целое: студию, созданную Вахтанговым, людей, безраздельно влюбленных в искусство, отдавших себя Театру до конца...

Постановщик «Молодости театра» на вахтанговской сцене, Евгений Рубенович Симонов, создавая спектакль, не оставляет у зрителей ни малейшего сомнения в живой подлинности событий, происходивших в Москве полвека назад, но тоже не ищет биографических уточнений,— за одним только исключением...

Вместе с художником Е. С. Вахтанговым режиссер изящно и легко организует жизнь творческого, заразительно-молодого коллектива по законам почти водевильным... Но, к счастью, и здесь это «почти» не нарушает главного в спектакле, не затеняет высокую и светлую мысль, которую ощутимо несет в себе образ создателя и руководителя театральной студии,— роль, блистательно сыгранная А. Кацынским.

Слово «игра» звучит, пожалуй, как-то грубо и неточно выражает то, что делает этот удивительный актер, работающий в манере чрезвычайно сдержанной и даже строгой, а в то же время добивающийся редкостной задушевности в благородном облике своего героя — подвижника и рыцаря советской сцены, служившего ей до последнего вздоха.

Очень похож А. Кацынский на Вахтангова. Похож каждым жестом, каждой интонацией...

Однако поражает и трогает в нем даже не это редкостное сходство, а горячая, щедрая жизнь сердца, жизнь человеческого духа, нерасторжимо-прочно сплачивающая и вчерашнюю молодежь и молодежь нынешнюю... Ведь роли студийцев-вахтанговцев играют в спектакле такие же юные актеры, сегодняшние выпускники театрального училища имени Щукина.

Они тоже все до единого радуют зрителя искренностью, праздничной приподнятостью своей первой и такой большой, заметной премьеры.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото М. ЧЕРНОВА.

Сцена из спектакля.

Русская Джоконда

Вл. ВОРОНЦОВ,
Вл. МАКАРОВ

I. ЭТО БЫЛО, БЫЛО В ОДЕССЕ...

О планах своей творческой работы, намечавшихся на 1914 год, Маяковский писал: «Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной». Все отчетливее надвигалась угроза подготавливаемой империалистами мировой войны, несущей массам трудящихся чудовищные страдания и жертвы. Для поэта, по мнению Маяковского, в такие дни позорно чирикать, как перепел, о разных пустяках. «Сегодня,— звал он,— надо кастетом кроиться миру в черепе!» Писать о том, что волнует миллионы людей, а не заниматься пустопорожним словотворчеством. Всемерно укреплять у народа чувство уверенности в своих могучих, несокрушимых силах, звать его к революции.

Поставив задачу создать революционную поэму, Маяковский не переоценивал своих возможностей. Об этом красноречиво говорят общеизвестные факты биографии поэта. Им было много пережито, много передумано, и уже тогда у него сложились прочные революционные убеждения, сформировавшиеся в результате серьезного изучения произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и другой революционной литературы. Решающее влияние на формирование его мировоззрения и характера оказало активное участие в работе Московской большевистской организации, куда он вступил в 1908 году, во время разгула реакции, мстившей народу за революцию 1905—1907 годов.

Партийная работа велась подпольно, требовала большой выдержки, смелости. И, по отзывам всех знавших поэта большевиков-подпольщиков, Маяковский мужественно и четко выполнял все поручения партии. Трижды его арестовывала полиция, около шести месяцев Маяковский провел в тяжелых условиях одиночного заключения. Но все эти преследования не запугали молодого революционера, его ненависть к самодержавию лишь усиливалась.

Свою поэму Маяковский закончил в середине 1915 года. И содержание и название поэмы — «Тринадцатый апостол» — привели царскую цензуру в неописуемую ярость. «Когда я пришел с этим произведением в цензуру,— рассказывал Маяковский,— то меня спросили: «Что вы, на каторгу захотели?» Я сказал, что ни в каком случае, что это ни в коем случае меня не устраивает. Тогда мне вычеркнули шесть страниц, в том числе и заглавие. Это — вопрос о том, откуда взялось заглавие. Меня спросили — как я могу соединить лирику и большую грубость. Тогда я сказал: «Хорошо, я буду, если хотите, как бешеный, если хотите, буду самым нежным, не мужчина, а облако в штанах».

Маяковский ярко выразил в поэме свои революционные настроения, жгучую ненависть к миру насилия, продажи и купли, к эксплуататорскому строю. Выразительно обрисовал могущество людей труда, их красоту и величие.

Поэт видел через «горы времени» неизбежность революции и предсказывал скорые сроки ее наступления. Он призывал всех обездоленных к решительной борьбе с «быкомордой оравой». Не выпрашивать хорошую жизнь, а бороться за нее — к этому зовут повелительно-требовательные строки «Облака», звучащие как легальный пересказ пролетарского гимна «Интернационал» («Жилы и мускулы — молитв верней. Нам ли вымаливать милостей времени! Мы — каждый — держим в своей пятерне миров приводные ремни!»). «Мы сами творцы в горящем гимне — шуме фабрики и лаборатории»,— утверждал он.

Маяковский понимал, что уничтожение капиталистического строя немыслимо без одновременной борьбы против сил, поддерживающих этот строй, без борьбы против буржуазной морали и религии.

Создание в условиях военного времени, в годы самодержавия поэмы, осуждавшей господствовавший строй и прославлявшей революцию, было актом высокого гражданского мужества. «Облако» обладало крупными литературными достоинствами, новизной художественных образов, оригинальным, сочным языком. Поэма предстала перед читателями как призывное красное знамя. На фоне бесцветных вившей модных в те дни поэтов, уединившихся «в квартирное тихо» и варящих «из любвей и соловьев какое-то варево», это было особенно впечатляюще. Поэма показала всем прогрессивно мыслящим людям, что в лице Маяковского в России появился большой поэт, талантливый продолжатель демократических традиций русской художественной литературы.

В статье «Копье в будущее» поэт Велемир Хлебников отмечал, что «Маяковский в неслыханной вещи «Облако в штанах» заставил плакать Горького». По воспоминаниям писателя А. Н. Тихонова (Сереброва), Горького «поразила в поэме богоборческая струя. Он цитировал стихи из «Облака в штанах» и говорил, что такого разговора с богом он никогда не читал... господу богу от Маяковского здорово влетело...» Имеются и другие свидетельства о том, что Горький уже в те годы считал Маяковского талантливейшим поэтом, с широким творческим диапазоном. «Маяковский ищет слияния с народными массами и свое «я» понимает только как символ массы, до дна поднятой и взволнованной войной». По мнению М. Горького, уже тогда поэзия Маяковского в сравнении с поэзией прогрессивного американского поэта Уолта Уитмена «гораздо трагичнее и, поднимая вопросы общественной совести, социальной ответственности, несет в себе ярко выраженное русское национальное начало».

Высокую оценку творчеству Маяковского дал А. Блок, отметив его подлинную демократичность. «Владимиру Маяковскому, о котором я много думаю, Александр Блок» — такую надпись на книге своих стихов сделал его старший собрат по перу. В свою очередь, молодой поэт подарил Блоку вышедшее отдельным изданием «Облако в штанах» с надписью: «А. Блоку В. Маяковский расписка всегдашней любви к его слову».

Сохранились воспоминания К. Чуковского о том, как отозвался на поэму «Облако» И. Е. Репин.

— Браво, браво! — произносил он, влюбленно слушая Маяковского. И все больше восхищаясь им, кричит: «Темперамент! Какой темперамент!» Затем «к недоумению многих присутствующих сравнивает Маяковского с Гоголем, с Мусоргским...».

Поэма «Облако в штанах» поражала и продолжает вызывать восхищение сочетанием неиссякаемого оптимизма, смелой характеристики больших социальных явлений общественной жизни с откровенными, интимными переживаниями поэта.

На последних стоит остановиться несколько подробнее. Речь идет о женском имени, которое упоминается в поэме множество раз. Около шести десятилетий прошло с тех пор. Многое настолько забыто, что возникает вопрос: а была ли в действительности любовь, воспетая в поэме, а Мария — не плод ли поэтического воображения? Да, была Мария и была любовь, и как точно указал поэт: «Это было, было в Одессе».

Разумеется, читая поэму, нельзя механически отождествлять ее лирического героя с самим поэтом, хотя можно со всей определенностью утверждать, что устами этого лирического героя Маяковский в поэтической форме рассказал о своей первой яркой любви. Мария тоже не плод воображения поэта, а реально существовавшая девушка, которая после Октябрьской революции активно, с оружием в руках участвовала в гражданской войне, а впоследствии оставила о себе память в качестве активного деятеля социалистической культуры. И, наверное, напрасно, основываясь лишь на тексте поэмы, известный маяковед В. Перцов упрекнул Марию в «романтическом мещанстве» и даже в эгоистическом стремлении «устроиться» — выйти замуж».

Знакомство Маяковского с Марией, оставившее во всей их жизни глубокий след, состоялось во время поездки поэта с В. Каменским и Д. Бурлюком для публичных выступлений в южные города России в 1913—1914 годах.

Мария, точнее, Мария Александровна Денисова, как свидетельствуют

архивные документы, родилась 21 октября (по старому стилю) 1894 года в Харькове, где временно находились ее родители — «Александр Федоров сын Денисова и законная жена его Варвара Герасимовна», крестьяне Смоленской губернии, Гжатского уезда, деревни Старой.

Здесь же, в деревне Старой, и провела первые годы своего детства будущая героиня поэмы. Ее отец, Александр Денисов, был плотником, строил дома. Затем возглавлял артель крестьян, каждую осень уходящую на строительный промысел из родной деревни. В какой-то степени интересовался архитектурой. В свободные, редкие часы рисовал и очень любил лепить из глины или выстругивать из дерева забавные игрушки для своих детей. Семья у него была большая — девять душ. Мария была самой младшей в семье. Она рано научилась читать и рисовать.

В Одессу Мария Александровна приехала к старшей сестре, которая была замужем за богатым одесским домовладельцем, и Мария помогала сестре по хозяйству. На средства приютившей ее сестры она смогла окончить здесь семь классов гимназии. Жадно тянувшаяся к культуре Мария Александровна много занималась в студии рисования, живописи и скульптуры художника Ю. Р. Бершадского, посещала театр и концертные залы.

Друг Маяковского В. Каменский писал о Марии, что это была совершенно необыкновенная девушка. В ней, отмечал он, «сочетались высокие качества пленительной внешности и интеллектуальная устремленность ко всему новому, современному, революционному».

И вот они встретились — поэт Владимир Маяковский и художница Мария Денисова. «Взволнованный, взметенный вихрем любовных переживаний, после первых свиданий с Марией,— вспоминает В. Каменский,— он влетал к нам в гостиницу этаким праздничным весенним морским ветром и восторженно повторял: «Вот это девушка, вот это девушка!..» ...Я смотрел на Володю с изумлением: его было трудно узнать — так он весь сразу преобразился, стал торжественным и очень красивым».

Еще до приезда Маяковского в «четвертый город Империи», так рекламировали местные газеты Одессу, буржуазная пресса старалась всеми силами оклеветать молодого поэта, создать о нем отрицательное общественное мнение, представить его скандалистом. Некто Н. Подгуга в большой статье, напечатанной в «Одесских новостях» 7 декабря 1913 года, убеждал читателей, что в Маяковском «нет веры в будущее», ему «страшны и быстрые громы революции». и вообще ему «недалеко до мундира акцизного чиновника».

Маяковский никогда не ждал похвалы буржуазной печати и ко всем ее клеветническим выпадам относился с холодным презрением.

Первое публичное выступление Маяковского в Одессе было назначено на 16 января 1914 года. Накануне Мария Александровна пригласила поэта и его спутников к себе на домашний обед. Обед превратился в поэтическое торжество: почти все читали стихи. Особенно в ударе был Маяковский, он говорил много, умно и весело, с воодушевлением прочитал свою трагедию «Владимир Маяковский».

Во время беседы о литературе зашла речь о героях произведений Джека Лондона. Один из присутствующих высказался в том духе, что жажда наживы делает героев Лондона жалкими, ненужными людьми.

— А как вы думаете? — обратился он неожиданно к Маяковскому. Маяковский задумался. Но его тут же выручила Мария:

— Конечно, так! Там, где деньги, нет любви, нет подлинного чувства. Человек рождается не для денег.

Поддержка Марии восхитила поэта. Впоследствии, вспоминая вечер, проведенный у нее в гостях, он напишет в «Облаке»:

Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть»,—
а я одно видел:
вы — Джиоконда,
которую надо украсть!

Маяковский, как известно, много занимался живописью и не раз видел репродукцию знаменитой картины итальянского художника Леонардо да Винчи с изображением Монны Лизы — Джоконды. Эта картина хранилась в парижском Лувре. Но в 1911 году она исчезла, ее украли. Потребовалось около двух лет, чтобы найти это сокровище и вернуть в музей. Выдающееся произведение Леонардо да Винчи приобрело еще большую популярность, а слово «Джоконда» в те годы было на устах почти у всей интеллигенции.

В лице Марии Маяковский видел живую Джоконду — образ совершенной красоты. Охваченный «тропической лихорадкой» любви, Маяковский, по воспоминаниям В. Каменского, после встречи с ней не мог уснуть до утра. Об этом говорят такие строки поэмы:

Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца.
Скажите сестрам, Люде и Оле,—
ему уже некуда деться.

Людмила Владимировна — сестра поэта, комментируя эти поэтические признания брата, отмечает их глубокую искренность и правдивость, которая всегда ценилась и строго соблюдалась в семье Маяковских. «У нас не было принято говорить о своих любовных переживаниях и никогда не допускалась ложь,— рассказывает Людмила Владимировна.— Так всегда поступали родители, этому следовали и мы. От родителей мы знали, что маму сватали за состоятельного человека, против чего она сильно возражала. Переживала страшно... И какое было счастье, что она вышла замуж за помощника лесничего Владимира Константиновича. Он был ее первой любовью. Эта любовь сохранилась на всю жизнь. Бескорыстие в любви — вот тот пример, который мы, ставшие взрослыми, брали с родителей. Для настоящего счастья надо работать, учиться, бороться. Этому учила наша жизнь в семье. О себе я могу сказать, что расчет, копейка никогда не вставали между мной и любимым человеком. Таким же был и Володя. О своих муках, вызванных прекрасной «болезнью» — любовью к Марии, он не мог не сообщить своей маме и сестрам. И он сказал об этом во весь голос. В этом было спасение чистоты его большого, взметенного огневым вихрем чувства, которое так смертельно пугало комнатных женщин с мещанской психологией. Мария была счастливым исключением. Сила чувств, простота, естественность — вот что роднило Володю и Марию».

Владимир Маяковский. Киев. 1913 год.

16 января в одесском Русском театре Мария Александровна была свидетельницей первого публичного выступления Маяковского. Он выступал после Каменского и Бурлюка, но именно он был в центре внимания всех присутствовавших.

Бурлюк, не видевший одним глазом, постоянно пользовался лорнетом, и его в шутку называли полутораглазым стрельцом. Лорнет придавал полной фигуре Бурлюка высокомерный и вместе с тем комичный вид. На следующий день в «Одесском листке» о его выступлении сообщалось: «Тщетно г. Бурлюк «лорнетил»... публику — она оставалась довольно спокойной». По сообщениям газет, «г. Бурлюк говорил совсем детские, наивные и давным-давно затертые, затрепанные вещи об искусстве, в частности о живописи».

Одесские газеты, пожурив Бурлюка, в общем, отнеслись к нему с добродушной снисходительностью. Бурлюк был, собственно говоря, коммерсантом в искусстве и, выступая по различным проблемам, пускал лишь мыльные пузыри. Под флагом борьбы с «застоем искусства» он с необычайной легкостью озлобленного буржуазного обывателя оплевывал всех лучших представителей русской национальной культуры. «Ваятель будущего, на многие годы, на всю жизнь, на все времена», как громогласно афишировал он самого себя, Бурлюк вскоре после Октябрьской революции сбежал в Соединенные Штаты Америки, где раболепствовал перед буржуа. В 1956 году этот «ваятель будущего» так изливал в печати свою душу: «Мы благодарны нашему богу за то, что он помог нам и спас нас,..за тихую счастливую, творческую жизнь в США».

Мы считали нужным сделать это отступление от нашего повествования, учитывая, что иные склонны до сих пор выдавать Бурлюка за «друга» и «наставника» Маяковского, опираясь на давнишние положительные высказывания поэта о Бурлюке, которые, конечно же, утратили всякое значение после бегства этого дельца из Советской России. К тому же, как известно, Маяковский, отличавшийся добродушием, нередко бывал о людях более высокого мнения, чем они того заслуживали (этим ловко пользовались в корыстных целях некоторые из окружения поэта, называвшие себя близкими его друзьями). Бурлюк не был другом Маяковского, он лишь одно время и на весьма короткий срок пристроился к нему в качестве такового. Маяковский рос и закалялся в революционной борьбе, и именно этой борьбой он был подготовлен

Мария Денисова. Одесса. 1913 год.

идейно, чтобы стать поэтом революции. И если кто из современников и был его учителем, оказавшим могучую поддержку молодому поэту, то, естественно, нужно назвать прежде всего основоположника социалистического реализма М. Горького, чьи произведения Маяковский знал, высоко ценил. Горький влиял идейно и творчески на Маяковского, помогал поэту в издании его книг. Горький и Маяковский связали свои художественные искания, свои судьбы с революционным движением современности, с жизнью и борьбой рабочего класса и трудящихся масс...

Вернемся, однако ж, к тому, что происходило в Одессе.

На вечере 16 января после докладов поэты читали стихи. «Маяковский даже не без блеска и таланта»,— признавали «Одесские новости». Именно он один, по мнению газеты, «остался звездой» этого вечера.

«Маяковский читал с исключительным подъемом,— вспоминал В. Каменский,— и все время поглядывал в сторону, где сидела сияющая Мария Александровна».

19 января в том же Русском театре состоялось повторное выступление москвичей. Мария и на этот раз была свидетельницей блестящего выступления Маяковского.

«Трудно было теперь узнать прежнего, беспечного, озорного затейника Володю,— писал Каменский.— Он как-то внезапно изменился: стал взрослым, серьезным, задумчивым, внутренне беспокойным, мятущимся».

И хотя нужно было покидать Одессу для выступлений в других городах, Маяковский всячески оттягивал отъезд. Он «совершенно потерял покой, не спал по ночам и не давал спать нам»,— отмечает Каменский.

Тщетны были грубые попытки Д. Бурлюка потушить этот пожар.

— Напрасно страдаете,— говорил он, развалившись на диване.— Ничего не выйдет. Из первой любви никогда ничего не выходит.

— У всех ничего не выходит, а у меня выйдет,— рассерженно отвечал Маяковский.

Мария, по-видимому, не оставалась равнодушной к чувству поэта, она проявляла к нему большое, искреннее внимание. Видимо, это обнадеживало Маяковского, вселяло надежду на ответное чувство Марии. Он сердился на Бурлюка, торопившего с отъездом в Кишинев.

— Ведь нам надо ехать!

— Поезжайте. Я останусь.

— Здесь? В Одессе? Навсегда?.. Решай, Володечка, решай.

— Я-то решил сразу, но Мария...

— Объяснитесь завтра же. Ведь через месяц ты можешь вернуться в Одессу.

— Так я не желаю. Завтра в четыре она будет, и я скажу обо всем и убежден, что Мария согласится, если только... Итак, до завтра.

Беседа Маяковского с Марией получила в поэме драматическое и глубоко захватывающее отражение:

«Приду в четыре»,— сказала Мария».

Герой поэмы весь в ожидании, охваченный думами, то радостными, то тревожными.

И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая —
большая или крошечная?

Время ползет медленно. Уже «упал двенадцатый час, как с плахи голова казненного». Нервы героя взвинчены до предела («Слышу: тихо как больной с кровати, спрыгнул нерв. И вот,— сначала прошелся едва-едва, потом забегал, взволнованный, четкий. Теперь и он и новые два мечутся отчаянной чечеткой. Рухнула штукатурка в нижнем этаже. Нервы — большие, маленькие, многие! — скачут бешеные, и уже у нервов подкашиваются ноги!»). Мария пришла на следующий день. О разговоре с ней сказано предельно лаконично:

Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала:
«Знаете —
я выхожу замуж».

Наступила тягостная пауза. Поэт с напускным безразличием отвечает:

Что ж, выходи́те.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите — спокоен как!
Как пульс
покойника.

Два десятка слов. Но как много они выражают...

...Было бы опрометчиво со стороны Марии после непродолжительного знакомства с поэтом давать согласие на поездку по городам России в сопровождении Каменского и «полутораглазого стрельца». Зачем? В качестве кого? Вот почему с большим волнением, «муча перчатки замш», она сообщила о том, что будто бы выходит замуж. Практически же вопрос о ее замужестве в это время еще не решался.

Нам представляется, что заявление Марии: «Я выхожу замуж» — и внешне спокойные слова Маяковского: «Что ж, выходите» — не сняли возникшей проблемы их взаимоотношений. Она продолжала волновать их и позже состоявшегося между ними известного разговора в Одессе.

Об этом свидетельствуют Каменский и старшая сестра поэта. В марте 1914 года Маяковский после долгого отсутствия в Москве навестил на Пресне мать и сестер. Родные расспрашивали Владимира Владимировича о его выступлениях в разных городах.

— А что было в Одессе,— задумчиво и медленно-тихо произнес он,— я вам могу рассказать только стихами...

И он с огромным вдохновением прочитал отрывки из «Облака в штанах».

«...После очень долгой паузы Александра Алексеевна тихо, сквозь слезы, спросила: «А где же она теперь, эта Мария?»—«Не надо, мамочка, сейчас об этом говорить»,— нежно отозвался Володя, обнимая мать за плечи».

«Помню,— рассказывает Л. В. Маяковская,— Володя прочитал три-четыре отрывка о Марии. Я редко видела маму плачущей, а здесь она расстроилась потому, что свадьба не состоялась... Наблюдая за братом, я думала: «Вот и для Володи пришла «пора надежд и грусти нежной»...»

Поэма окончательно дописывалась после возвращения Маяковского из Одессы. Он работал над ней почти два года. Поэма начинается и заканчивается разговором, именно разговором с Марией. Маяковский посвятил ей целые страницы.

Если бы в январе 1914 года была проложена непреодолимая грань, навсегда разделившая Маяковского и Марию, волнующие воспоминания о ней поэта вряд ли имели бы место. Он бережно сохранил ее образ «у души в пещере».

Когда читаешь поэму, возникает даже предположение, что все написанное им о Марии — это опоэтизированные письма, посылавшиеся к ней поэтом.

О своих переживаниях, связанных с Марией, поэт говорит в двух частях поэмы — в первой и четвертой (заключительной). Они различны по своей тональности. Заключительная часть более драматична. Дело в том, что, когда заканчивалась поэма, Мария действительно вышла замуж и вскоре уехала в Швейцарию. Об отношении лирического героя к этому событию говорится: «Значит — опять темно и понуро сердце возьму, слезами окапав, нести, как собака, которая в конуру несет переехавшую поездом лапу».

...Поэма «Облако в штанах» имела в первую очередь большое политическое значение для своего времени. В то же время она примечательна тем, что в ней отчетливо наметились особенности всей дальнейшей лирики Маяковского. Поэмы «Флейта-позвоночник» и «Про это», стихотворение «Письмо Татьяне Яковлевой» и многие другие — подлинные шедевры любовной лирики. Как никто другой из поэтов, Маяковский умел соединять в единый и в то же время многообразный сплав трогательное и нежное, резкое и задушевное, быть в своей лирике предельно искренним и непосредственным.

Характерные черты интимной лирики предельно четко выражены во «Флейте-позвоночнике». Эта поэма озарена пожаром первой любви к Марии, хотя написана она уже не о ней. Весь характер этой поэмы дает основание считать, что поэт не переставал еще думать о той, к которой обращены восторженные слова: «Вы — Джиоконда».

(Окончание следует.)

КАК БЫЛИ УСТАНОВЛЕНЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНОЙ СОВЕТОВ И США

ПРИЗНАНИЕ

История советско-американских отношений имеет большую давность. На первом этапе после Октябрьской революции США стремились задушить молодое Советское государство. Вместе с тем передовые общественные круги США всячески приветствовали исторические преобразования в России. Движение солидарности охватывало все более широкие слои американского народа. Под влиянием политической необходимости и под напором общественных сил через шестнадцать лет после Октябрьской революции США были вынуждены признать нашу страну и установить дипломатические отношения с Советским Союзом.

Что же происходило в течение этих шестнадцати лет? В те дни, когда в Америке царил антисоветский разгул, Ленин, пристально следивший за политическим курсом Соединенных Штатов, 20 августа 1918 года обращается с «Письмом к американским рабочим». Он, в частности, в этом письме отметил: «В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам».

Через несколько месяцев, в декабре 1918 года, в Стокгольм выезжает один из руководителей советской дипломатии, М. М. Литвинов. По поручению Советского правительства он направляет из столицы нейтрального государства ноту президенту США Вудро Вильсону. «Рабочие и крестьяне России,— указывалось в ноте,— отказываются понимать, как иностранные государства... считают себя вправе вмешиваться в русские дела теперь, когда сами трудящиеся, после десятилетий изнурительной борьбы и бесчисленных жертв, сумели взять в свои руки власть и судьбы своей страны, не желая ничего, кроме своего собственного счастья и международного братства, не представляющего угрозы для других наций». В чрезвычайно трудные дни 1919 года, когда Юденич наступал на Петроград, а Деникин подходил к Туле, В. И. Ленин находит время, чтобы ответить на вопросы корреспондента американской газеты «Чикаго дейли ньюс»: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой,— со всеми странами, но о с о б е н н о с Америкой».

По указанию Владимира Ильича в Соединенных Штатах Америки начинает действовать в качестве представителя Советской России один из старейших русских революционеров, Л. К. Мартенс, который обращается с меморандумом к государственному департаменту: «Я уполномочен моим правительством вести переговоры о возобновлении в ближайшем будущем торговых отношений, взаимно выгодных для России и Америки».

Мартенсу госдепартамент не ответил. Против него затеяли судебное дело, и он вынужден был скрыться у друзей в Вашингтоне. Провокации против Мартенса были организованы кругами, которые снабжали оружием и деньгами русскую контрреволюцию. Но разгром интервентов и белогвардейских армий отрезвил Европу, заставил задуматься и Америку. В 1924 году была создана советско-американская коммерческая организация — «Амторг». Политика непризнания Советского государства дала первую трещину.

И все же правящая Америка продолжала тешить себя надеждами на неизбежную гибель большевиков. В разгар антисоветской кампании в капиталистическом мире разразился экономический кризис. Он охватил все страны. Но наиболее серьезный удар нанес самой богатой стране капиталистического мира — Соединенным Штатам Америки. Семнадцать миллионов людей оказалось в этой стране за воротами заводов и фабрик. Возле громадных городов с их небоскребами и виллами выросли трущобы из жести и фанеры. Американцы окрестили их «гуверовскими городками», в честь президента Гувера, который заверял, что справится с кризисом. Голодные, бездомные люди бродили по дорогам в поисках работы и пищи, рылись в мусорных ящиках, умирали от истощения.

Кризис заставил деловые круги Америки более трезво взглянуть на Советский Союз. Америка начинает «открывать» Советскую Россию. В Москву устремились бизнесмены, ученые-экономисты, политические наблюдатели. В июне 1929 года в советскую столицу прибыл известный в те времена общественный деятель и публицист Джонсон. Он и до этого бывал в Москве, опубликовал в американских газетах и журналах серию доброжелательных статей о Советском Союзе и теперь приехал, чтобы встретиться с государственными деятелями. Джонсон беседовал с М. И. Калининым, В. В. Куйбышевым и А. И. Микояном.

Из США в Москву устремляется поток писем. Их авторы — рабочие и бизнесмены, фермеры и писатели, старики и женщины, дети и преподаватели колледжей. Как правило, письма шли на имя М. И. Калинина и М. М. Литвинова.

Таких писем было множество, и они в те годы отражали настроения широких народных масс, которые желали лучше узнать Страну Советов, выражали ей свои симпатии. Активность начали проявлять и правительственные круги США. В 1929 году из Соединенных Штатов Америки в Москву приехала представительная американская делегация во главе с сенатором Тайдингзом.

Сенаторов принимали советские руководители. Посланцы США совершили поездку по нашей стране. Когда они вернулись в Москву, М. М. Литвинов снова принял их, спросил, довольны ли поездкой. Сенаторы заявили, что в восторге от Советской России. Но если им дадут концессии, то будет совсем хорошо. Им ответили, что концессий Советская Россия предоставлять не будет. Надо торговать на основе взаимной выгоды.

Из Америки приехал еще один посланец, знаменитый инженер Купер. Он строил крупнейшую гидростанцию Америки Грэнд Кули. Тогда это было уникальное сооружение. Купера знал весь мир. Он приехал консультировать строительство Днепрогэса. С его мнением считалась официальная Америка. Началось строительство Днепровской гидроэлектростанции. Купер старался. Когда же Днепрогэс вошел в строй, Советское правительство наградило Купера орденом Ленина.

Жизнь шла своим чередом. Ширились контакты между нашими странами, американская печать уже не могла скрывать от своих читателей успехов Страны Советов во всех областях жизни.

Как будто пелена вдруг спала с глаз у тех, кто вчера предрекал неизбежную гибель большевистской России. И, отражая эти новые взгляды, буржуазный американский журнал «Нейшн» выступил со статьей, вызвавшей широкий отклик в Америке. «Четыре года пятилетнего плана,— писал журнал,— принесли с собой поистине замечательные достижения. Советский Союз работал с интенсивностью военного времени над созидательной задачей построения основ новой жизни. Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости... Это верно относительно Москвы с ее сотнями заново асфальтированных улиц и скверов, новых зданий, с новыми пригородами и кордоном новых фабрик на ее окраинах. Это верно и относительно менее значительных городов... Сотни новых районных электростанций и целый ряд гигантов, подобно Днепрострою, постепенно воплощают в жизнь формулу Ленина: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация...» Россия начинает «мыслить машинами». Россия быстро переходит от века дерева к веку железа, стали, бетона и моторов».

Политика бойкота Советского Союза показала свое полное банкротство. Насущнейшей задачей Америки стало признание СССР. Это понял лучше других сменивший в Белом доме Гувера новый президент Соединенных Штатов, один из выдающихся американских политиков — Франклин Делано Рузвельт.

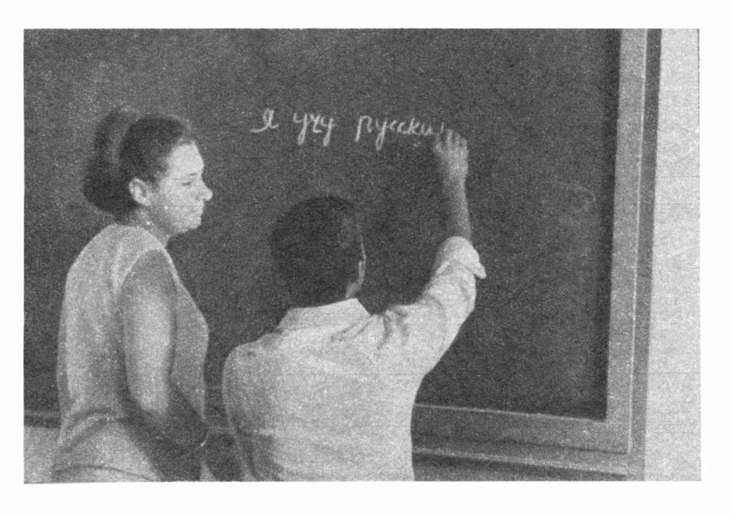
В конце 1933 года, вскоре после прихода Рузвельта к власти, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз установили дипломатические отношения.

З. ШЕЙНИС

ПАНОРАМА МИРА ПАНОРАМА

«Наша цель — построение социалистического общества!», «Социализм гарантирует мир, демократию и социальный прогресс», «Да здравствует социализм!» — под такими лозунгами в столице Сомали Могадишо состоялся массовый митинг в поддержку нового законодательства об улучшении условий труда и повышении благосостояния трудящихся, принятого Верховным революционным советом Сомали.

Османийский университет в Хайдерабаде (южноиндийский штат Андхра-Прадеш) — одно из старейших учебных заведений Индии, основанное еще в 1915 году. В настоящее время здесь работает группа преподавателей из Советского Союза, которые ведут курсы по изучению русского языка. На снимке: преподаватель из Киева В. Тюрина дает урок русского языка.

Патриоты Гвинеи (Бисау) усиливают вооруженную борьбу с войсками португальских колонизаторов, нанося им одно поражение за другим.

Фото ТАСС.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПУТЬ К РЕШЕНИЮ

Даниил КРАМИНОВ

Хотя печать всего мира преподносила и преподносит вести о сражениях и бомбардировках, разрушениях и жертвах, ультиматумах и угрозах под крупными заголовками, читатели во всех странах ищут среди них сообщения, которые вызывают не страх или ненависть, не возмущение или раздражение, а надежду. Это сообщения о том, что разум взял верх над ненавистью и раздражением и представители враждующих или конфликтующих сторон встретились, чтобы найти решение, кладущее конец вражде или конфликту.

В последние недели, например, вся международная общественность внимательно следила за сообщениями о переговорах представителей Индии и Пакистана, и местечко Марри, где они встретились, приобрело мировую известность, потому что там был сделан первый практический шаг к нормализации отношений между этими двумя государствами и установлению прочного и длительного мира на субконтиненте Индостан. Широко и искренне была одобрена весть, что достигнута договоренность о скорой встрече руководителей Индии и Пакистана. Миролюбивая общественность убеждена, что переговоры между ними откроют благоприятные перспективы для воссоздания братских отношений между двумя народами, омраченных недавними военными действиями на субконтиненте.

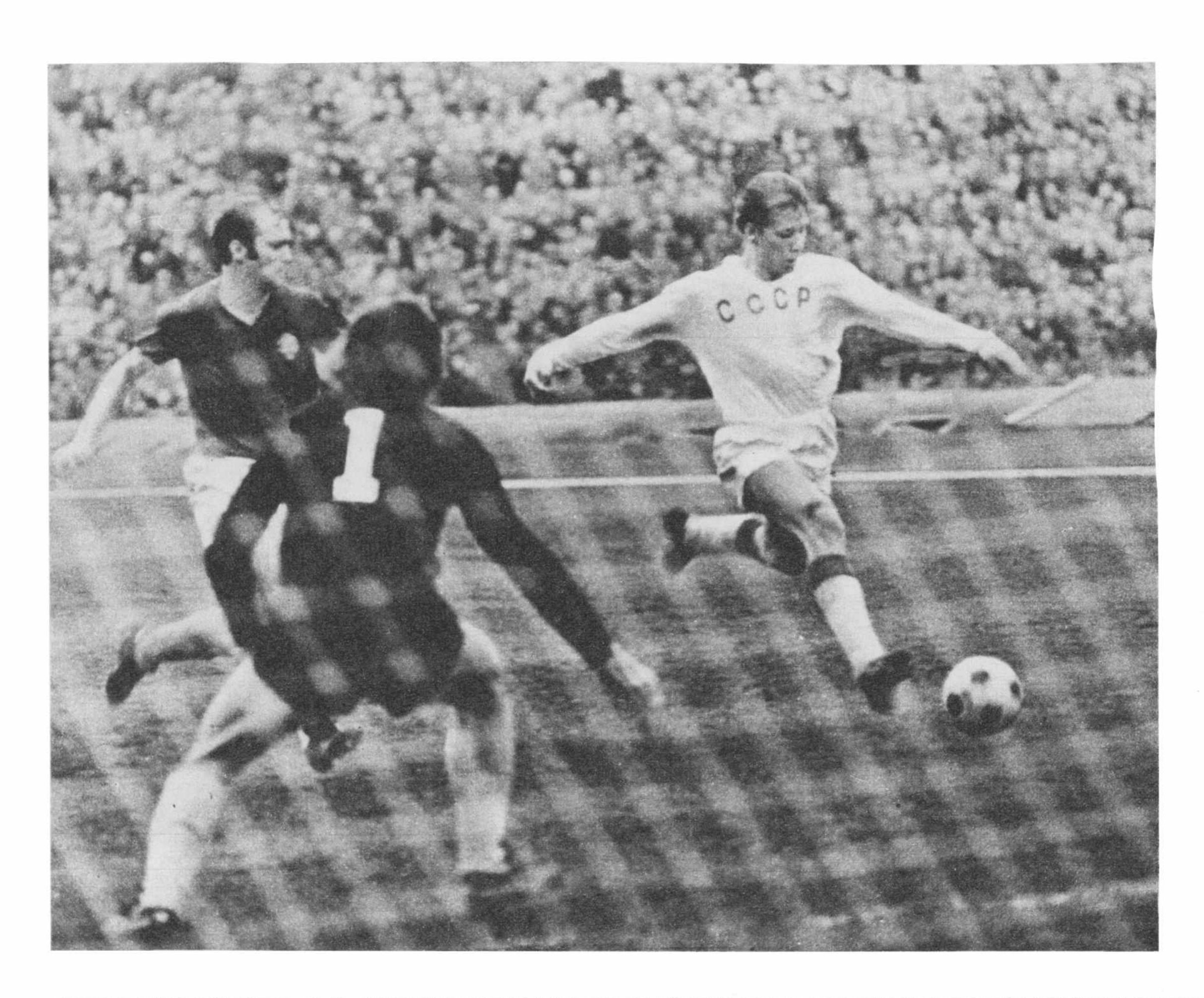
Не ослабевает интерес общественности всего мира к переговорам, которые ведутся то в Вене, то в Хельсинки между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Всем известно, что переговоры сложны и трудны, поэтому каждое сообщение о прогрессе встречается с радостью: даже самый маленький шаг в направлении ограничения стратегических вооружений не только облегчает бремя военных расходов, но и уменьшает опасность катастрофы ядерной войны. Советско-американские переговоры рассматриваются как важный вклад в борьбу за сокращение, а затем и запрещение ядерного оружия, чего Советский Союз добивается уже длительное время.

С взволнованной озабоченностью следит международная общественность за судьбой договоров, которые заключила Федеративная Республика Германии с Советским Союзом и Польской Народной Республикой. Эти договоры — плоды длительных и серьезных переговоров — уже привели к заметному ослаблению напряженности в центре Европы, содействовали заключению соглашения четырех держав-победительниц по Западному Берлину, открывшего перед ним новые благодатные возможности. Злобная попытка западногерманских реваншистов в сговоре с политическими карьеристами сорвать ратификацию этих договоров в бундестаге ФРГ и растоптать плоды долголетних переговоров государственных деятелей и дипломатов СССР, ПНР, ФРГ, и ГДР встретила повсеместное осуждение и справедливое возмущение трудового народа ФРГ и Западного Берлина.

В начале мая миролюбивая общественность с чувством облегчения встретила сообщение о том, что Вашингтон решил возобновить переговоры с представителями Демократической Республики Вьетнам и Республики Южный Вьетнам в Париже, которые были неразумно прерваны некоторое время назад американским делегатом. Однако новое, 149-е по счету заседание вновь было сорвано делегатом Вашингтона. Вместо продолжения обсуждения политического будущего Южного Вьетнама американская сторона представила делегатам вьетнамского народа вздорный вопросник, потребовав в ультимативной форме ответить на него прежде, чем начать обсуждение. Под видом проверки готовности представителей ДРВ и РЮВ «к серьезным переговорам» американская делегация фактически попыталась принудить их к капитуляции. Делегация США потребовала от ДРВ и РЮВ готовности договариваться о политическом урегулировании в Южном Вьетнаме «непосредственно с нынешним правительством в его нынешнем составе», хотя Вашингтону давно известно, что главным требованием патриотических сил было и остается требование убрать марионеточное правительство Тхиеу. Это правительство, скандально известное своей продажностью, взяточничеством, внутренней грызней, не представляло и не представляет никого и держится только на американских штыках. И сокрушительный и заслуженный разгром сайгонской армии наемников, подготовленной и вооруженной Пентагоном, на спасение которой брошены в последние недели огромные американские военно-воздушные и военно-морские силы, доказал это самым наглядным образом. Воспользовавшись неразумным предлогом для нового срыва переговоров, Вашингтон снова сделал главный упор на решение вьетнамской проблемы силой, расширив бомбежки ДРВ и заминировав ее порты. Эти акции Вашингтона вызвали новую волну возмущения, протестов во всем мире, включая США.

Газета «Нью-Йорк таймс», критикуя намерение Вашингтона добиться решения вьетнамской проблемы на поле боя, а не за столом переговоров, писала: «Неокончательный» характер войны вынудил сенатора Мэнсфилда еще много лет назад призывать Вашингтон отказаться от мечты о победе и добиваться компромисса путем переговоров. Сегодня этот совет кажется еще более здравым. Дальнейшая затяжка не улучшит позиции Америки на переговорах».

В наше время, когда на мировой арене капиталистическому миру противостоят силы социалистического содружества и национально-освободительного движения, попытки даже крупной державы навязать свою волю народу, борющемуся за национальную свободу и независимость, обречены на провал. Не надо быть историком, чтобы помнить опыт недавнего прошлого: право народов устраивать жизнь по своему усмотрению нельзя отнять с помощью бомбардировок с воздуха, с моря или политического нажима. Только здравый учет интересов народов и стран создает основу для разумного решения проблем, требующих урегулирования. Переговоры были и остаются единственным путем к решению, которое может обеспечить длительный и прочный мир, идет ли речь о Юго-Восточной Азии, Индостанском полуострове, Ближнем Востоке, Латинской Америке или Европе. Лишь переговоры без применения силы, давления и угроз способны вывести из тупика военных и политических конфликтов, открыть путь в будущее.

ТЕПЕРЬ — ПОЛУФИНАЛЫ!..

После ничейного исхода встреч сборных команд СССР и Югославии в Белграде тренеры заявили, что нейтрального поля для третьего матча не потребуется, но Международная федерация все же такое поле наметила еще до начала второго матча в Москве. В случае новой ничьей команды должны были играть в Амстердаме.

В течение всего первого тайма такая предусмотрительность казалась вполне оправданной: игра не предвещала бурных событий, защитники внимательно опекали своих подопечных, и все попытки полузащитников вывести нападающих на удар кончались ничем. И вот тогда В. Колотов, словно потеряв надежду на успех форвардов, на пятьдесят третьей минуте сам пошел в атаку и точно послал мяч мимо югославского вратаря.

Попытка югославских футболистов отыграться во втором тайме привела к тому, что им пришлось ослабить свои защитные редуты, и этим уверенно воспользовались наши нападающие А. Банишевский и Э. Козинкевич. Теперь сборную СССР ждет борьба в полуфинале либо с венгерской, либо с румынской командой. Во втором полуфинале встречаются сборные ФРГ и Бельгии.

Финал не за горами. Он состоится 17 июня в Брюсселе.

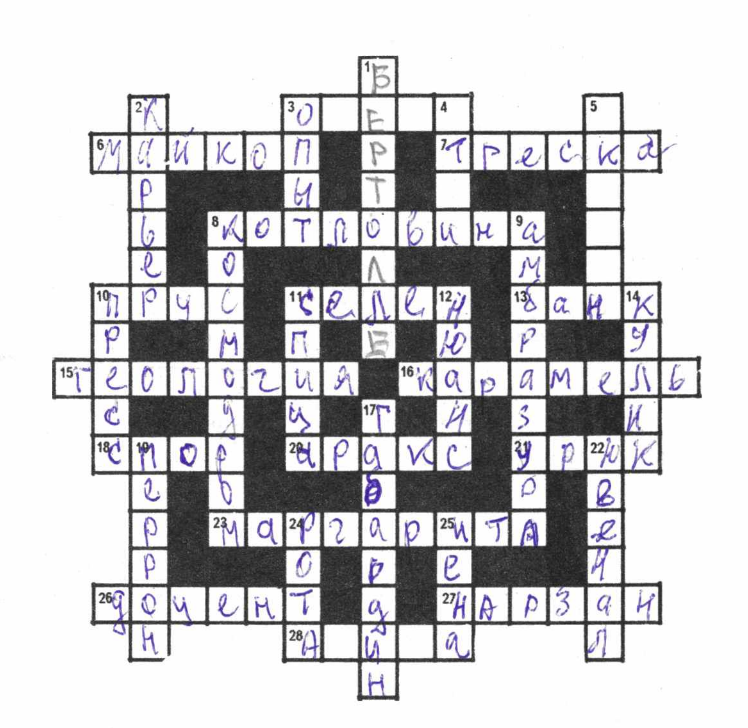
На снимке: момент игры сборных СССР и Югославии в Москве.

Фото А. Бочинина.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Повесть А. И. Куприна. 6. Центр автономной области в РСФСР. 7. Морская рыба. 8. Впадина с отлогими склонами. 10. Автор романа «Кукла». 11. Химический элемент. 13. Кредитно-финансовое учреждение. 15. Наука, изучающая состав и строение Земли. 16. Сорт конфет. 18. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 20. Приток Куры. 21. Сушеные плоды абрикоса. 23. Действующее лицо оперы Ш. Гуно «Фауст». 26. Ученое звание. 27. Минеральная вода. 28. Порт в Чили.

По вертикали: 1. Французский химик. 2. Бег лошади. 3. Эксперимент. 4. Звездное скопление в созвездии Рака. 5. Дневная бабочка. 8. Стартовая площадка межпланетных кораблей. 9. Бойница. 10. Машина для обработки материалов давлением. 11. Часть колеса. 12. Оттенок звучания. 14. Птица. 17. Шерстяная ткань. 19. Железнодорожная платформа. 22. Римский поэт-сатирик. 24. Войсковое подразделение. 25. Денежная единица Японии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 5. Череповец. 10. «Гобсек». 11. Кролик. 12. Антенна. 13. Конакри. 15. Автол. 16. Рояль. 17. Шахта. 21. Нерча. 24. Сметана. 25. Початок. 27. Монета. 28. Афелий. 29. «Парижанка».

По вертикали: 1. «Белка». 2. Перстень. 3. Ботаника. 4. «Репка». 6. Борона. 7. Асбест. 8. Лоджия. 9. «Шинель». 13. Клаас. 14. Ирина. 17. Шаблон. 18. Хоккей. 19. Песчаник. 20. Каттегат. 22. Рылеев. 23. Акация. 25. Панас. 26. Каска.

На первой странице обложки: Гриша Тыненагиргин, сын оленевода камчатского совхоза «Полярная звезда».
Фото. Н. Козловского.

На последней странице обложки: Подмосковье.
Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

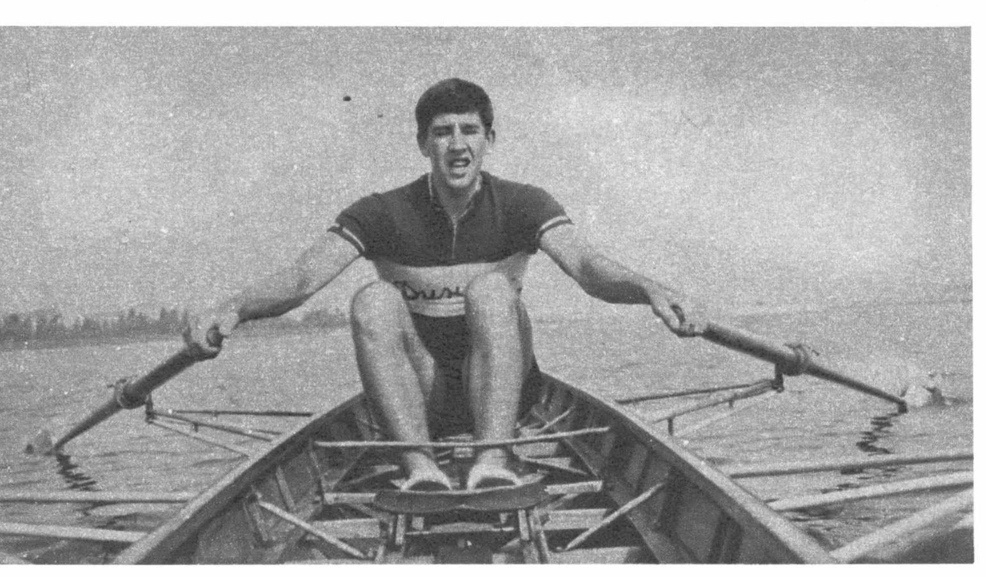
Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

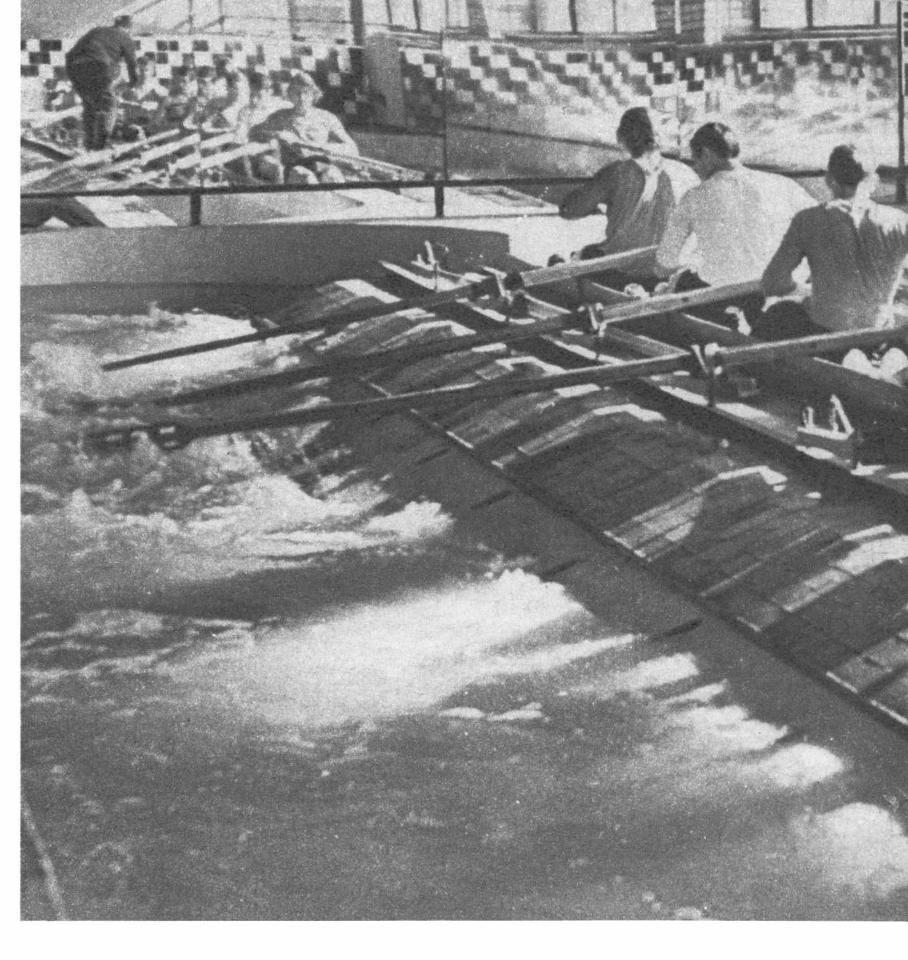
Сдано в набор 30/IV-72 г. А 00675. Подп. к печ. 16/V-72 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1141. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2909.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Иван Трофимович Тимошинин ведет занятия в гребном бассейне.

Александр Тимошинин на воде.

ФАМИЛИИ

Г. КОЛОДНЫЙ

Фото А. БОЧИНИНА.

Есть фамилии, к которым любители спорта относятся с особым, нескрываемым интересом. И часто с вполне объяснимой теплотой. Такие фамилии долго не сходят со страниц спортивной прессы, неизменно встречаются в протоколах больших соревнований. Как же так? Ведь спортивный век не так уж долог. И тогда задав себе такой вопрос, замечаешь, что фамилии остаются те же, а вот имена другие...

* * *

В один из дней прошлого лета в хорошо знакомый жителям столицы Серебряный бор устремились любители гребного спорта. Предстояли интереснейшие гонки, разыгрывались золотые медали Спартакиады народов СССР.

— Ну вот, приехали за золотом Серебряного бора! — шутят на трибуне.

Но аплодисменты раздались еще до того, как финишировали участники первого финального заезда. Состоялся заезд вне программы. На одиночках — ветераны, те, кто не раз побеждали в прошлые годы. И вот радио разносит: «Победил Иван Тимошинин».

Проходит полтора часа, и вновь мы видим заслуженного тренера РСФСР Ивана Трофимовича Тимошинина, но уже не в лодке, а на трибуне. Ветеран весь во внимании, к глазам приложен бинокль. Гонка в разгаре. Что там, на трассе? Из-за поворота появляются двойки. Они все ближе и ближе и вот уже финишируют. И радио доносит: «Победил Александр Тимошинин и Анатолий Сасс». И ветеран снова принимает поздравления, но на этот раз за сына.

Кому-кому, а ему очень памятны первые шаги сына. Это Иван Трофимович затащил его на гребную базу, знакомил с секретами мастерства и радовался успехам наследника, пожалуй, еще больше, чем своим. А успехов у сына накопилось немало. Еще шесть лет назад Александр победил на чемпионате СССР среди юниоров. Не раз занимал призовые места на международных регатах в Швейцарии, Югославии, ФРГ и дома — в Москве. А в 1968 году на Олимпийских играх в Мехико двойка А. Тимошинин — А. Сасс стала золотой.

* * *

Петру Семеновичу Авилову перевалило за 60, а сыну Виктору — 30. Тридцать два раза отец был чемпионом по пулевой стрельбе. Его пули метко поражали мишени на Олимпийских играх в Хельсинки, на первенстве мира в Каракасе. Теперь не только отец, но и сын — участник чемпионатов страны, Европы и мира, у обоих хранится много медалей, в том числе золотых.

— У вас, наверное, дома спортивный музей? — спрашиваю я Авилова-младшего.

— Не сказал бы, но спортивных реликвий все же немало, более ста. Наденет отец медали — и как в кольчуге. Я считаю, что и мои медали — его. Ведь это он увлек меня стрельбой, в шестнадцать лет я уже выполнил норму мастера. Все занятия и тренировки проходил под его началом.

— Какой же трофей вам дороже всего?

— Подарок отца — свитер чемпиона. Он был мне отдан, когда отец перестал выходить на старты больших соревнований.

* * *

Григорий Иванович Федотов вошел в историю футбола как прославленный нападающий. Но теперь широко известен и его сын — Владимир. Семнадцать лет назад отец привел паренька в футбольную школу молодежи, и Володя успешно дебютировал в 1961 году в той же команде ЦСКА, где так блистательно выступал его отец. Уже через три года 20-летний центральный нападающий стал лучшим бомбардиром всесоюзного чемпионата. Особенно запомнился матч первенства страны 1970 года ЦСКА — «Динамо» (Москва), решивший судьбу чемпионата страны. В трех голах был «повинен» Федотов-сын.

* * *

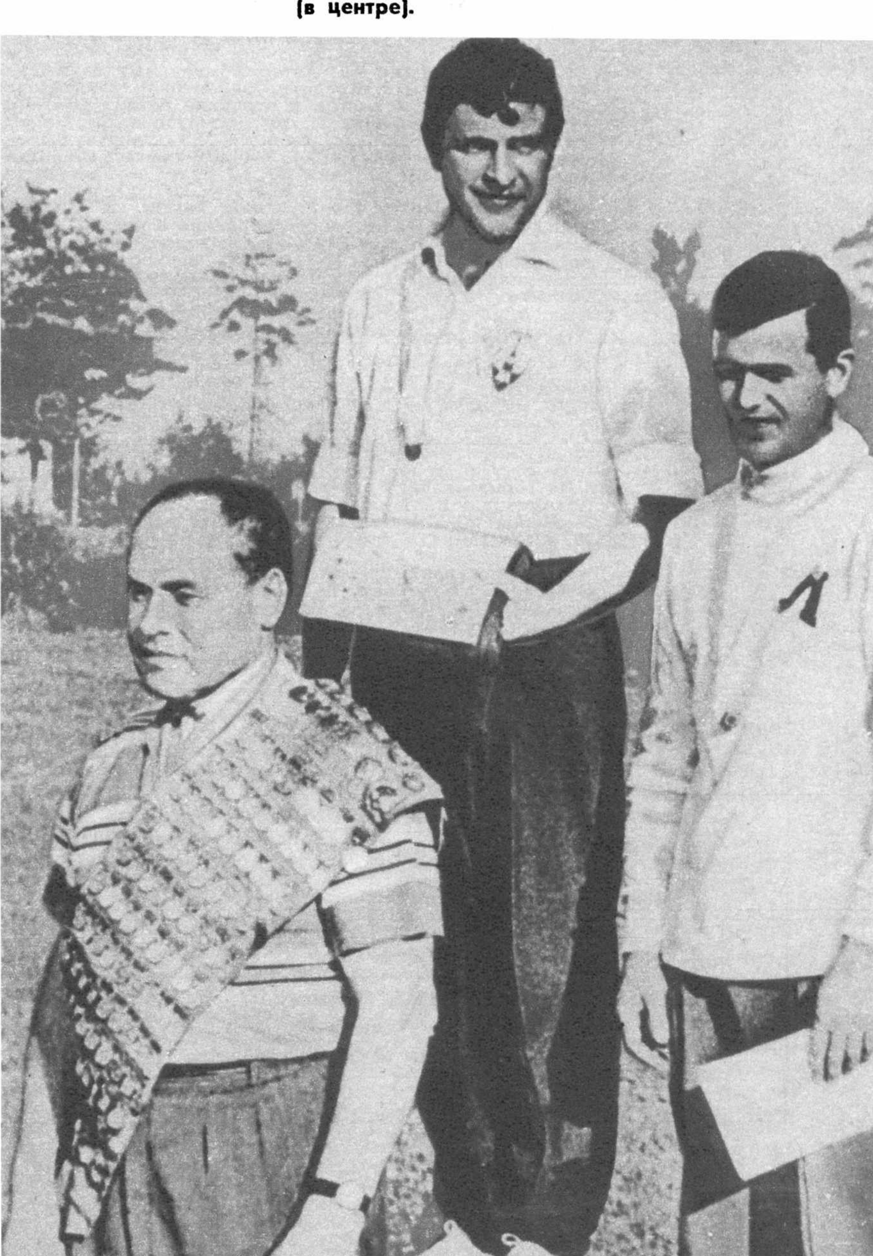
Недавно я побывал в гостях у своего друга — популярного в свое время боксера, ныне профессора, Константина Васильевича Градополова. Он просматривал рукопись своей книги «Жизнь в спорте» в литературной записи дочери Татьяны.

Татьяна Константиновна не стала ни чемпионкой, ни мастером спорта. Она преподавательница русского языка и литературы в Центральном институте физической культуры, кандидат педагогических наук. Тема ее диссертации созвучна деятельности отца: отражение социальной сущности физического воспитания в русской литературе. Но зато дочь ее, внучка Градополова, десятилетняя Ксения, уже призер финальных соревнований по плаванию на первенство «Юного динамовца» и общества «Юность».

* * *

Спортивные семьи! Нет, они не стареют. Из года в год звучат над стадионами знакомые фамилии, возбуждая у нас не только волнующие воспоминания, но и радуя сегодняшними победами...

Петр Семенович Авилов попросил снять его с сыном Виктором (в центре).

ТЕ ЖЕ, ИМЕНА ДРУГИЕ

Григорий Иванович Федотов играл в центре, и на этом снимке он в центре.

Семейство Градополовых вспоминает о поездке Константина Васильевича на Олимпиаду в Мексику. Слева направо: К. В. Градополов, его внучка Ксюша и дочь Татьяна Константиновна.

Владимир Федотов рвется к воротам.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663